



СТАЛКЕР
Александр Шакилов

ЗЕМЛЯ ВЕТЕРАНОВ

СТАЛКЕР

ЖАРЫ

СТАЛКЕР

Александр Шакилов

[ГЕРОИ ЗОНЫ]

ЗЕМЛЯ ВЕТЕРАНОВ



STALKER

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АСТ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «STALKER»

АНДРЕЙ ЛЕВИЦКИЙ, АЛЕКСЕЙ БОБЛ
«Я – СТАЛКЕР. ОСОЗНАНИЕ»

АНДРЕЙ ЛЕВИЦКИЙ, АЛЕКСЕЙ БОБЛ
«Я – СТАЛКЕР. АНТИЗОНА»

АЛЕКСАНДР ШАКИЛОВ
**«ГЕРОИ ЗОНЫ.
ЗЕМЛЯ ВЕТЕРАНОВ»**

STALKER

Александр Шакилов

[ГЕРОИ ЗОНЫ]

ЗЕМЛЯ ВЕТЕРАНОВ

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ш17

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Подписано в печать 25.03.2013. Формат 84x108 1/32. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8. Тираж 12 500 экз. Заказ 1091.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Серия «Stalker» основана в 2013 году

*Оформление обложки — В. Половцев
Художник — А. Руденко*

Шакилов, Александр

Ш17 Герои Зоны. Земля ветеранов : [фантастический роман] /
Александр Шакилов. — Москва: АСТ, 2013. — 316, [4] с. —
(Stalker).

ISBN 978-5-17-077939-0

Закона больше нет, зато у всех и каждого есть оружие. Это Вавилон, рай для тех, кому нужна свобода. Но однажды в раю появились демоны...

Президент страны, торговец наркотиками и мальчишка-беспризорник — что у них общего? К войне с кем готовятся сильные мира сего? И почему пропадают подростки?

Никто не знает.

Одно точно — Макс Край снова в деле.

Значит, есть надежда найти ответы?..

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-985-18-2039-5
(ООО «Харвест»)

© А. Шакилов
© ООО «Издательство АСТ»

Глава 1

ПОЛЕТ ВАЛЬКИРИЙ

Может, он торговец органами? Мясники обладают такой харизмой, что хочется вприпрыжку мчать в разделочный цех, рассказывая, чем болел в детстве, и — мамой клянусь! — уверяя, что ведешь здоровый образ жизни. Так что вряд ли. Однако проверить не помешает.

Не сводя глаз с подозрительного парня лет двадцати с мелочью, я взял стакан.

Худощавый, рост средний. Несмотря на годы, одет как пацан из переулка по соседству: просторные штаны, кроссовки с драными шнурками, черная бандана с белыми черепами... Короче говоря, он мне сразу не понравился.

Запотевшее стекло — побольше льда, поменьше виски — коснулось губ, но и только. Давно не употребляю ничего горячительней чая, однако реноме гуляки-мачо поддерживать надо. А ведь когда-то я



выпивал за раз по полфляги перцовки. Были же времена, и куда все сгинуло?..

Покачиваясь в такт музыки, «мясник» в бандане лениво кружил по танцполу в стороне от размалеванных нимфеток и их ухажеров, почти достигших призывного возраста. И вроде ничего особенного в его внешности и жестах — одежда не в счет, но ведь почему-то я прикипел взглядом?

Есть у меня такая черта характера — доверять интуиции. Да и плохая примета, если клиент начинает раздражать. Плохая — для клиента.

Но пора бы уже и представиться, да?

Я тот мужчина в пятнистых штанах, куртке цвета хаки и ботинках с высокими берцами — эдакий завсегдатай показов мод от кутюр в местном военторге. Это мои мышцы без грамма жира утонули в кожаном диване в окружении полуоголых блондинки и брюнетки. А зовут меня Максим Краевой. Для друзей — Макс Край. И все тут — стены, колонки и стойка бара, столики и оборудование диджея, замутившего микс из регги и еще бог знает чего, — мое. Добро пожаловать в клуб «Янтарь».

Стакан вернулся на стол, и блондинка, — как ее зовут, а? — на миг обогнав брюнетку, ослепительно улыбнулась:

— Максик, тебе обновить?

Легонько хлопнув ее по попке, я мотнул головой — типа утолил жажду, спасибо.

«Мясник» как раз проследовал к стойке, где заказал бокал многоцветной бормотухи для мажоров — с карамельной трубочкой и зонтиком из бамбука и бумаги. Пошептавшись там с самым обычным



пацаном лет четырнадцати, он залпом влил в себя коктейль и, не оглядываясь, двинул к сортиру. Пацан же — похож чем-то на Патрика, пару дней не виделись, скучаю — неуклюже соскочил с высокого табурета и зарысил следом.

Ему тоже захотелось пи-пи? Вот она, мужская солидарность.

— Девчонки, мне нужно припудрить носик. — Я вынырнул из дивана и, напевая под нос «Неба утреннего стяг, в жизни важен первый шаг»¹, двинул к двери с медными буквами «W» и «C».

Скрип петель прорвался даже сквозь гул басов и рваный ритм дабстепа. Надо бы смазать, мы ведь солидное заведение, а не изба-читальня для пионеров.

Я вошел — в нос шибануло хлоркой — и обомлел.

Молодые люди совсем оборзели. Даже не уединились в кабинке, прямо у рукомойников с зеркалами своими грязными делишками занялись.

— Третьим буду, — заявил я, подруливая ближе. Дежурная улыбка прилипла к лицу.

Тот, который в бандане, заслонил подростка — клиента? — спиной, но я все же успел сфотографировать, как он передал прозрачный пакетик с белым порошком. Зуб мудрости даю, нет, целую челюсть, что порошок этот вовсе не ванильный сахар и не мука с крахмалом.

Терпеть не могу наркоманов, а от вида барыг у меня вообще изжога. И ладно бы сами себе жизнь

¹ Слова из песни «И вновь продолжается бой». Музыка — А. Пахмутова, слова — Н. Добронравов.



гробили, так ведь и других подсаживают, СПИД разносят, грабят... Так что придется задать этим чмошникам такую трепку, что держите меня семеро. Хорошо бы я ошибся, и эти парни всего лишь «голубки» или дебилы от рождения. Влюбленным я пожелал бы приятной ночи, а умственно отсталым вручил бы по трехлитровой банке энергетика за счет заведения.

Запомните, если вы решитесь прокутить в моем клубе сотню-больше евро, вам придется уважать правила поведения Макса Края в общественных местах.

Это очень простые заповеди:

- 1) «Янтарь» — территория, свободная от насилия. Хотите разборок — идите на улицу.
- 2) «Янтарь» — заведение без наркоты. У вас ломка — так катитесь к черту.

Все, больше правил нет. Приспичило потрахаться в сортире? Да без проблем, там есть автомат с презервативами. Желаете напиться в зюзю? Уважаю ваш выбор, с радостью поднесу тарелку с оливье, чтоб было куда упасть лицом.

Но — никаких столов и ни миллиграмма драгса.

Это железно.

— Дай сюда. — Я протянул руку ладонью вверх, чувствуя, как моя улыбка превращается в гримасу отвращения.

— Нет, мое же. — Наверное, это из-за освещения мордаха покупателя посерела, а прыщи на ней обозначились четче. — Мое же! Нет!

Его жалкое повизгивание меня расслабило. И напрасно.



Я едва увернулся от удара кастетом в висок — прыщавый не такой уж слабак, каким хотел казаться. Решительный парнишка. Вынырнув из-за спины торговца порошком, он готов был отправить меня на тот свет без малейших раздумий и сожаления. Вот и я с ним не церемонился: хуком слева в челюсть сшиб с ног, да и все. Пытаясь подняться с кафеля, он выплюнул пару зубов, добавив работы уборщице, после чего я уговорил его не вставать — носком армейского ботинка по роже. Если в его черепе есть хоть одна извилина, ее можно ремонтировать по гарантии.

А вот у торговца наркотиками со смекалкой точно полный порядок. Сообразив, что грубить мне не стоит, он вмиг задрал лапки. Молодец. И все же я подстраховался, врезав ему хорошенъко разок-другой по ребрам. И правильно сделал — из рукава диллера выпал электрошокер, который приласкал бы меня, отвернувшись я хоть на миг. А потом в сортир ворвалась доблестная охрана.

— Босс, работают профессионалы, не мешайте. — Меня вежливо оттер к двери громила с квадратной челюстью, овальными бицепсами и всем прочим геометрическим, в футболке с надписью «SECURITY» и тренировочных штанах с лампасами.

Его напарник, — прямо-таки брат-близнец, а ведь даже не однофамильцы! — вытащил из заднего кармана джинсов прыщавого пакетик с дурью и передал мне.

Я хотел тут же утопить эту дрянь в унитазе, но замешкался, заметив на прозрачном полиэтилене нечто любопытное, — чуть размазанный синий штампик: схематическая фигурка ангела с крыльями.



Типа «ангельская пыль»? Кажется, по науке — фенциклидин. Да какая, хрен, разница? Наркота, она и есть наркота, как ее ни назови.

Конфисковав кастет и шокер, охрана чересчур резво подняла с пола дилера и его клиента — тело в бандане, не устояв на ногах, рухнуло на меня.

Я брезгливо оттолкнул его:

— Выбросьте этот мусор на помойку и больше в клуб не пускайте.

Синхронно кивнув, геометрические не однофамильцы поволокли парочку к черному выходу. Это правильно, нечего нормальных клиентов смущать. Я же собрался обратно на любимый диванчик, чтобы вспомнить-таки имена сегодняшних подруг. Не верьте тому, кто скажет: «Есть в этом мире кое-что приятней парочки красоток в объятьях». Не верьте, если этого лжеца зовут не так, как меня.

Увы, девушек я оставил на потом.

Не стоит торговца и наркошу лишать знаменитой напутственной речи Макса Края.

Охрана как раз спустила сладкую парочку по лестнице, препроводив в переулок, едва подсвеченный единственным прожектором с крыши клуба. Там их поставили на колени у зловонных мусорных баков, забитых по самый верх. Хвостатые мяукающие тени недовольно метнулись прочь. Вдалеке стреляли — у кавказского землячества сегодня праздник, ничего серьезного.

Это же Вавилон. Зона, свободная от Закона. Когда-то этот город назывался иначе, но его обитатели самим новым названием кинули вызов власти.

Я скрестил руки на груди:



— Эй ты, ублюдок в бандане, к тебе обращаюсь, не вороти морду. Никогда больше здесь не появляйся, даже близко не подходи. Здесь такого дерьяма не надо.

Потом повернулся к парню, чем-то похожему на Патрика:

— А ты бы завязывал с дурью — целее будешь.

Он демонстративно высморкался, зажав указательным пальцем сначала одну ноздрю, затем вторую.

Вот на кой я трачу время на проповеди?

— И на дантисте сэкономишь. Лучше в спортзал запишись, а нет — так пивка попей, с девчонками позажигай, но не гробь себя. Или на работу устроися и... — Я понял, что ляпнул лишнего. Чуть ли не половина населения нашей убогой страны прозябает от пособия до пособия или на ветеранскую пенсию. И потому корить парня тем, что он бездельник, — это уже перебор.

— Босс, все?

Я махнул охране — мол, финита ля комедия, а сам уже собрался обратно в клуб.

Меня остановил окрик:

— Край!

Наткнувшись взглядом на ухмылку торговца в бандане, я услышал:

— Напрасно ты так, Край. Ведь мы еще встретимся.

— Только если ты — самоубийца. Увижу еще раз — всажу пулю в голову. — Мне очень не понравилось, как этот урод разговаривает со мной. После заданной трепки ему следовало быть почтительней.



Однако на прощание он поднял над головой руку с оттопыренным средним пальцем. И я бы даже возмутился, и приказал бы охране проучить наглеца, а то и сам бы... Вот только на запястье у него блеснуло нечто, что заставило меня забыть об оскорблении.

«Bregguett».

Достойные куранты: корпус из белого золота, сапфировое стекло, ремешок крокодиловой кожи.

У меня вот никогда толковых наручных часов не было, но на одном сайте я их внимательно рассмотрел, а потом в солидном магазинчике на Барабане, в торговой зоне, доступной для посетителей, даже примерил как-то. Но не купил. Тридцать с довеском тысяч евро такие стоят. Так что показалось мне, обман зрения это, а не «Bregguett» на руке дилера. Хотя... Может, я чем-то не тем по жизни занимаюсь?..

Когда я очнулся, ублюдок в бандане и его малолетний клиент скрылись в ночи. Меня же дергал за руку здоровенный качок-охранник, высматривая разрешения надрать козлам задницу.

Точно. Надрать.

Что я и сделал тут же, не заходя в клуб, — высказал секьюрити все, что я думаю об их професионализме: шляются тут всякие, и вообще, и в целом. Охрана послушно опустила очи долу — шеф грозен, его надо бояться. Натренировались, сволочи, выклизывать смирение. Ну да они лучшие сволочи в этом городе. Хорошие ребята. Я их очень ценю, только им об этом знать не следует, а то еще попросят прибавки к зарплате.

— Босс, порошок выкинуть надо.



— Да, босс, избавиться бы от порошка.

— Точно, — кивнул я, хлопая себя по карманам. — Вот только где я его...

Так-с, вспоминаем. В сортире охранник мне передал пакетик. Я держал эту дрянь в руке, потом на меня упал урод в бандане, а потом...

Черт! Он как-то сумел отжать у меня свою наркоту!

Рассвирепеть и вновь сделать втык охране мне помешал мобильник. Мерзкая трубка завибрировала во внутреннем кармане куртки. Я замер, мысленно моля, чтобы рингтон, который последует за вибро, оказался не «Полетом валькирий» Вагнера. Пожалуйста, только не эта мелодия, ведь она выставлена на...

Заиграл именно «Полет валькирий».

Охранники дружно хмыкнули и заулыбались в предчувствии особого шоу.

Не сумев сдержать стон, я вытащил из кармана трубку и уставился на экран — а вдруг случится чудо, и я увижу на нем другое имя?

Увы, чуда не случилось, поэтому я просто бросил вызов.

Телефон тут же зазвонил опять. Я сбросил. Трубка вновь завибрировала. Охранники уже откровенно хихикали. Я почувствовал, что краснею, нет, пожалуй, даже багровею.

Выругавшись сквозь зубы, я таки ответил на вызов:

— Здравствуй, любимая. Рад тебя слышать.

И тут же отвел трубку от уха.

Зачем я это сделал? Ну, просто я отлично знаю, что Милену — а звонила именно она — жутко раздражает, когда я называю ее любимой, и она не уп-



стит шанса высказать мне все, что она обо мне думает. А с тех пор, как мы окончательно расстались, бывшая супруга думает обо мне исключительно плохо и желает при редких встречах отнюдь не здоровья и долгих лет.

Она долго измывалась надо мной, а я стойко терпел — из-за нашего сына, в котором мы оба души не чаем. Она сама назвала его тем дурацким именем, я не при чем, оно мне, как и нашему пацану, никогда не нравилось, но с Миленой тяжело спорить... С ней вообще тяжело. И потому однажды я ушел из семьи и не вернулся.

Из трубки больше не доносилось ни звука.

Я поднес ее к уху:

— Да, любимая, ты, как всегда, права.

Пару секунд длилось молчание.

— Макс, ты слышал хоть что-нибудь из того, что я сказала?

Странный какой-то голос у Милены. Она чуть ли не впервые говорила как нормальный человек, а не как первостатейнейшая стерва, задавшаяся целью испортить мне жизнь.

Подумав чуть, я ответил честно:

— Не-а. Ни слова.

— Макс... — Пауза. Потом всхлипы. — Макс, наш сын... Патрик пропал.

* * *

Его окружили быстро и тихо. Умело так окружили — без суеты, не вспугнув заранее.



Да уж, глупо вляпался, очень глупо.

Уже сгущались сумерки, когда на безлюдной улице к нему подбежал рыдающий мальчишка лет десяти или чуть старше: дырявый свитерок с Микки Маусом, кепка козырьком назад, на лице россыпь веснушек. Сквозь рыдания Заур разобрал, что на старшую сестренку мальца напали какие-то уроды, затащили ее в подвал, помогите, ну, пожалуйста, помогите.

Ни секунды не раздумывая, Заур тут же велел пацану показать, где и как все произошло.

Бегом — арка, закоулок, подъезд, пропахший мочой, лестница вниз — и вот он в грязном вонючем подвале. Здесь затхло и влажно, в углу пищат крысы, изоляция труб ободрана, ключьями свисает гнилая стекловата. А вокруг Заура — с десяток ветеранов: кто в камуфляже, кто просто в тельняшке, а один даже броник напялил. При взгляде на лицо последнего Заура передернуло вовсе не из-за уродливых бородавок на лбу у того, сломанного носа и щеки, порванной так, что обнажились источенные кариесом зубы. Знакомое лицо, очень знакомое...

Он заставил себя отвести взгляд, чтобы не выдать особый интерес к этому грешнику.

Так, а чем его тут встречают? Понятно, что не хлебом-солью, но... Ножи, достойные называться мачете и мечами, заточенные арматурные прутья, бейсбольная бита... Огнестрела не видно — похоже, бандиты считают Заура совсем уж несерьезным клиентом: любимого оружия подростковых банд более чем достаточно, чтобы напугать его до расслабления сфинктеров. Вот и пацан, что только-



только размазывал по лицу сопли, хохочет за спиной, лохом называет, чудилой, которого сам бог велел проучить.

А вот это зря. Не надо на Господа напраслину возводить. Уж Заур-то точно знает, что ни к чему такому высшие силы не причастны.

— Слышь, чё головой вертишь? — Все молчат, один малец надрываеться. — Снимай котлы, баблос давай!

В общем, глупо вляпался, глупее некуда. Если быть честным, то непрофессионально глупо. Слишком уж нарочито. Вот только времени не было корчить из себя типа крутого. И так почти целый день потратил, кружка меж высоток и старых, давно ожидающих сноса хрущоб.

— Уважаемые, предлагаю разойтись по-хорошему. — Заур сунул в карманы плаща кисти рук, затянутые в черную кожу перчаток. В эти карманы можно по килограмму картофеля засунуть, и незаметно будет, такие они глубокие. — Это ведь досадное недоразумение, вы всего лишь пошутили, верно?

— У него с головой проблемы, вот ей и вертит! — Малец все не унимался.

Заур решил не обращать на него внимания:

— И тогда инцидент будет исчерпан, верно? Я не стану арестовывать вас, и никто не попадет к работорговцам.

Вообще-то, подобные компромиссы против его принципов. Заур считает, что каждый грешник должен получить по заслугам уже здесь, на Земле. Но если собравшиеся в подвале действительно раскаются, почему бы и нет?.. С тех пор как правительство



объявило всеобщую амнистию и закрыло тюрьмы под предлогом, что в бюджете нет средств на их содержание, преступников отправляют на принудительные работы под присмотром так называемых «работорговцев» — заковывают в колодки и заставляют, к примеру, ремонтировать дороги или собирать огурцы. Или батрачить на цементном заводе. Или чистить городскую канализацию.

Но это касается только тех, кто запятнался мелким правонарушением.

— Так ты, вроде как, палач, да? — Мужчина в бронежилете на голое тело отпустил мальцу подзатыльник, чтобы заткнулся. — Так у нас тут палачей ненавидят.

— И это взаимно, — кивнул Заур.

Его ответ вызвал очередной всплеск веселья. На сей раз хохотали все, а не только полуумный мальчишка.

— Слыши, юродивый, — вытерев слезы, выдавил из себя грешник в бронике, — выверни уже карманы, не стесняйся. А то давай-ка разденься. Плащ у тебя хоть и хреновый, но по нынешним временам любая добыча сгодится. Экономический кризис как-никак.

Смеются, значит, не принимают Заура всерьез. Как же, он ведь высокий и тощий — аж щеки впали — очкарик. Причем очки у него с толстенными линзами: разбей их — и крот похвастается куда лучшим зрением. А еще Заур хромает — бандиты на верняка заметили это, когда он явился сюда, вроде как бы на выручку несуществующей девушке. К тому же, он лысый, как колено, голова аж блестит —



там, где нет шрамов. Так кто в здравом уме воспримет его всерьез? Да он сам над собой подшучивает, когда смотрит в зеркало. К тому же, Заур впервые в этой части города, его тут не знают.

И все же напрасно эти хищники киевского дна так обрадовались.

Ведь в данной ситуации жертва вовсе не Заур.

Наоборот — это им всем, с ножами и арматурой, не повезло оказаться рядом с ним.

И самый главный неудачник — тот закоренелый грешник, за которым Заур подался в чужой район на другом конце столицы. Из-за него палач с утра до заката бродил по загаженным улицам с отрешенным видом, корча из себя первостатейного простака, которого не обобрать ну просто грех. Он столько раз доставал на публике неприлично толстый бумажник, что мог бы вообще не прятать его.

Удача улыбнулась Зауру лишь под вечер, после полутора десятков подкатов разного рода жуликов и гоп-стоперов. Бывалый бандит в бронежилете, едва не лопавшемся на брюхе, — вот его цель.

Единственная лампочка, освещавшая этот сектор подвала, зажужжав, моргнула.

— Покойтесь с миром. — Заур выстрелил, не вынимая рук из карманов, где только и ждали подходящего момента «микро-узи», снятые с предохранителей еще у лестницы.

Два по двадцать патронов, выскочив из магазинов, чуть ли не мгновенно лишились своих пуль, из-за чего в ключья разодрало не только плащ палача, но и плоть грешников. Заур дернулся головой влево — и мимо, едва не провалив ему затылок, порхнул в под-



вальный полумрак ржавый арматурный прут. Это была единственная контратака. Больше никто даже не попытался дать отпор — не ожидали такой прыти от тощего очкарика-хромоножки. Пришлось разок перезарядиться и повернуться вокруг своей оси, чтобы никто — кроме толстяка-урода в бронике и мальчишки — не остался без своей порции полуоболоченных стальных сердечников.

И двух секунд не миновало, как бандиты — за редким исключением — отошли в мир иной, и не в горные выси, но куда глубже фундамента отправились их неправедные души. Пустые магазины упали на пол, с щелчками их заменили полные. Лишь только после этого Заур сунул «микробиков» — так ласково он называл свое оружие — в кобуры под мышками.

— Опять пришивать новые карманы. В шестой раз за неделю. — Он шагнул к толстяку, которому бронежилет помог, как пойманному карасю — подсолнечное масло на сковороде. Если бы из прорыженного живота вместо коктейля из лимфы и эритроцитов тек жир, раненый уже избавился бы от всех излишеств на талии. — Ну да оно того стоит, верно?

В ответ послышались отборнейшие проклятия, перемежаемые богохульством. Закончился монолог хрипами и бульканьем, когда изо рта толстяка хлынула кровь.

Чуть в стороне, забившись в угол, жалобно скучил пацан.

Больше живых, не считая крыс и самого Заура, в подвале не было.



— С-су-к-к-а-а... — слово буквально выплеснулось изо рта бандита в бронике.

Похоже, у палача не так уж много времени, чтобы поговорить с ним по душам. Заур присел на корточки рядом с умирающим грешником.

Из угла раздалось что-то вроде рычания. Палач скосил взгляд. Это пацан. Подобрался весь, сжал кулаки:

— Не надо! Не трогайте папу!

У толстяка, значит, есть сынок?.. Заур на миг задумался. Впрочем, это ничего не меняет.

Он достал Знак, сунул умирающему под нос, чтобы точно увидел. Знак этот простой, издалека узнаваемый. Что-то вроде рыцарского щита, основы с герба средневекового крестоносца. На щите — выпуклое изображение деревянной колоды, рядом с ней стоит человек в колпаке, закрывающем лицо, но с прорезями для глаз. В руках у человека здоровенный топор. И крупно сверху надпись красной запечатленной эмалью: «Закон суровий, але це закон»¹. Увесистая штука. Таскать ее с собой — не только служебная обязанность Заура, но и... А чем не верига? Опять же, можно вместо кастета использовать, проверено.

— Десять лет назад, — он перешел сразу к делу, — ты, толстый, участвовал во Всеобщей Войне Банд, верно?

В ответ толстяк довольно метко плонул. Тыльной стороной ладони Заур вытер с лица сгусток чужой крови. Пожалуй, в иной ситуации он убедил бы

¹ Закон суров, но это закон (укр.).



грешника, что так поступать не следует, но сейчас дорога была каждая секунда.

— Вы устроили перестрелку на Крещатике, взорвали с полсотни авто, что были припаркованы рядом и проезжали мимо, — вам надо было перекрыть дорогу враждебной группировке, верно? Конкретно ты, толстый, — Заур ткнул пальцем в бронежилет, — участвовал в той бойне, я запомнил твою уродливую рожу, уж очень она примечательная. Но я не знаю, кто руководил той бандой, что устроила беспредел в самом центре города. Как звали вашего командира, где его найти? Он мне должен... Он должен понести наказание.

— Да пош-шел ты! — На багровых губах бандита расцвела мерзкая улыбка.

— Еще один такой выбрык, и я... — Заур выразительно посмотрел на мальца: — Как тебя зовут, малыш? — Не дождавшись ответа, перевел взгляд на толстяка: — Хочешь, прострелю ему ногу так, что он и шагу не сделает без такой симпатичной игрушки, как у меня? — Заур задрал брючину, продемонстрировав металлопластиковый протез.

Вообще-то, он блефовал, но...

Главное, это подействовало. Толстяк поспешил заявить, что все расскажет. Вот только голос изменил ему. Стремительно теряя силы, бандит уже не говорил, а лишь едва слышно шептал нечто невразумительное.

Просматривая сводки за истекшие сутки, Заур увидел его на видео, снятом скрытыми камерами во время уличного ограбления. И сразу узнал. Он по-



мнил эти бородавки и обнаженные в вечном оскале зубы, они снились ему по ночам.

И вот палач нашел грешника.

Он склонился над ним, чтобы услышать ответы, которые прольют свет на мрак давней тайны:

— Что?.. Еще раз и четче.

И получил заточкой в сердце.

Ну, почти получил. Удар был выверенный, умельный. Толстяк знал, куда бить, профи, и даже потеря крови не сказалась на его навыках. Вот только Заур отбил ладонью в черной коже смертоносную сталь. Толстяк тотчас ударили вновь — Заур подставил руку. Заточка с хрустом вошла в предплечье сантиметрах в пяти от локтя и застряла.

И тут мальчишка кинулся на него, выставив перед собой нож.

Заур в одно движение отобрал довольно грозное оружие — такое лезвие проткнет в меру упитанного мужчину нас kvозь — и скрутил пацану руки за спиной. Тот, кстати, сопротивлялся отчаянно и едва не вырвался, да и вообще был значительно сильнее, чем казался со стороны. Что ж, первое впечатление часто бывает обманчивым, уж кому, как не Зауру об этом знать. В какой-то момент палачу даже показалось, что он борется вовсе не с ребенком, но со здоровенным мужчиной со стальными мышцами. Пришлось вырубить мальца ударом в челюсть. Похоже, сынок толстого под кайфом. Заур слышал, что некоторые наркотики могут вызвать неимоверный всплеск агрессии. Чертовы джанки!

Усмирив мальца, палач заметил у него на запястье часы. Прищурившись, прочел название: «Breguett».



Выглядят как дорогие. Небось под сотню евро стоят. Сам-то Заур время смотрел на экране планшета, зачем на себе лишнее таскать?.. В общем, украл стервец малолетний у кого-то, не иначе.

А значит, часы надо конфисковать и сдать в участок.

Закончив с сыночком, Заур вернулся к папаше.

На лице у того отразились удивление и даже страх — ведь палач смотрел на него чуть ли не с улыбкой, никак не отреагировав на ранение заточки. А ведь ему, слуге Закона, должно быть больно, очень больно!

Заур снял перчатку с левой руки, из которой торчал заостренный кусок металла — вроде спица от велосипеда, и пошевелил искусственными пальцами. Суставы едва слышно поскрипывали, когда он так делал.

— Рука, нога... У меня таких штук много. Так что не будем терять время, верно?

Толстяк вроде бы кивнул.

— Как звали твоего командира? Где его найти?

Нет ответа.

Ясно, разговор по душам не получился. Жаль, очень жаль... Заур отщелкнул от поясного ремня сканер-планшет и, почувствовав вялое сопротивление, приложил к девайсу ладонь бандита. Экран ожил, засветился голубым. Заур убрал с него чужую руку. На светлом фоне четко простили темные отпечатки пальцев, а через секунду планшет пискнул, и вместо папиллярных узоров появились текст и фото, на котором толстяк выглядел куда моложе, но ничуть не привлекательнее. Бегло пробежать глазами,



изучить инфу: зовут так-то, год рождения, служил в Северной Африке, попал в поле зрения властей во время подавления Чернобыльского бунта под руководством Максима Краевого по прозвищу Край, такого-то года рождения, срок за...

— Край?.. — Заур оторвал взгляд от экрана.

Макс Край уже много лет не только во всеукраинском розыске, он — преступник мирового уровня, его ищет Интерпол. И этот толстый урод-грешник, промышляющий гоп-стопом в городских трущобах, — сообщник знаменитого преступника?

— Все из-за Края... — пробормотал вдруг толстяк отчетливо. — Это Край во всем виноват. Это он...

И замолчал.

Заур коснулся его горла, хотел нащупать пульс — не сумел, толстяк был уже мертв. Палач поднялся. Хорошо, что малец без сознания, а то кинулся бы к трупу, обнял, разрыдался бы. Ни к чему эти сопли.

Во всем виноват Край... Заур задумался. Что имел в виду толстяк? Неужели сам Макс Край руководил той группировкой, что устроила резню в центре столицы десять лет назад?

Все из-за Края.

Из-за Края.

Макс Край...

Палач мотнул головой, прогоняя наваждение — он вновь вернулся в пылающий ад Крещатика, в грохот автоматных очередей и залпов из гранатометов. Масштаб случившегося тогда вполне в духе преступлений Краевого, тот ведь не разменивался по мелочам.



Что ж, сомнения прочь, враг определен. Теперь осталось только найти его, объявить приговор и покарать. Всего лишь. Столько лет за Краем охотятся, ищут этого возмутителя спокойствия, бунтовщика, беглого зэка — и никак, а Заур с ним справится на раз-два-три? Ну, не смешно ли, а, Заур?

А вот ничуть.

Грешнику Краевому удавалось уйти от правосудия лишь потому, что лучший палач Киева не объявлял ему вендетту.

— Жди, Край, я скоро.

Осенив крестным знамением тела на полу и поднеся планшет к уху, — в девайс встроен телефон — он вызвал труповозку, а потом, взглянув на мальчишку в дырявом свитере с Микки Маусом, набрал Ильяса, известного на весь Киев рабовладельца, заведующего дорожными работами:

— Приветствую, это Заур. Ах, знаешь, номер забит? Вот это хорошо и верно. А скажи-ка, Ильяс, есть ли у тебя оранжевый жилет маленького такого размера?

Хоть какая-то от пацана будет польза обществу...

Глава 2

МЕЖДУ АФРИКОЙ И АЗИЕЙ

—Макс... — Пауза. Потом всхлипы. — Макс, наш сын... Патрик пропал.

И тишина в телефоне, а потом гудки — Милена отключилась.



Я протяжно выдохнул. Пальцы, сжимающие трубку, побелели.

— Что-то случилось, босс?! — Охранники выглядели озабоченными и готовыми кинуться в драку хоть с самими дьяволом и с господом богом, если те меня обидели. Хорошие мужики, не зря я тщательно подбираю персонал.

— Порядок, парни. — Я подмигнул им. — Просто надо чаще вспоминать об отцовских обязанностях.

И со спокойной совестью отбыл к столику и любимому кожаному дивану, где без меня томились в ожидании юные красотки. Хотелось приятной компании, в которой я был бы самым умным, самым успешным и самым опытным — для этого как нельзя лучше подходили девицы, только-только отметившие день рождения, после которого их можно считать взрослыми.

Умостившись поудобнее, я небрежно погладил брюнетку — кажется, ее зовут Тамара — по коленке и предложил блондинке — все так же ни малейших предположений касательно имени — налить всем первосортной выпивки. От радости едва не выпрыгнув из мини-юбки, последняя плеснула себе и подруге вискаря на три пальца.

— За здоровье! — Стаканы столкнулись, и я, даже не поднеся стакан к губам, вырубил мобильник.

Поймите меня правильно, я не бездушная скотина, как может показаться на первый взгляд, просто истеричные вопли Милены касательно Патрика я слышу по три раза на неделе. И каждая новая проблема — срочная, не терпящая отлагательства. Както она решила, что наш мальчик угодил в дурную



компанию, с которой пропадает все вечера. Как выяснилось, он записался в кружок филателистов, где корпел над зубчатыми кусочками бумаги, даже не подозревая, насколько его друзья-очкирики опасны и плохо на него влияют. А еще был случай — моя бывшая с какого-то перепугу определила Патрика в геи и доставала меня четверо суток кряду, чтоб я убедил его сменить ориентацию. Помню, Патрик тогда психанул и, приведя девчонку-соседку, подрабатывавшую в сфере интимных услуг, попытался на практике доказать родителям, что он — гетеро. Милена тогда чуть в обморок не грохнулась... И это еще самые безобидные истории!

Короче говоря, срываться с низкого старта и мчать на другой конец Вавилона, потакая фантазиям вздорной бабы, у меня не было ни малейшего желания. Сегодня я решил оторваться по полной, о чем громогласно и заявил под восторженный визг моих дам. Потому-то у притопавшего на шум охранника и были опущены очи долу, когда он протягивал мне трубку радиотелефона:

— Вас, босс.

Почему я не удивился, услышав голос Милены?

— Макс, он записку оставил: «Мама, не жди меня». Представляешь, такое написал — мне! А ведь я для него...

— И все? — Надеюсь, мой голос был настолько холоден, что его впору колоть на куски и ронять в стаканы с напитками.

— Нет, не все! — Жар, с которым это было сказано, растопил бы всю Антарктиду. — И рисунок еще!



Ни разу на моей памяти сын не проявлял склонности к живописи, поэтому я нахмурился:

— Какой еще рисунок?

— Да тут коряво, не пойму. То ли птица какая-то, то ли ангел...

Ангел? Рисунок на пакетике с наркотой, там тоже был ангел... Почему-то нелепое совпадение заставило меня зазволноваться не на шутку. Даже сердце кольнуло, чего со мной вообще никогда — до сего момента — не случалось. Плохая примета, когда видишь двух ангелов за день.

— Милена, жди! — прохрипел я. — Сейчас приеду.

— Макс, ты опять за свое?..

— Я действительно приеду, — пообещал я бывшей супруге.

Подмигнув девчонкам на прощанье и потребовав ни в чем себе не отказывать за мой счет, я подхватил со стола пачку бамбуковых зубочисток и двинул к выходу, бросив через плечо:

— Скоро вернусь, не скучайте!

Ответные воздушные поцелуи еще не успели сорваться с напомаженных губ, а дамы уже заставили официанта писать диктант на тему «Икра, шампанское и еще это, но без хлеба и побольше». Молодцы девчонки, не теряются.

На ходу я сунул руку под куртку — на месте ли мой любимый пистолет и пара запасных магазинов к нему? Не то чтобы я поверил в исчезновение сына, но... В отличие от оружия душа моя была не на месте.

Ничего, сейчас я спущусь в гараж, сяду в свой Танк, по-быстрому сгоняю и...



Вот только планам моим не суждено было осуществиться.

Танк, именно так уменьшительно-ласкательно я зову свой джип, отсутствовал: ни колес его, ни бампера, ни даже девственно чистой пепельницы я не обнаружил. Неужто угнали?!

— Твою мать! — с чувством и, как выяснилось, с толком выругался я. — Кто?! Башку отверну!

Как по заказу, виновный — на голову, минимум, выше — шагнул ко мне из темноты.

* * *

Многие считают, что у палачей совсем нет чувства юмора.

Хм... Хотите профессиональный анекдот? Не проблема. Приходит палач вечером с мешком, в котором что-то шевелится. Жена спрашивает: «Дорогой, а что это ты принес?» А он отвечает: «Да так, взял халтурку на дом». Не смешно? Бородатая шутка?

Зато Заур отлично стреляет.

Оружие — словно часть его тела. Лишиться стволов — все равно, что остаться без рук. В случае Заура — без руки и протеза.

Вот потому-то спустя час после инцидента в подвале он затеял скандал с местной СБ в Борисполе. Эти сволочи отказывались пустить его на борт с пистолетами-пулеметами, пусть даже такими маленькими, как «микро-узи». И Знак не помог, пришлось-таки сдать оружие. Хорошо, что купил новый



плащ — взамен тому, что с прострелянными карманами, а то вообще бы на борт не пустили.

Палач занял свое место в самолете до Харькова — так в Киеве по старинке называют Вавилон. Перед самым взлетом планшет завибрировал — пришло здоровенное письмо от начальства, еще не ведающего о том, что Заур взял отпуск за свой счет. Тема мыла с кучей вложений: «Твой крестник».

Что бы это значило? Пожав плечами, палач запустил первое видео из аттача.

И обомлел.

Планшет — снимали встроенной камерой — плясал в руке оператора. Сначала Заур решил, что кое-кому не стоит употреблять перед работой и во время оной, но потом... Потом изображение стабилизировалось. Автофургон рабовладельца Илья-са — примечательный, с решетками на окнах — завален на бок. И такое впечатление, что по нему хорошенько потоптались. Камера ближе, видно, что двери выдраны — металл именно порван. «Тросом, что ли, подцепили?..» — слышен голос за кадром. Внутри фургона тоже не все в порядке: поручни, к которым обычно крепят рабов наручниками, вырваны «с мясом». Под скамейкой — труп в черной униформе надсмотрщика, шея свернута так, что покойный перед смертью полюбовался собственной задницей.

Камера назад, прочь из фургона.

Кусок дороги отгорожен переносными заборчиками в бело-красную полоску. Табличка «Осторожно! Ремонтные работы!». Сразу за оградой кого-то кладут на носилки и несут к «скорой помощи».



Камера делает поворот на сто восемьдесят градусов. Перпендикулярно к двойной сплошной застыл каток для укладки асфальта, камера ближе, что-то под катком, еще ближе... Камера резко дергается в сторону, слышны специфические звуки. Уж сколько Заур видел мертвецов, но такое... Его самого едва не стошило. Конец файла.

На следующем видео перед камерой зелено-бледное лицо Ильяса. Снято в палате интенсивной терапии, все белое вокруг, стерильное. Даже то, что белым не должно быть. Когда Заур видел Ильяса в последний раз, волосы у него были чернее сажи, а сейчас — сплошь седые, точно его неудачно покрасили в блондина.

Из его невнятного бормотания следовало, что мальчишка, переданный Зауром, от рабовладельцев сбежал, причем в процессе покрошил кучу народу. Катком — тоже он. И это, хоть и с натяжкой, еще как-то можно было представить. Но потом Ильяс понес полную чушь о том, что в пацана стреляли и попали не раз, даже в голову попали, но тот не умер, и вообще не мальчик это вовсе, но настояще чудовище, и так далее, и тому подобное, и прочий совсем уж маловразумительный бред. Не надо быть спецом, чтобы понять — Ильяс рехнулся.

Но что же произошло, черт побери?!

— Вы не могли бы выключить свой девайс? — Улыбаясь от уха до уха, над Зауром нависла стюардесса: слишком короткая юбка, слишком глубокий вырез декольте и чрезмерное количественно косметики на лице.



Палач непроизвольно отодвинулся и — пальцы его дрожали — вырубил планшет.

Воздушное путешествие стало для Заура испытанием на стойкость. Только самолет оторвался от бетонки, как стюардесса, это ходячее прелюбодеяние, принялась строить ему глазки и всячески искушать. Она предлагала ему напитки и еду и — что за намеки?! — спрашивала, удобно ли в кресле, нужен ли плед. И при этом вовсю улыбалась и чуть ли не подмигивала. Пока не осенил блудницу крестным знамением, не отстала.

Хорошо хоть и часа не прошло, как самолет начал снижаться. Заур помолился, чтобы местная ПВО не открыла огонь по собранному в Бразилии «Embraer 145», принадлежащему «УкрАвиа». Прецеденты бывали.

При посадке чуток тряхнуло. «Счастливого пути, спасибо, что воспользовались услугами нашей компании», — сказала стюардесса на прощание, и Заур вновь перекрестил ее.

Все, он в Вавилоне, государство в государстве, поделенном на множество мелких, но очень воинственных анклавов.

Двадцать лет назад из-за глобального экономического кризиса мир охватили бунты и революции, которые следовало без промедления подавить. На тот момент Украина должна была уже чуть ли не всем и каждому. А кредиты с процентами все-таки надо возвращать. И потому ООН обязало страну поставлять своих бойцов на всеобщую арену войны.

Едва заметно прихрамывая, Заур неспешно шел через здание аэропорта, глядя по сторонам.



Вам нужен образ мирового полицейского в любой точке земного шара? Взгляните на парня лет двадцати, что покупает порножурнал в киоске слева. У него выбрит череп, он до сих пор носит песчаный камуфляж и после заграничной командировки обзавелся инвалидной коляской. Свыше половины населения Вавилона — ветераны, по стране процент ниже примерно вдвое.

Каждый гражданин мужского пола, достигший призывного возраста, обязан явиться в военкомат и отправиться воевать туда, куда пошлют. Взамен на регулярные поставки пушечного мяса Украине каждый год прощают часть долга. И все бы хорошо, вот только по остатку опять растут проценты, и они в разы больше того, что скостили...

— Пшел прочь с дороги! — Толкнув в плечо, Задура обогнали двое обнявшихся парней. Оба в полуобморочном состоянии, оба в камуфляже и мотоциклетных кожаных куртках — прямо-таки близнецы-братья. Вот только у одного в длинные волосы, выкрашенные в черный цвет, вплетены орлиные перья — то есть он «американец», а у второго повязка-хатимаки на бритом черепе, значит — «азиат». Судя по яростному алкогольному духу, исходящему от парочки, неподалеку есть бар с дешевым пойлом.

Вернувшись на Родину бойцы поначалу сбивались в солдатские товарищества, организовывали общества защиты прав ветеранов, пытались законным путем добиться справедливости... Увы, государству было не до них. Так появились первые преступные группировки, состоящие исключительно из



бывалых парней, прошедших огонь, воду и вооруженные конфликты за границей.

Вскоре Украина была разбита на сектора, контролируемые различными кланами, боевики которых научились убивать и грабить в Азии и Африке, в Южной и Северной Америке, в Австралии и чуть ли не во всей Европе. С тех пор отправка юношей на войну перестала быть позорным ярмом, возложенным ООН и Всемирным Банком, но превратилась в ритуал, пройдя который, юноша — мужчина! — получал право стать членом клана.

Заур догнал парочку и незаметно сделал подножку. Бойцы дружно растянулись на мраморном полу.

Но были еще в этой стране те, кто не мог служить в армии и не хотел воевать на чужбине на не нужной и часто несправедливой войне. Именно эти люди стали основой законной власти, стремительно теряющей свое влияние. Они стали костяком правоохранительных органов новой формации. Там, где Закон не действовал, где все подчинялось неписанным традициям кланов, эти люди стали одновременно полицейскими и прокурорами, следователями и судьями.

И палачами.

Ведь именно они приводили приговоры в исполнение.

Тюрем не стало, и чуть ли не любая провинность могла караться смертной казнью — исключительно по воле и желанию палача, трактующего Закон по собственному разумению.

В Штатах смертный приговор осуществляют пятью способами на выбор клиента: вас могут расстрелять,



повесить, отправить в газовую камеру — мечта токсикомана, уступить место на электрическом стуле или вколоть в вену смертельную дрянь. Здесь все проще: палач убивает вас как умеет и как может с помощью чего только угодно и где ему заблагорассудится. И никакого последнего желания и прочей фигни.

Палачами пугают непослушных детей. Их боятся и ненавидят.

Их убивают, обрекая целые районы на ответные карательные операции, когда с воздуха наносится удар, когда жилые коробки заливают напалмом и обстреливают пушками, — на оружие для палачей государство не скучится.

На полу, матерясь, безуспешно пытались встать в дым пьяные ветераны. Как ни в чем не бывало Заур продолжил свой путь к выходу из здания аэропорта.

Палачом мог стать только тот, кто не служил в армии и потому не мог стать членом солдатского братства. Часто это были закомплексованные, не пользовавшиеся популярностью у сверстников молодые люди, или же те, чье состояние здоровья не позволяло им отработать долг Родины за границей — инвалиды детства, калеки.

Как Заур, к примеру. Давно отринув все суетное, он сконцентрировался на главном — на борьбе с грешниками, то есть с преступностью. Отборочные комиссии охотно рекомендуют в палачи людей небожных, — вне зависимости от религии или конфессии. Считается, что такие граждане менее склонны к коррупции...

У раздвижных стеклянных дверей стояло десятка два представителей местных кланов. Все вооружены.



Все внимательно разглядывают прибывших. Если кто-то не понравится, его отводят в сторону и устраивают допрос — мужчину в костюме и с дорогим кейсом только что выдернули из толкучки у двери. Слишком представительно выглядит, с него потребуют дополнительную плату за посещение местных достопримечательностей — и вообще, делиться надо.

Между Вавилоном и палачами пять лет назад вспыхнула настоящая война, после которой город не-гласно получил статус территории, не подконтрольной правительству и Закону. И потому, отправляясь сюда, палач Заур весьма рисковал. Впрочем, вся его жизнь — сплошной риск.

Шаг.

Еще шаг.

Он все ближе к мужчинам, на лицах которых застыла хмурая сосредоточенность. В руках у них автоматы. Пристальные взгляды ощупывают лицо Заура, он это ощущает чуть ли не физически. Справа от него кто-то громко чихает, слева разрыдался маленький ребенок. Душно. В здании отвратительная вентиляция.

— Можно вас, — это не вопрос, это требование подойти, подкрепленное наведенным в живот стволом. — Да, вы. В плаще который, с короткой очень прической.

Приторно вежливо. Опасно вежливо. Вежливо на грани издевки и за гранью. Заур остановился. Сзади в него кто-то уперся и, недовольно бормоча, обошел преграду.

— Пшли все прочь с дороги! — В собрание представителей кланов ворвалась давешняя пьяная па-



рочка. Началась потасовка с воплями «Да я за тебя, сопляк, воевал, а ты!..» Тычок кулаком в рожу тому, кто заинтересовался Зауром, ответный удар прикладом — и понеслось.

Пока суть да дело, Заур выбрался из здания.

Город встретил его ночной прохладой, ревом такси, криками торговцев, не спящих, кажется, никогда, и запахом шашлыка из ближайшего кафе. Это кавказский сектор, населенный ветеранами множества войн и беженцами-горцами.

Палач двинул мимо кафе: по одну сторону дастарханы, по другую столики из белого пластика. Он уже заметил среди немногочисленных посетителей старика, глаза которого прикрыты черными солнцезащитными очками. Одна дужка отломана и прикручена скотчем. Черкеска на старике сплошь в дырах, на голове, поросшей седым пушком, тюбетейка. К столу, за которым он сидел, прислонена трость, предназначенная не для опоры, но для поиска пути.

В каждом городе есть такой вот человечек, сидящий всегда на одном и том же месте. Просто надо знать, где этого очень, кстати, полезного гражданина найти.

Именно он-то сейчас Зауру и нужен.

* * *

— Твою мать! — с чувством выругался я, не обнаружив свой полноприводный Танк. — Кто?! Башку отверну!



И тут же двухметровое тело шагнуло ко мне из дальнего угла гаража, где на прошлой неделе перегорела лампочка и до сих пор было темно.

Весьма опрометчиво делать резкие движения в моем присутствии. С пистолетом я не расстаюсь даже в ванной. Иногда мне кажется, что я родился уже со стволом в руке и мишенью перед глазами, а пеленки у меня были цвета хаки.

Рукоятка привычно легла в ладонь, предохранитель звонко щелкнул, намекая, что кое-кому пора на тот свет.

— Босс, не стреляйте. Это я...

Выслушав сбивчивый доклад моего геометрического сотрудника, я схватился за голову:

— Ну вот как?! Как можно было разбить Танк?!

У поставщика сломался грузовичок, вот секьюрити и проявил инициативу, решив на моем Танке сгноять быстро туда-обратно за парой-тройкой ящиков текилы, самбуки и прочего вкусного. Вот только туда у него быстро получилось, а обратно — нет. Все беды из-за алкоголя!

Короче говоря, моя гламурная машинка 4×4 с прожекторами на крыше, тонированными стеклами и полным фаршем нынче отдыхает на СТО, где ей кое-что меняют, кое-что добавляют, и броня погнулась, и... Я жестом велел охраннику заткнуться.

Вызвать такси? Я печально вздохнул. Бизнес в последнее время не радует барышами. Молодежь предпочитает клубы, где вовсю толкают наркоту, амфетаминчики всякие в глазури, барбитуратики в коксовой стружке, а я...



— Босс, но ведь можно на троллейбусе... — брякнув это, гора мышц попятилась, выставив перед собой руки, каждая толщиной с мою ногу.

— Да чтоб я — и на троллейбусе?! — От возмущения меня чуть удар не хватил.

Бронированный джип для Макса Края не роскошь, но средство передвижения.

И вообще, только в Вавилоне я могу чувствовать себя в безопасности. Ну, более-менее. Здесь многие знают, кто я такой и сколько стоит моя голова там, за противотанковыми рвами с колючей проволокой, за минными полями Периметра, окружающего город. Я в международном розыске уже много лет, и срока давности по моему делу нет. Вот только выдать меня палачам сильные Вавилона сего не решаются, это противоречит негласным солдатским законам. Тот главарь клана, кто осмелится на сотрудничество с властями, проживет немного — против него ополчится собственная группировка, да и соседи с удовольствием выпустят ему кишки, предварительно повесив его на ближайшем столбе. Но все же находятся отчаянные ребятки, — пара-тройка в полгода — желающие на мне подзаработать. И потому я всегда на чеку, и в местном крематории у меня давно уже абонемент на внеочередную утилизацию трупов.

Этот город, этот асфальт под ногами и земля под ним принадлежат ветеранам, а значит — и мне!..

Примерно такие мыслишки роились в моем черепе, пока я топал к остановке. Пару раз по пути мне пытались продать семечки-орешки и столько же патроны и ножи, но не пистолеты с автоматами — такой товар просто так на улице не купишь... Вдоль



дороги стояли здоровенные железные бочки, в которых горел всякий хлам — и освещение, и мусора поменьше.

Только я подошел к остановке, как подъехал троллейбус, от колес до «рогов» разрисованный граффити. Двери открылись, но вход в салон перегородил здоровенный негр с «калашом» в мускулистых руках — он принимал плату за проезд.

Я протянул этому вымогателю деньги.

В кармане защебетали летающие валькирии.

— Уже еду, — буркнул я в трубку и сразу отключился. Телефон прятать не стал, ведь позвонит сейчас опять.

Минута, две... Не позвонила. Хм...

Троллейбус плавно катил по улице, его то и дело обгоняли скутеры, на которых восседали подростки с подругами. В верхнем углу салона, у самой кабинки водителя, включился телевизор, в пути должностной услаждать взоры и слух редкихочных пассажиров рекламой. Сначала на экране пухлощекий казак в вышиванке и с оселедцем на бритом чепре скорчил свирепую рожу: «Приди к нам — и ты забудешь, что такое страх!» Посыл как бы ясен — мол, мы даем тебе надежную защиту, мы любим тебя, брат. Правда, за покровительство клану надо отдавать половину своего заработка, и это куда круче подоходного налога вместе с пенсионными отчислениями. Так что далеко не все ветераны рвутся делиться честно — или почти честно — заработанным. Умные вожди военизованных группировок руководят исключительно тупыми, но жестокими ублюдками...



А вот и следующий ролик. Глава нового клана «Парадиз», наряженный в белые просторные одежды, вроде кимоно или сари, ослепительно улыбаясь, рассказал мне, что цель его сообщества свободных граждан — привнесение в наш жестокий мир добра и любви, любви чистой, а добра честного. И внизу экрана бегущая строка: «Святой отец Асахара». Однако каким надо быть ослом, чтобы взять себе имя того психа, что основал Аум Сенрикё?.. Ясно, очередной клоун создал секту, чтобы трахать молодых доверчивых послушниц. И я бы тотчас забыл о нем, если б он эдак величественно не повел рукой, продемонстрировав всем и каждому свои примечательные часики — «Bregguett», точно такие были у давешнего торговца наркотиками. Видать, неслабо зарабатывают основатели сект. Самому, что ли, податься в отцы-просветители? Наговорю банальностей о боге и любви, а мне за это принесут в жертву десяток девственниц и чемодан купюр крупного номинала...

Троллейбус притормозил у блокпоста. К нему тут же подбежала девочка в поясе шахида поверх паранджи. Дальше — сектор, подконтрольный афганскому землячеству. За традиционными мешками с песком в обнимку с пулеметами и РПГ сидели парни в пуштунках. Негр-контролер вышел к шахидке, протянул ей мзду за проезд по территории. Сжимая в кулаке купюры, девочка вприпрыжку, будто на ней не висело килограмма три взрывчатки, умчалась в темноту. Местных любящих родителей я отказываюсь понимать. Мне вообще не нравятся религиозные фанатики.



Но даже эти ребятки еще ничего в сравнении с той мразью, что контролирует район, где поселилась Милена. Вот уж нашла местечко. Но о вкусах не спорят...

Через три остановки я вышел.

Мимо промчался черный джип с примечательной оранжевой молнией от бампера до запасного колеса сзади. Тонированные стекла надежно укрывали пассажиров от чужого любопытства, которое бывает иногда оснащено скелетным прикладом и оптическим прицелом. Из салона доносился грохот музыки: басы, ударник, голос певца, безуспешно подражающего Бобу Марли.

Троллейбус пополз прочь, а ко мне тут же подрулила троица, раскрашенная белым с ног до головы. Одеждой эти парни себя не особо обременяли — им хватало лишь набедренных повязок. «Африканец» в деревянной маске воина с металлическими вставками направил мне в живот гладкоствольный помповик MAG-7, произведено в ЮАР. Остальные в любой момент готовы были убить меня давно потерявшими национальность «калашами». Кстати, все трое не брезговали и холодным оружием. Масайский меч с длинным клинком, сужающимся к основанию, нечто серповидное из Заира, еще какая-то стальная хрень... Ах если б только эти игрушки парни привозили из вечно бунтующей Африки. Так ведь еще СПИД тянут и кучу экзотических болезней типа шистосомоза и лихорадки Эбола, а вещмешках с трофеями провозят нелегалов — мохнатых пауков и многоножек, одно лишь прикосновение к которым чревато химическими ожогами и пожизненными рубцами на коже.



— Салют, девочки. Отлично выглядите. Штанишки, я смотрю, у вас модные, и макияж...

Язык мой — враг мой.

В ответ мне пригрозили врага отрезать и скормить собакам. Я примирительно задрал лапки кверху — мол, ничего такого, уже и пошутить нельзя. Парни-то совсем зеленые, в Вавилоне, по всему, недавно, только из командировок заграничных вернулись. Меня ж в этом районе хорошо знают и потому не рискуют обижаться на мой юмор.

— Оружие сдай. — Такие на территориях кланов обычай: свои вооружены, пришлые — нет. Потом, отваливая, забираешь свой ствол.

Что ж, правила есть правила, не я их устанавливал, не мне и нарушать. Я медленно сунул руку под куртку и вынул «Форт 14 ТП» с прикрепленными уже тактическим фонарем и глушителем. Люблю, знаете ли, когда светло и тихо. Затем, смирившись с утратой, — надеюсь, временной, — я выковырял из пачки зубочистку и сунул ее в рот. Острый кончик с ментоловым напылением — это то, что мне сейчас нужно.

Границы территорий кланов обычно обозначены заборами из колючей проволоки, часто — под током. Но бывают еще заборы из бетона, с пулеметными вышками и танками, раскатывающими вдоль... Тут все зависит от фантазии руководства клана. Город поделен на секторы, и самовольно нарушать государственную границу — занятие смертельно опасное.

— Не обижайте моего мальчика, я его очень люблю. — Помимо пистолета я протянул «африканцу» в маске запасные магазины.



— Ты любишь мальчиков?! — Донеслось из-за деревяхи с дырами для глаз и рта.

М-да, шутка не удалась.

Махнув рукой, — мол, не принимайте близко к сердцу — я резво потопал прочь от остановки, миновав калитку в заборе из «колючки». А то еще посчитают меня достаточно аппетитным — от молодых да ранних всего можно ожидать. Тут ведь территория одного из самых жестоких военных сообществ. Ветераны африканских конфликтов вернулись домой, переняв обычай тех, кого они убивали. Каннибализм — в том числе.

Метрах в пятидесяти справа и слева у забора горели очередные костры в бочках, там тоже посты.

Я взглянул на экран мобильника. Ни одного пропущенного вызова, не разрядился. Странно, что Милена не позвонила еще хотя бы пару раз. Это не в ее стиле.

Я двинул к панельной высотке, в которой она поселились вместе с Патриком.

У нужного мне подъезда как раз под светящим во всю фонарем стоял тот самый джип с оранжевой молнией, который я недавно видел. Совпадение?..

За рулем сидел тип с той еще рожей. Стекло было опущено, поэтому я хорошенько рассмотрел шрам ото лба до подбородка, бородку, усы и тонкие губы. Мне очень не понравилось, что тип проводил меня внимательным взглядом. В салоне, несмотря на позднее время, все так же грохотала музыка. Певец, выведивший рулады а-ля Боб Марли, вряд ли когда-нибудь станет известнее своего кумира.



Я помахал рукой водиле джипа, перед тем как вошел в темный подъезд. Для того, кто бывал здесь не единожды, не проблема на ощупь вызвать лифт.

С жутким скрипом створки разошлись. В кабинке едва светила крохотная диодная лампочка и воняло мочой и паленым пластиком. От расплавленных кнопок мало что осталось, но я знал, на которую следует нажать, чтобы эта душегубка, затрясшись в пароксизмах, потащилась наверх и выпустила меня на седьмом этаже.

Лифт остановился. Створки вновь заскрипели, вот только на середине пути их заклинило. Пришлось вручную разжимать, чтобы выбраться в коридор, — обычный такой, пронизывающий весь этаж по горизонтали. Стены выкрашены в зеленый, на потолке побелка и галогеновые лампы, под ногами много окурков, стреляные гильзы... В общем, все как везде. За одним исключением — не так много в Вавилоне мест, где на пути у меня встали бы двое «африканцев», вооруженных гладкоствольными ружьями «Protecta» с барабанами на двенадцать патронов. Кстати, эти парни вовсе не негры, они родились в нашей богом забытой стране и говорят по-русски и по-украински чуть лучше, чем пишут, а писать они вообще не умеют. Просто служили в Африке, где-нибудь в Эфиопии или Конго, а потом, вернувшись на родину, вступили в соответствующее ветеранское братство. У них бусы и амулеты на шеях, одеты они в длинные просторные туники. Особо я их не рассматривал, потому как у меня напрочь пропадает любопытство, когда мне в грудь тычут стволом дробовика.



— Типа сюда нельзя. — «Африканец», тот, что слева от меня, продемонстрировал подпиленные зубы.

— А почему? — Я всегда умело косил под дурачка. У меня к этому природная склонность.

И тут я услышал крик Милены, который резко оборвался.

Будто ей зажали рот.

* * *

Прежде чем подойти к слепому старику, Заур решил оглядеться, прикинуть маршруты спешного, если понадобится, отступления. И вообще надо понять, что тут и как. У вояк это называется «проводить рекогносцировку».

Позади остался вход в терминал, над которым еще можно различить затертую ветром и осадками надпись «МІЖНАРОДНИЙ АЕРОПОРТ». Несмотря на позднее время, площадь перед терминалом буквально кишила людьми. Клан, контролировавший воздушные перевозки, неплохо тут развернулся. Ожидая проезда на взлетное поле — к транспортникам, выстроилась целая очередь из грузовиков. Водители «маков» и «КамАЗов», стоявших в хвосте очереди, сплошь мужчины в кимоно и прочих азиатских халатах, выбрались из кабин и, сбившись в группку, курили, что-то шумно, с хохотом обсуждая. Все были вооружены.

И не только водители.

Вообще все, кто попадал в поле зрения Заура. Даже у дошкольного возраста пацаны, шнырявшей



возле кафешного мангала, на ремнях болтались отнюдь не пустые ножны.

Запах шашлыка заставлял трепетать ноздри, намекая, что кое у кого уже сутки не было во рту ни маковой росинки, ни хот-дога с горчицей и кетчупом. Правда, аппетита могло лишить то, что барашка, нынче нанизанного на шампуры, прямо на глазах у посетителей подняли за задние ноги и ножом чиркнули по горлу — кровь плеснула в подставленное ведро и мимо, смешавшись с пылью под ногами бородатого резчика, попав на граффити, рисунок краской на асфальте — фигурку крылатого ангела.

В Вавилоне вообще было много ангелов. Заур заметил на полке бара в кафе, поверх бутылок, глиняных ангелочеков размером от наперстка и до полуметра. Он вошел под брезентовый навес, интимный полу-мрак под которым создавала единственная лампочка. Мимо с подносом в одной руке и с бутылкой в другой проскользнула юная мулатка. «Angel» — гласила надпись под крылатым рисунком на ее футболке, обтягивающей внушительные молочные железы. Палач отвел взгляд. Слишком много ангелов. От белых крыльев зарябило в глазах. Местная мода показалась ему странной.

Или же это знак свыше?..

Палач двинул к столу, за которым сидел стариk.

Точнее — уже не сидел.

Заур застыл на месте.

Куда подевался пожилой грешник? Палач завертел головой, метнулся к столу, схватил подвернувшуюся кстати мулатку-официантку за локоть и тут же отдернул руку:



— Тут был старик, слепой, с тростью, где он?!
Официантка лишь пожала плечами и спросила, что он будет заказывать.

Заур опустился на стул, еще теплый после слепца, провел ладонью по лысому черепу, покрытому многочисленными шрамами.

И услышал:

— Нам два кофе, милочка. Без сахара.

Со стула напротив на него таращились черные солнцезащитные очки со сломанной дужкой, прикрученной скотчем. Седой пушок на голове старика прикрывала тюбетейка. Трость слепец прислонил к столу. Надо признать, он сумел застать палача врасплох. Зауру даже немножко не по себе стало. На миг опытный слуга Закона почувствовал себя беззащитным мальчиком рядом с этим тщедушным тельцем в дырявой черкеске.

Официантка, блудливо покачивая бедрами, упорхнула выполнять заказ.

Заур молча положил на столешницу перед слепцом еврокупюру. Слепец чуть коснулся ее пальцами и, покачав головой, не взял. Ого, а расценки в Вавилоне еще те! Палач добавил столько же — старик смял деньги в горсти и сунул в карман.

— Что бы вы хотели узнать? — Голос у старика был уверенный, без присущего возрасту шамканья.

— Для начала... — Заур привычно сунул руки в карманы плаща и поморщился, вновь не обнаружив там парочку пистолетов-пулеметов. — Отец, продай оружие. Мне бы ствол какой, только хороший.

— Это не мой бизнес, милок. — В голосе старика прозвучало легкое раздражение, точно Заур ляп-



нул что-то очень глупое, и теперь всем вокруг стыдно за него.

— Тогда все новости за последние два дня, — сменил тему палач.

Кивнув, — мол, задача ясна — слепец начал говорить.

Дважды он прерывался, когда к нему подбегали те самые чумазые мальчишки, что носились у мангала, и, косясь на Заура, что-то шептали ему в ухо. Эти малыши — посредники между стариком и теми, кто все видит за него, кто докладывает обо всем, что было, есть и будет в Вавилоне. А стариk, продав новости клиентам вроде Заура, на вырученные деньги кормит ораву бездомных шпанят-«глаз», из которых обязательно вырастут грешники, презирающие Закон. Но сейчас дед и компания делают благое дело, помогая палачу разведать обстановку в городе, узнать, кто тут нынче самый крутой грешник, ну и вообще. Осведомители и СМИ — ничто в сравнении с ними.

Официантка принесла кофе, но ни Заур, ни слепец не притронулись к щербатым чашкам. Стариk все говорил и говорил, его голос убаюкивал палача. Но лишь прозвучало заветное слово «Край», Заур встрепенулся. Важно узнать, где обретается этот закоренелый преступник, нуждающийся в особом подарке — пуле в голову. Расспросы до добра не доведут, а значит как-то исподволь, невзначай...

Поразительно, но слепец заметил интерес клиента.

— Послушай, милок. — Он уперся ладонями в стол и подался вперед, приблизив свои очки к тол-



стенным линзам визави. — Я знаю: ты хороший человек, хоть и палач.

Заур медленно обернулся, кинув взглядом по сторонам. Не услышал ли кто? Кавказец-бородач поливал очередную порцию шашлыка красным вином. Посетители кафе выпили и закусывали. Вроде спокойно, никто не спешит вздернуть или всего лишь четвертовать палача.

Встать бы да исчезнуть, пока стариk не поднял шум. Или...

Увы, он ничего не успел предпринять. Сверкнув в свете лампочки, длинное — не меньше метра — лезвие молнией метнулось к его горлу и застыло, слегка коснувшись кожи. Непростая у старика трость, с секретом. Не только тропу божий одуванчик в тюбетейке ею прощупывает, но использует еще как ножны для смертельного оружия, с которым управляет-ся мастерски. Стоило слепцу ошибиться хотя бы на пару миллиметров — и Заур уже истек бы кровью.

В кафе повисла тишина. Посетители застыли с вилками у ртов.

— Милочка, нам бы еще кофейку, — распорядился стариk.

И все вновь пришло в движение, будто ничего не случилось. Заточенная сталь слилась с ножнам, став обычной с виду тростью.

— Да, кофейку. — Заур решил тут посидеть еще. Уютное заведение, приятный собеседник... Он коснулся кадыка — вроде цел, еще поживет палач во имя Закона, и сына, и святого духа.

— Я знаю, милок, ты ищешь Края. Зачем он тебе — не мое дело. Но Краю нельзя мешать, ему на-



до помочь. Несложно вычислить, куда он направится и к кому в лапы попадет. А потом... Никто тут — ни Край, ни его враги — не ведает, какое зло угрожает Вавилону! Нет, всему миру! Это зло надо остановить!

Палач нахмурился. Ему очень не понравилось то, как быстро вроде бы адекватный старик превратился в жалкого безумца, бормочущего бессмысленную чушь.

Опершись на плечо подбежавшего мальчишки, слепец поднялся и двинул к выходу.

Напоследок он обернулся, будто его солнцезащитные очки хотели еще разок взглянуть на палача:

— Хочешь найти Края — найди его жену.

Заур залпом выпил две чашки кофе подряд.

* * *

Кричала Милена, никаких сомнений. Уж ее-то вполне я узнаю везде и всегда, наслушался...

Надеюсь, на моем лице ничего лишнего — интереса или тревоги — не отразилось.

Выставив перед собой ладошки, — всеобщий знак смирения, понятный даже пигмеям в джунглях, — я улыбнулся во все тридцать два с пломбами, едва зубочистка не выпала:

— О, у вас тут что-то серьезное, а мне неприятности не нужны.

И повернулся, чтобы уйти.

— Топай, да. — «Африканцы» тут же опустили ружья. Вообще, делать этого не рекомендуется ни в



коем случае, пока опасность точно не миновала. А уж со мной вблизи подобная беспечность напрасна вдвойне. И чем уж точно не стоило озадачиваться, так это попыткой проводить меня пинком под зад.

Я перехватил голень того, у кого зубы подпилиены так, чтоб удобней было рвать сырое мясо, — вовсе не курятину, кстати — и задрал максимально вверх, чем помог каннибалу потерять равновесие и взвиться в воздух.

— Презент тебе. — Пока любитель человечины падал, я выхватил изо рта зубочистку и воткнул ему в горло. — Пользуйся. — И молниеносным движением, как учил меня давным-давно «любимый» сержант Петренко, отобрал у него дробовик.

Второй «африканец», хоть и не был замечен в особом прикусе, все равно получил алюминиевым прикладом в челюсть, что подействовало на него очень умиротворяюще. Его дробовик тоже стал моим трофеем. Оба ствола я снял с предохранителей по пути к квартире Милены. Приблизившись, я увидел, что дверь самую малость приоткрыта. Так-с, теперь изо всех сил пнуть ее и зычно гаркнуть: «Всем оставаться на местах!» Точно, так и сделаю. Я набрал в грудь побольше воздуха и...

Дверь отворилась сама. Из квартиры в коридор вывалились двое «африканцев»: оружие за спиной, чтобы не мешало тащить брыкающийся груз — связанную скотчем по рукам и ногам удивительно тихую Милену, одетую лишь в ночнушку и трусики. Онемела она из-за кляпа во рту — ее же кружевного бюстгальтера. Всего двое парней смогли совладать с этой фурией в юбке? Однако бывшая моя не



молодеет, рефлексы уже не те... Судя по яростному блеску ее глаз, она поняла, что именно я сейчас о ней подумал.

— Похищать старушек — плохая примета, — пожурил я парней.

Милена задергалась сильнее. Ее длинные светлые волосы, собранные в пучок на затылке, рассыпались, накрыв собой лицо, аппетитную еще грудь и плоский живот. На ее месте я бы тоже обиделся и сделал все, чтобы добраться до хама и показательно унизить его в ответ. А для начала всего-то надо было вырваться из нежных объятий «африканцев». Что она с успехом и проделала: пальцы парней разжались, моя благоверная плюхнулась пятой точкой на пол и тут же, извернувшись змеей, — не ужиком, но коброй — вскочила на ноги.

Вот что значит — правильный стимул!

Прыгая, — лодыжки-то связаны — она устремилась ко мне.

«Африканцы» схватились за оружие. Сместившись так, чтобы Милена не оказалась на линии огня, я выстрелил первым. Залп дробовиков слился в один основательный ба-бах. Результат — два тяжелых ранения в живот. Уж куда попал. За миг до этого моя благоверная б/у предусмотрительно растянулась на полу. Знает ведь, что снайпером я никогда не был и уже не стану.

Переступая через алые лужи и держа дробовики наготове, я подошел к парням. Ближайший ко мне раз за разом хватался за револьвер за поясом, но мокрая от крови рука соскальзывала с рукоятки. Повесив дробовик на плечо, я помог ему — сам вытащил



ствол и отбросил подальше. Ведь он этого хотел, правда? Аналогично я разоружил и второго «африканца», не подававшего признаков жизни, — беспорядочные конвульсии не в счет.

Тем временем Милене надоело валяться на окурках и стрелянных гильзах. Иначе чего бы она вновь и вновь пыталась встать? Если на тебя истратили пару рулонов липкой ленты, подняться не так-то просто. Глядя на ее старания, я решил, что освободив ей руки, смягчу свою вину. Дальше справится сама.

— Край, ну ты и сволочь! — Чего и следовало ожидать: первым делом она избавилась от кляпа, чтобы высказать все, что обо мне думает. Небось хотела нарваться на достойный ответ и устроить перебранку с перестрелкой из автоматического оружия и даже битьем посуды.

Ладно еще, когда пули свистят у виска, но я терпеть не могу, когда сервисы пролетают над головой. Так что я смолчал в ответ. Да и не стоит тратить время напрасно, его у нас не так уж много. Грохот выстрелов слышали все жители высотки, включая глухих и коматозников. Вот потому ни один квартиро-съемщик в коридор не выглянул, на помощь пострадавшим не поспешил — все заняты: звонят, кому следует, чтобы натравить на меня и Милену каннибальскую кодлу.

Пока моя бывшая супруга чувствовала мою покойную маму, я вернулся к «африканцу», который еще дышал, хоть и хрипло. Надо расспросить его о том о сем.

— Дружище, а тебе что больше нравится — ошечек, — наклонившись, я хлопнул себя по загривку,



а потом чуть ниже спины, — или филе? Я вот, к примеру...

Грохнул выстрел. Пуля пролетела в каких-то сантиметрах от моего черепа. Развернувшись на месте, я навел дробовики на того, кто едва не избавил меня от дурных мыслей вместе с мозгом.

Милене повезло, что я не нажал на спуск.

Стреляла она, кстати, вовсе не в меня, а в «африканца», в теле которого после этого стало на две дырки больше — во лбу и на затылке.

— Чертов ублюдок! Он меня лапал! — Милена опустила револьвер — тот самый, что я вытащил из-за пояса покойного.

Ну что за человек, а?! Она ноги еще не освободила, по колени в скотче, а уже успела сделать глупость!

— Любимая, — издалека начал я, — ты, наверное, знаешь, кто эти молодые люди и зачем ты им понадобилась?

В ответ она лишь фыркнула.

Так я и думал. А чего еще ждать от женщины в том возрасте, в котором маразм уже норма?

Склонившись над трупом, я проверил содержимое его карманов. Поговорить нам не дали, может, хоть так добуду инфу?.. Мягкие купюры, портсигар с самокрутками, пахнущими вовсе не табаком, засаленная визитка ночного клуба «Азия». И все. Хм... Визитка... С каких это пор «африканцы» заглядывают к конкурентам, чтобы бахнуть по сто и постоять под музыку?.. Уронив кусок картона с текстом и рисунком-пагодой на труп, я поглубже вдохнул — и решительно вошел в квартиру своей бывшей.



Да так и застыл, сделав всего шажок-другой вглубь.

Все было перевернуто вверх дном. Тут и там валялись вещи — такое впечатление, что налетчики задались целью опорожнить каждый шкаф и ящик, завалив содержимым пол и диван. Немного, правда, в концепцию налета не вписывались картонки из-под пиццы, сваленные в углу, и гора грязной посуды в рукомойнике. «Африканцы» что, заглянули к моей благоверной, дабы испортить себе желудки общепитом?..

— Эти парни искали что-то конкретное? — спросил я у Милены, вошедшей следом. — Или просто все подряд громили?

— Ни то, ни другое. С чего ты вообще взял?

Понятно. Кое-кто до сих пор терпеть не может прибираться. Если моей бывшей позволить выбирать между домашним хозяйством и каторгой — не сомневайтесь, она проголосует за строгий режим с жизненным заключением. Порядок в этой квартире обеспечивает исключительно Патрик, наш сын, но он по версии Милены пропал... Черт! Теперь я воочию убедился, что мой пацан давно не был дома.

— Любимая, ты звонила друзьям Патрика? Что они говорят?

Опять фыркнула. Не знает друзей сына. Стыдова, мамочка называется...

Впрочем, я тоже помню лишь пару мальчишек: одного, кажется, Михаилом или Мигелем звали, а второй, вроде бы, Ли. Или Ким?.. И номеров своих телефонов они мне не давали, к сожалению или к счастью. Я шагнул к столу сына. Ноутбук, постор



полубнаженной певички из новомодных однодневок, зарядка для мобильника... Из-под ноута что-то выглядело. Я протянул руку, чуть приподнял девайс...

И обмер.

Там лежал пустой пакетик из прозрачного полиэтилена с изображением ангела. Такой же, только полный, я уже видел сегодня в «Янтаре» и даже конфисковал — ну, почти — у торговца наркотой.

Неужели мой сын подсел на дурь?!

Перед глазами все поплыло, во рту стало сухо. Едва сумев унять дрожь, я незаметно для Милены спрятал пакетик в карман. Не хватало еще всплеск о том, какой я плохой отец и что все из-за меня. Вот найду Патрика, поговорю с ним, а уж потом... Нет, я отказываюсь верить, что мой сын — поганый джанки. Он ведь знает, как я ко всей этой дряни отношусь, он не мог...

А если все-таки?

Где обычно молодежь берет наркоту? В клубах.

А у налетчика в кармане лежала визитка клуба «Азия»...

Вряд ли это совпадение. «Косоглазые» боссы частенько привлекают для своих темных делишек бойцов из кланов попроще, чтобы не мараться и не портить репутацию очень уж крутых парней. Представители африканского братства лишь наемники в этом деле. По крайней мере, очень на то похоже. А значит, мне стоит прогуляться в «Азию» и немного там потусить.

Чего такого Патрик натворил, раз местная помесь триады и якудзы послала боевиков к нему домой? За-



должал денег за наркоту? Эх, сынок! Всыпать бы тебе ремнем по мягкому месту, да поздно уже, вырос...

— Любимая, ты как хочешь, конечно, но я бы рекомендовал тебе съехать отсюда. — Оставив ей один из трофейных дробовиков, я направился к двери. — И как можно скорее.

Как она сумела враз отыскать в завале вещей свою сумочку, ума не приложу.

— Спрячься где-нибудь, я позвоню. — Я двигался по коридору так быстро, что почти бежал.

— Спрятаться?! Зачем?! Я ведь с тобой, я... — Окончание фразы утонуло в скрипе створок лифта, они закрылись, и кабинка поползла вниз. Развлекать бывшую супругу в ночном клубе не входило в мои планы.

Зато выбраться из подъезда без проблем — очень даже входило.

Увы, эти планы нарушила автоматная очередь. Пули врезались в воздух там, где долю секунды назад в дверном проеме показался мой организм. А в том, что я еще жив, виновата моя супруга. Это она помогла мне уйти из-под огня. Успев обуться и сменить ночнушку на облегающее кремовое платье, она, не дожидалась лифта, спустилась по лестнице — так хотела наподдать мне за то, что я кинул ее. И наподдала ведь, — меня буквально вышибло из подъезда, я на ногах едва устоял. Зато пули прошли мимо. А второго шанса убить себя Макс Край никому не дает, ибо это плохая примета.

Выпрямившись, я жахнул из дробовика по джипу с молнией, водила которого решил вдруг закосить под крутого киллера. Наполовину опущенное стекло забросило в салон осколками, перемешанными с



дробью, попутно этой же смесью нашпиговав красавчика со шрамом на роже.

— Извини, дружище, но на твои похороны я не приду. — Я самонадеянно решил, что выписал ему путевку в мир иной. И ошибся.

Открылась дверца, из джипа выпало тело и, несмотря на раны, мало совместимые с жизнью, вскинуло «ингрэм». Похоже, киллер намерен продолжить начатое, а то и закончить.

Оглушив до звона, у меня возле уха добротно громыхнуло — Милена оказалась быстрее недобитого водилы. Автомат его стукнулся об асфальт, никому больше не угрожая.

Собрав волосы в пучок на затылке, моя бывшая фыркнула:

— Вечно, Край, мне приходится тебя спасать!
В ответ я решил гордо промолчать.

Мой Танк в ремонте, а раз водила джипа с молнией вел себя столь агрессивно, то я, пожалуй, конфискую его транспортное средство. В качестве моральной компенсации.

Стряхнув с сидения битое стекло, я забрался в машину. В бардачке обнаружилась бутылка вполне приличного вискаря. Радионуклиды из организма мне выводить не надо, но... Давненько я не развлекался так, что аж трясет от переизбытка адреналина в крови. Плюнуть, что ли, на зарок и отхлебнуть прямо из горлышка? От нервов самое то, а за рулем ведь нервничать нельзя...

Пересилив себя, швырнул бутылку в окно. Ее осколки органично вписались в натюрморт прочего мусора на асфальте.



Интуиция подсказывала мне, что надо убираться, и что мой любимый пистолет уже не вернуть — он останется у мальчишек с блокпоста как добная память обо мне, ибо этот сектор Вавилона теперь закрыт для Макса Края надолго.

Отворив пассажирскую дверь, Милена плюхнулась рядом. Если бывшая супруга спасает тебе жизнь, как-то не годится уезжать без нее.

— Чего ждешь? — Она поставила дробовик на предохранитель. — Двигай уже! Кстати, а куда мы?

— В клуб. — И мы поехали.

Я ткнул пальцем во встроенную аудиосистему, салон заполнило тягучее регги. Когда-то я любил такую музыку, но те славные времена уже не вернуть. Лучше уж радио, есть одна станция... Ага, оно самое. В динамиках заиграло, запело: «А сын грустит о матери, а сын грустит о матери. Ждет сына мать, а сыновей Земля...»¹

— В какой еще клуб?! Край, в своем уме?! Сын пропал, жену едва не похитили, а тебе все гулять?!

Сворачивая за угол дома, я увидел в зеркало, как к подъезду, у которого остался лежать киллер, подрулили сразу пять тачек. Вооруженного люду из них высыпалось немерено. Что-то не похожи на «африканцев». Но все равно мы отвалили вовремя. Еще чуть-чуть и...

— Край, ну кто так ездит?! Тебя что, черепаха родила?! Ну обгоняй уже!

Я знал, что так будет, потому и не хотел брать Милену с собой.

¹ Слова из песни «Трава у дома» ВИА «Земляне» (автор текста — А. Поперечный, музыка — В. Мигуля).



Чтобы отвлечься от ее выкриков, я сосредоточился на дороге и том, что происходило за бортом джипа. Ночью движение в Вавилоне весьма насыщенно: не только солидные тачки сигналят, но обгоняют друг друга жуткие доисторические рыдваны и еле ползут телеги, запряженные буйволами, — обычное зрелище, никого им не удивишь. Рикши победнее бегом ташат за собой повозки с пассажирами. А те, кто побогаче, крутят педали...

На границе кланов нас не остановили, обошлось без досмотра. Видать, примечательную тачку я взял напрокат, раз бойцы не решились потребовать с ее пассажиров мзду.

— Край, ты права купил, да?!

В нашем славном городе много разнообразнейших закусочных. На каждом углу продают шаурму, ароматно дымят мангалы, на которых жарят шашлык из любого — хоть из верблюжатины или канарейки — мяса. Вот китайский ресторанчик. А справа — блинная. Хотите пиво из кегов? Не проблема, хоть чай из самоваров! Жирный плов и самса из тандыра. Суши и кузнечики. Экзотика приелась — деталь повседневного быта. Вот настоящий борщ попробуй найди. И каждый повар в белом халате и в грязном, заляпанном кровью переднике, кричит, зазывает отведать его фирменное блюдо, самое вкусное, вкуснее нет ни у кого. На ломаном русском кричит, иначе будет «твая мая не понимай»...

Подъехав к клубу «Азия» и заглушив движок, я злорадно покосился на Милену — у нее ведь пропал повод критиковать мое водительское мастерство. Ну да она быстро найдет, чем это компенсировать.



Пафосное местечко. Когда-то тут был супермаркет, от которого осталась лишь большая парковка с разметкой. Самое же здание снесли и построили нечто вроде пагоды в семь этажей, украшенных искусственными драконами. А вот тигры в клетках у входа были самыми настоящими. Панда, жрущие побеги бамбука за стеклянной стенкой вольера, выглядели здоровыми и довольными жизнью. В прудике кишили карпы. Все на уровне, декор мне понравился. Патрик связался с прощелыгами, которые умеют отдыхать. Вот только хорошо это или плохо? В любом случае мой клуб все равно лучше... да просто потому, что он мой.

— Край, я, конечно, доверяю твоему чутью, но на кой мы сюда приперлись?

Плохая примета, когда Милена начинает меня хвалить.

— Ты ж сама сказала, любимая. Петь, гулять и танцевать. Веселиться, одним словом.

Только мы собирались выйти из джипа, как на стоянку буквально влетели тачки, битком набитые разъяренными «африканцами». Черт, не надо было оставлять визитку на трупе!

На уgnанный мной джип нацелились десятки стволов.

— Выйти из машины! — взревел здоровенный негр, потрясая волосами, заплетенными, наверное, в миллион мелких косичек. Это он мне и Милене. По тому, как себя держит, как грозно руками машет, негр у каннибалов за главного: все ложками лопают, а он — черпачком. Интересно, сколько шампуня за месяц этот этнический пожиратель человечины выливает на прическу?



— Люди! Сограждане! Друзья! Только не стреляйте! — пригнувшись за дверью пониже, крикнул я. — Тут же панды! — И в знак своих добрых намерений выбросил оба дробовика на асфальт. Все равно толку от них нынче — ноль с дыркой от бублика. Слишком много народа явилось по наши души.

Меня и Милену споро выволокли из джипа, уложили лицами в разметку.

— Друзья, давайте обсудим ваши претензии. — Политики уверяют, что все проблемы можно решить с помощью дипломатии. А чем я хуже политиков? — Уверен, мирный диалог поможет нам...

Как «азиаты» окружили «африканцев», я не видел — занят был, асфальт в сантиметре от своих глаз рассматривал. Но все же я почувствовал, что ситуация изменилась. Да и вообще хорошая примета, если вас перестают лупить ногами по ребрам.

Оторвав от парковки лоб, я прикинул, что хозяев-«азиатов» втрое больше гостей клана. Это как минимум. И вооружены они не только традиционным стрелковым оружием, но и мечами всякими, копьями, нунчаками и еще какой-то хренью. А боссом у них мужичок, лица которого я не рассмотрел из-за широкополой черной шляпы с вышитым на тулье драконом. Комплекция мужичка мне показалась смутно знакомой. Где-то мы уже виделись. Вот только где?.. И была ли приятной наша предыдущая встреча?

Негр велел своим опустить оружие.

— Зачем вы здесь? — прошелестел «азиат».



Меня подняли и поставили перед ним — следовательно, вопрос не к «африканцам».

— Давно хотел посетить ваше заведение. Говорят, оно крутое. И оформлено круто. И ступеньки круты. И кухня крутая: даже яйца вкрутую...

— Достаточно, — прервал меня «азиат» и обернулся к негру: — Это мои клиенты.

— Не просто уже заказ! Он убил моих людей! Брата моего убил и угнал его тачку! Он должен ответить! — Негр свирепо уставился на «азиата», а тот не отвел взгляда.

Пауза затянулась. Наверное, «азиат» считал, что сказал достаточно и не хотел повторяться.

Негр скис и кивнул своим, чтобы отваливали: у них, дескать, нынче дела, но потом... Плохая мина при плохой игре. Мне даже стало его немного жаль — еще пара таких промахов, и его ребятки выберут себе нового главаря. «Африканцы» принялись загружаться в тачки.

— Ну и отлично! — обрадовался я. — Нам, пожалуйста, самый лучший столик. Яйца вкрутую я не люблю, а вот омлетик с удовольствием бы...

— Ко мне их, — так и не показав мне свое лицо, велел «азиат».

Его бойцы, кстати, и не думали опускать оружие. Нас обыскали.

— Эй, это средство личной гигиены! — возмутился я, когда у меня отобрали зубочистки и чувственно толкнули прикладом в спину.

Хорошо хоть не мечом.



Глава 3

ВСТРЕЧА ВЫПУСКНИКОВ

Босой, он стоит в центре недавно подстриженного газона. Пахнет скошенной травой. Ее ухоженная зелень радует взгляд, приятно касается ступней и лодыжек. Там, откуда он родом, много зелени — не такой, но все-таки. Перед ним, возвышаясь амфитеатром, застыли в ожидании тысячи молодых людей. Они жаждут просветления. Их лица то устремляются к небу, будто повинуясь одному на всех импульсу, то опускаются так, чтобы видеть его, святого отца Асахару, наместника бога на Земле, явившегося из глубин нирваны, из небытия, из-за облаков, — кому как больше нравится — чтобы помочь заблудшим и наставить на Путь Истинный.

Важно, чтобы они, уже *особо* подготовленные, вняли ему и полностью открылись. Для этого следует максимально использовать органы чувств послушников. Для начала зрение — Асахара разводит верхние конечности (руки, напоминает он себе, так они называются), закрепив их перпендикулярно торсу. Теперь он — живой крест, облаченный в белый шелк, соприкосновение которого с кожей дарит приятные ощущения.

Далее — слух. Из легких воздух попадает на голосовые связки, те вибрируют, рот открывается, рождая слова:

— Дети мои!

Возраст внимавших Асахаре — двенадцать-семнадцать лет. Проще говоря, перед ним собрались подростки. Сознание опытных и мудрых не годится



для манипуляций. Другое дело, чистый материал, не оскверненный еще жизнью, переполненный энергией множества страстей. Самое то, чтобы использовать во имя Всеобщего Единения.

— Мы вместе, чтобы нести добро погрязшим в несправедливости!

Асахара видит, как на глаза парней и девушек наворачиваются слезы. Им кажется, что они — мессии.

Им жаль этот мир. Жаль себя.

— А что есть добро? Что есть свет? — Он начинает покачиваться подобно маятнику, амплитуда пока едва заметна, но именно что пока. Толпа, не осознавая, повторяет его движения.

— Добро есть любовь. Любовь есть свет! А все вместе — энергия!

Рот святого отца открывается сам собой. Речь — и вообще ритуал — рассчитана до мелочей, чтобы воздействие было максимальным. Запах травы усиливается. От тысяч разгоряченных тел к небу, подсвеченному прожекторами, струится волнами тепло. Дыхание послушников становится порывистым. Кто-то вскрикивает, кто-то стонет. У кого-то начинаются судороги, идет пена изо рта; это допустимый брак.

Наконец святой отец говорит:

— Любите друг друга, просветляйте.

Сознание его тотчас устремляется вперед, набрасывается на парня лет четырнадцати, а то и старше. У парня ярко-голубые глаза и светлые волосы завитушками, придающие немногого женственности его поджарому, мускулистому телу с широкими плечами. Заметная цель. Асахара подчиняет его волю, забива-



ет ее в дальний темный угол подсознания и протягивает чужие, крепкие не возрасту руки к девушке, стоящей слева. Из темного угла приходит сигнал, что избранница некрасива, ведь засаленные волосы, лицо, покрытое прыщами, и откровенные излишки веса — вовсе не признак привлекательности. Но физические недостатки юных самок святому отцу, мягко говоря, без разницы. И потому захваченное тело бросает в жар, позвоночник превращается в раскаленный стальной стержень, твердость которого передается в пах, и это больно, мучительно больно, но в то же время ослепительно сладко. Асахара выпускает парня из угла, чтобы тот прищурился, ибо лишь так можно смотреть на самое прекрасное существо во вселенной, не опасаясь сжечь сетчатку неумолимым сиянием спасающего мир света. Парень дрожит от восхищения, и его эмоции передаются по толпе во все стороны, точно светловолосый голубоглазый подросток — эпицентр взрыва.

Напряжение нарастает, потому что разрядка запрещена — ничьи губы не должны сомкнуться, телам запрещено соприкасаться. Любовь, которую проповедует святой отец Асахара, нельзя осквернять. Нельзя ослаблять напряжение. Принцип простой: смотри, но не трогай.

Асахара делает взмах рукой — прощальный отблеск сапфирового стекла его часов на запястье, — и прожекторы вырубаются. Подростков и газон окутывает непроглядная ночная мгла. Луна спряталась за облаками, Млечный Путь забыл о Земле.

Секунда, две, три — над толпой появляется легкое, точно дымка, голубоватое сияние, в котором



змеятся едва заметные молнии-разряды. Отчетливо пахнет озоном.

Еще миг — и дымка вместе с толпой исчезает в ослепительно-белой вспышке, заставившей Асахару отвернуться. А потом, когда глаза начинают хоть что-то различать, видно, что к позвоночникам и черепам подростков подведены разноцветные пучки проводов, и тела наливаются светом, и кажется, что свет этот исходит от костей, от черепов, что он прорывается сквозь плоть и кровь и устремляется по проводам, которые ведут... И вновь вспышка. И опять.

— Добро есть любовь. Любовь есть свет! — Асахара опускается на газон, ноги не держат. — А все вместе — энергия!

И кому какое дело, что с каждой вспышкой его лицо все больше искажается, оплывает, точно воск горящей свечи?

* * *

«Объявленный в международный розыск преступник-рецидивист Максим Краевой по прозвищу Край и его бывшая жена Милена (девичья фамилия неизвестна) убили мужчину (убитому около тридцати лет), состоящего предположительно в так называемом Африканском клане — незаконном вооруженном бандформировании (террористической организации), имеющем представительства по всей территории Украины. После чего Край и Милена завладели транспортным средством убитого (джипом черного цвета неустановленной марки) и скры-

лись в неизвестном направлении». Так в протоколе изложил бы Заур, потребуй от него начальство описать случившееся у дома, где жила бывшая супруга Края.

Палач стал свидетелем короткой перестрелки и угона, но никак не мог помешать очередному злодействию лютого грешника Краевого: Заур до сих пор не обзавелся оружием. Невероятно, но в городе, переполненном стволами, не так-то просто купить даже самый паршивый ПМ.

Предложения купить у случайных прохожих автомат или хотя бы обрез — прохожие были вооружены до зубов — неизменно приводили к угрозам отправить сумасшедшего лысого очкарика на тот свет. Граждане Вавилона представить себе не могли, что кто-то в своем уме рискнет выйти на улицу с одними лишь кулаками для самозащиты. Заур чуть было не отнял АК-103 у девчонки лет двенадцати, но вовремя одумался — и вовсе не потому, что ее подружки, лузгая семечки и надувая пузыри жвачки, могли его пристрелить, но исключительно из-за нежелания брать на душу очередной смертный грех.

Кстати, насчет протокола для начальства. В одном палач скучавил — о том, что направление, в котором скрылся джип, ему неизвестно.

Но — по порядку.

Догнав слепого старика в тюбетейке, Заур за отдельную плату — за спасибо — узнал адрес подруги Краевого: «Африканский сектор, улица Второй Пятилетки, дом 2А, пусть Край выпустит тебе кишаки, проклятый палач!» Правда, старик долго отказывался от сотрудничества, даже саблей своей разма-



хивал и мальчишку-поводыря науськивал задать Зауру трепку — очевидно, так он набивал цену. Получив по загривку, малец вмиг растерял боевой запал и скрылся с глаз долой. А стариk стал сговорчивее, лишь только гость Вавилона отобрал у него заточенную железяку. Потом отдал...

Сердце палача радостно трепетало: небывалая удача — только прилететь и сразу напасть на след преступника, которого не могут поймать уже много лет! Не иначе помочь ему оказана свыше!

Окончательно он уверился, что небеса ему благоволят, когда прибыл по адресу и увидел, как из подъезда вышел сам Край. Ну, не совсем вышел — скорее выпал, но какая разница?! Прямо на ловца зверь бежит! Непонятно, почему рецидивиста до сих пор не осудили и не привели приговор в исполнение? Поймать его — проще простого!..

Позже, вспоминая, как и что произошло, Заур понял, что там, у панельной высотки на улице Второй Пятилетки, его обуяла гордыня. Сам того не заметив, он запятнал свою бессмертную душу. Далеко не впервые запятнал, ведь убивать палачу приходилось много раз, и он знал, что обречен на адские муки. Впрочем, Заур готов нести свой крест до конца жизни и далее, в загробном мире.

Но тогда...

Лишь только Край показался в дверном проеме, из джипа, припаркованного у подъезда, открыли огонь из автоматического оружия.

«Гром Господень поразил преступника!» — преждевременно решил Заур. Но сам дьявол в женском обличье хранил Края. Блудница, обладающая



поистине нечеловеческой привлекательностью, спасла его, толкнув — и тем самым, заставив пригнуться.

Все произошло очень быстро. Только прозвучали выстрелы — и вот уже грешники умчались на чужом джипе, лишь смрадный выхлоп клубится. За действом наблюдали чуть ли не все жители высотки, с нескрываемым интересом пялясь из открытых окон и чуть ли не выпадая наружу.

Заур со всех ног рванул к трупу «африканца», возле которого валялся «ингрэм» — компактная игрушка, столь обожаемая членами преступных сообществ. Палачу никак без оружия. И уж тем более никак в чужом — враждебном! — городе, святыище зла и порока.

Однако Заура опередили.

Из-за угла дома, рыча движками, выскочили пять тарантасов, собранных из металлолома и бытового мусора. Ржавые выхлопные трубы зачем-то — для устрашения? — обмотали колючей проволокой. Над головами водителей на приваренных к дугам стальных трезубцах из арматуры торчали человеческие черепа, выкрашенные черным и желтым. А бампер того багги, что едва не отдавил Зауру ноги, был измазан отнюдь не гуашью, но свежей кровью — неподалеку явно произошло ДТП с летальным исходом. Помимо трех таких багги в состав банды на колесах входили два мотоцикла, неимоверно трещавших и страдающих метеоризмом — из труб их то и дело с грохотом вылетали клубы черной вонючей копоти. Да и от их наездников воняло так, что куда там выхлопу, будто жили они на помойке, жрали гнилье



и пили из луж. А вот одеты эти парни были совсем не оригинально. Ну, кого в Вавилоне удивишь клепаными кожаными куртками и армейскими штанами? Только безногий тут не ходит в ботинках с высокими берцами. И уж точно безрукий нанес на лица бандитов корявые татуировки. В носах, ушах и бровях у них ржавели килограммы пирсинга. И мало того, что выглядели они как закоренелые грешники, так еще у каждого на груди болталась цепь с пентаграммой.

«Ингрэм» лежал в каких-то метрах от Заура. Но сейчас вряд ли стоило проявлять интерес к оружию и делать резкие движения.

При появлении банды любопытство обитателей дома резко пошло на убыль — окна на всех этажах захлопнулись, и ни одно лицо не прильнуло к стеклу. Что бы это значило? Мало ли в Вавилоне вооруженных отморозков? Эти особые, что ли?

Точно.

Они — парии среди изгоев. У всех палач заметил признаки вырождения. Какой клан примет в свои ряды карлика с такой злобной рожей, что хочется отвести взгляд? У другого грешника посреди лба моргал единственный глаз. У третьего на руке, сжимающей здоровенный топор, было шесть пальцев... У его соседа слишком длинные уши, а у парня в коляске мотоцикла... И кожа у всех — родная, не та, из которой куртки — болезненно светлая, почти молочная, точно они выбрались из преисподней, куда не проникают лучи божьего света.

Засунув руки в карманы плаща, Заур замер, давая банде возможность проявить себя, обозначить



намерения. Было бы ошибкой самому заговорить с грешниками или, повернувшись к ним спиной, попытаться уйти. Он чувствовал, как взгляды уродцев сверлят в его лбу дыры. Не хватало еще, чтоб в затылке...

Жужжа моторчиком, к компании тарантасов присоединился новенький скутер цвета лайма — посланник из иного мира, где все хорошо, все счастливы. Появление его вызвало бурю эмоций: грешники дружно зарычали, заулюлюкали, кто-то захочотал, а карлик — так вообще пару раз жахнул в воздух из «калашникова», казавшегося в его коротких ручонках несуразно большим. А все потому, что на скутере прикатила мускулистая девица в кожаных штанах и черной майке. Популярная грешница, раз ее столь радостно привечали. Заур принял бы девицу за парня — из-за отсутствия даже намека на молочные железы и хоть какую-то привлекательность лица, если бы не бедра — вдвое шире плеч.

Она ловко спрыгнула с только что, похоже, уgnанного скутера — слишком уж он отличался от остального транспорта банды. Виски блудница тщательно выбрировала. Скуластое лицо ее с заметными надбровными дугами «украшал» макияж — нарисованные черной краской слезы.

— Здорово, лысик! — Приветствие она сопроводила гримасой, означавшей очевидно задорную улыбку.

Банда разразилась дружным хохотом. Карлик смеялся с протяжным повизгиванием, а шестипалый — со странным скрежетом, точно у него в горле проворачивались несмазанные шестерни.



— Лысик, давай-ка мне свои вторые глаза. — Девица протянула руку с намеком, что желает очки Заура. — И выворачивай карманы. Да и вообще раздевайся. Давай нам все, лысик.

Палач вытащил руку из кармана и провел ладонью, затянутой в перчатку, по своему изрытому шрамами черепу.

— Мне всего лишь нужен этот пистолет-пулемет, этот «ингрэм», и я уйду с миром. — Он смотрел поверх бандитов, точно не к ним обращался, а к закрытым окнам. — Иначе случится непоправимое.

Ответом ему был новый взрыв веселья. Заура удивил смех девицы, похожий на перезвон колокольчиков и никак не вязавшийся с ее внешностью и повадками.

Смутить палача насмешками не так-то просто, поэтому он продолжил:

— Покайтесь, пока не поздно. Оставьте гнусный промысел. Идите в монастырь и до конца дней замаливайте грехи.

На сей раз никто не засмеялся.

Девица шагнула обратно к скутеру и выкрикнула:

— Убейте его!

* * *

Если ночью тебя ведут по коридору, где на половине дверей висят таблички «Не беспокоить», но, судя по специфическим звукам, в номерах делают что угодно, но только не спят, поневоле решишь, что угодил в бордель. Пардон, в развлекательный комплекс повышенного комфорта и образцового обслуживания.



У одной из таких дверей нас остановили и еще раз обыскали — исключительно из-за Милены. Вроде не девочка уже, но надо отдать ей должное — все еще привлекательна, чертовка, вскружившая мне голову много лет назад... Я заставил себя отвести взгляд от ее стройных ножек и круглой попки, которую откровенно лапал толстенный боец-«азиат». Судя по багровым пятнам на щеках и яростному блеску глаз, Милена не в восторге от массажа ягодиц, однако ей хватило ума смолчать.

Раздался щелчок. Я уже заметил, что на двери нет отверстия ни для обычного ключа, ни для магнитного. Ручка есть — чтобы табличку повесить... Неужели замок открывается лишь изнутри?

Дверь отворилась сама собой.

Нас втолкнули в просторное помещение.

Едва ощутимо пахло хвоей. Жалюзи на всю стену, — такое громадное окно? Большой шкаф. Дубовый стол — хороший, основательный. На столе матово-черный ноутбук, закрыт, и потому сперва я принял его за толстый кусок резины. Есть еще стулья и чудный барчик с бутылками разной формы и прелестного содержания. Мы попали в рабочий кабинет шефа мелкой фирмы? И это ее босс — на черепе у него приметная широкополая шляпка — сидит за столом в шикарном кожаном кресле, которому далеко, конечно, до моего любимого диванчика?

Головной убор начальничка «азиатов» — до оябуна¹ ему так же далеко, как отсюда до Альфы Цен-

¹ Оябун — «вор в законе» в иерархии якудзы, авторитетный влиятельный преступник.



тавра — начал меня раздражать. Начальничек очутился тут раньше нас, а значит, есть какой-то другой вход-выход?..

Притаившийся в дальнем верхнем углу кондиционер бесшумно разгонял потоки холодного воздуха по всему помещению. Не кабинет, а морозильная камера. Милена в свое летнем платьице, не прикрывающем даже колени, зябко поежилась и одарила меня презрительным взглядом. Мол, Край, куда ты меня привез?! Впрочем, ожидать от тебя иного, Край, все равно что себя обманывать...

— Оставьте нас, — послышалось из-под шляпы.

Я обернулся. Дверь закрылась за вооруженными парнями сама собой. Небось стоит датчик движения. А когда я вновь посмотрел на начальничка, он навел на меня пистолет. Причем сделал это ловко — оружие будто само собой возникло у него в руке.

— Это «Дезерт Игл Марк девятнадцать», калибр двенадцать и семь? Отличный выбор! — Я профессионально улыбнулся, подмигнул и показал большой палец, как обычно делаю, когда в моем клубе загулявшее тело требует дорогущей бурды, по мне не стоящей и копейки.

Увы, мой оскал не произвел впечатления на начальничка. Он вообще никак на него не отреагировал — даже нос из-под своей отвратительной шляпы не высунул.

Вытащив из кармана бумажник, я сменил тактику:

— Вы хотите продать этот пистолет? Что ж, я с удовольствием рассмотрю ваше предложение, назовите цену...

Холеный палец начальничка лег на спуск.



— Кто не рискует, тот не пьет коньяк, верно, Край? Был один человек в моем прошлом, который говорил так, но он...

Палец выжал свободный ход спускового крючка... Из ствола вырвалось пламя.

А потом «азиат» — у него действительно были раскосые глаза — наконец-то снял шляпу, сунул в губы сигарету и подкурил ее от зажигалки, внешне неотличимой от боевого оружия. Выпустив струю дыма, «азиат» хохотнул:

— Видел бы ты, Край, свою рожу! Ты чего, забыл? Ты ж мне сам эту зажигалку подарил.

Целый ящик таких игрушек я нашел среди развалин военной базы повстанцев. Это было во время моей почетной обязанности в банановом раю. Тогда я эти «пистолеты» чуть ли не всем встречным раздавал. Чингизу тоже перепало.

— Я думал, дружище, ты погиб.

Когда мы виделись в последний раз, расклад для него сложился крайне неприятный. Он попросту не мог обмануть смерть, но... Там, где прошла наша молодость, невозможное частенько становилось обычным.

— Не дождешься, Край.

— Ничего, я терпеливый.

Однако постарел Чингиз: морщины у глаз и на лбу, седые виски... Ну да а кто стал моложе? Живем ведь год за три, если не за пять... Короче, если кто не понял: босс клуба «Азия» — мой сослуживец, которого я когда-то спас на войне и который потом отплатил мне за это предательством. Вот почему мне показалась знакомой его наружность.



Встав из-за стола, как ни в чем не бывало, будто не было у нас старых счетов, он шагнул ко мне с распростертыми объятьями. Я, как водится, прижался к нему, похлопал по спине. Ни дать ни взять встреча друзей-однополчан.

Все бы хорошо, но я не доверил бы Чингизу собственный драный носок. К тому же, сюда меня привела вовсе не ностальгия, но желание найти сына.

И Чингиз наверняка знает, зачем я здесь.

— А ты помнишь, Край, как мы... — начал он, и понеслось.

Я не без удовольствия поддержал его игру: отчего бы и не вспомнить годы молодые, когда вода была вкусной, точки — горячими, а кровь — чужой?

— Выпьем, Край? — Чингиз шагнул к бару. Он подчеркнуто демонстративно не замечал Милену, которая, скрестив руки на груди, то и дело фыркала.

В движении он почему-то напоминал мне тигра, вроде того, что в клетке у входа в клуб. От него исходила аура опасности, он в любой момент мог атаковать, но его что-то сдерживало. Что?..

— По стаканчику, Край?

— Разве только сока. У тебя есть сок свежевыжатого апельсина? В это время суток очень полезен сок свежевыжатого...

Сообразив, что я не желаю с ним не то что употреблять, но жить на одной планете, Чингиз скрипился и процедил сквозь зубы:

— Если ты сейчас же со мной не выпьешь, я пристрелю тебя.



Подтверждая серьезность своих намерений, он вытащил из-за пазухи пластиковый «Глок 17». Что-то слишком часто в последнее время на меня наводят оружие.

Я понимал, что это уже не бутафория, но удержаться было выше моих сил:

— «Игл» у тебя — зажигалка, а этот, наверное, водяной?

Все, перегнул палку. Чингиз сейчас выстрелит, вон как рожа враз покраснела.

— Перцовка есть? — выдал я за миг до того, как мои мозги расплескало бы по кабинету.

— А как же, — кивнул Чингиз, ставя пистолет на предохранитель. — Но пить будем сакэ.

Он налил, и мы бахнули по керамической рюмке рисового шмурдяка. Чингиз и раньше терпеть не мог пустой тары, и с годами эта привычка у него не атрофировалась: он нацедил вновь и тут же накапал по третьей — подряд, конечно, и не закусывая. Я вмиг захмелел. Уже забыл, какой мерзкий вкус у алкогольных напитков — дешевых, самопальных. Но мир вокруг стал светлее, и на душе полегчало. Если б еще предметы-лица не двоились и Патрик нашелся, ночка получилась бы славная, удалась бы ночка. А так я щурился, чтобы сконцентрировать взгляд. Мне и одной бывшей больше, чем нужно, а уж две — перебор конкретный. Особенно — если обе вякают о встрече выпускников интерната для дебилов.

— Пора бы вам, мальчики, уже повзрослеть, — закончили свою мысль обе Милены.

Прежде чем налить вновь, Чингизы — тот, что слева, и тот, что справа — взглянули на меня. На



всякий случай, памятуя о «глоке» (теперь-то их два!), я кивнул. Кто ж знал, что Чингиз вызовет бойцов и велит спеленать мою бывшую — обеих — и засунуть в шкаф? Мол, в отдельном номере-люксе ей будет лучше, чем с нами, уютнее. Я почему-то сразу понял, что в шкафу Милене не понравится, но спорить с Чингизом не стал.

Только мы остались вдвоем, — зрение мое уже адаптировалось к алкоголю — он принял раздеваться.

— Дружище, пойми меня правильно, я хоть и в разводе, но ориентация у меня все-таки...

Напрочь игнорируя мой лепет, начальничек «Азии» обнажился по пояс, заявив, что не любит эти костюмы и прочую чушь с галстуками. И вообще ему жарко и душно. Это при работающем-то без передыху кондиционере!.. Торс Чингиза покрывали цветные татуировки: драконы, тигры и прочие тануки, мечи и парни с балаклавами на мордах. Ежу чернобыльскому ясно, мой старинный боевой товарищ заделался якудзой. Ну да неудивительно.

Я мысленно застонал. Патрик, сынок! Ты понимаешь, с кем связался?

— Край, у тебя проблемы. — Чингиз поставил очередную бутылку на стол и плюхнулся в кресло. — Даже не знаю, как тебе помочь. Из шалмана моего ты выйдешь лишь вперед ногами. Сам понимаешь, ничего личного. Я даже рад, что встретились. Но уж извини!

— Да ладно, — успокоил я его взволнованную совесть, — ничего страшного. Хоть вперед ногами, хоть назад. Никаких обид. Обращайся, если что.



Выпив еще, я решил говорить начистоту. Интуиция подсказывала, что надо спешить, танцы вокруг да около оставим на потом. Я признался Чингизу, что у меня пропал сын, и я приехал к жене, да, бывшей, но все-таки жене, а тут какие-то шибко борзые «африканцы». Короче говоря, вот почему Макс Край здесь и пьет с каким-то жлобом жуткую дрянь.

— Первоклассное сакэ! — деланно обиделся Чингиз и, подмигнув, достал из ящика стола заметный пузырь водки и чисто символическую баночку икры. — А вообще, ты прав, конечно, дрянь сакэ это. Но мне по статусу положено... Будьмо!

Рюмки соприкоснулись.

Далее беседа у нас пошла совсем уж доверительная. Я как бы между прочил поинтересовался насчет стимуляторов в клубе «Азия» — в этой богадельне вообще можно прикупить грамм-другой химического счастья? Закусив икрой, Чингиз отмахнулся — мол, не люблю я это дело, не приветствую, но что поделаешь — бизнес клана. Лично он к торговле дурью отношения не имеет, наркоту курируют деляги с Барабана.

— Ну, чего ты, Край, завел этот разговор? Тебе жить осталось минуты полторы, а ты о гадости всякой! Давай лучше накатим за упокой твоей души.

— Чтоб земля мне была пухом, — согласился я.

Деляги с Барабана, значит? Залив в себя еще водки, я задумался.

Бывший рынок Барабашово — в простонародье Барабан — стал могущественным укрепленным анклавом, в глубинах которого «азиаты» производят различные товары, варят, а также жарят и парят



наркоту, заготавливают человеческие органы и еще один Ронин — главарь клана — знает, чем промышляют. Свои товары «азиаты» экспортируют из города транспортными самолетами. Охраняемые бойцами грузовики курсируют от Барабана к аэропорту. Между анклавом и ПВО договоренность — ракетчики не сбивают самолеты, за что им хорошо отстегивают.

— Ну, всё, Край... — щелкнул предохранитель. Сейчас Чингиз скажет «прощайся с жизнью», а я еще ничего толком не выяснил.

— Как всё? — опередил я его. — Дружище, неужто не осилишь больше? Ослаб, что ли?! А раньше-то богатырь был. Ладно, давай хотя бы по соточки на посошок.

Хмыкнув, он налил еще.

— Что тебе нужно от моего сына? — Я взял со стола рюмку. — Почему на квартиру моей бывшей прислал «африканцев»?

Чингиз правдоподобно сделал «большие глаза» и возмутился:

— Так мальчишка, дебош тут устроивший, твой сын?! В тебя, Край, точно в тебя! На-ка, полюбуйся, — он открыл ноутбук и, запустив видеоролик, развернул экраном ко мне. На экране Патрик дрался с «азиатами», а потом его светлая голова и широкие плечи пропали из зоны покрытия камеры, боевики-«азиаты» кинулись за ним следом. — Вылитый ты, одна рожа с папашкой! Вздумал он залетного защищать. Мои парни заметили чужака с товаром, вот и решили его пристрелить, а сопляк... в смысле твой пацан...



— Ясно, — кивнул я. От выпитого слегка мутило, и я старался не выдать предельного напряжения. — И что с моим сыном дальше стало? Далеко убежал?

Чингизу явно не хотелось со мной это обсуждать, он налил еще по одной.

— Не в курсе я, Край, наркотой не занимаюсь. На Барабане все кончики, Ронин лично всем рулит. Я вообще недавно в городе, не обжился толком.

Про Ронина много чего говорят. Если десятая часть этих слухов — правда, главарь «азиатов» совсем уж мерзкая личность.

Меж тем Чингиз уже конкретно расслабился. До сего момента он с меня глаз не спускал, даже когда пил, а сейчас, привстав, чуть-чуть отвлекся, чтобы вновь наполнить собственную рюмку.

А большего и не надо было.

Мой кулак исключительно по-дружески — а как еще бить однополчанина? — врезался Чингизу в лицо. От удара того швырнуло в кресло. Я тут же подскочил, с трудом, но все же вырвал у него пистолет — а то как бы чего не вышло, еще ранит случайно боевого товарища, то есть меня. После чего — опять же из добрых побуждений — зажал ему нос. Чтобы дышать, Чингизу пришлось открыть рот, в который я влил все, что оставалось в литровой бутылке «Пшеничной», а заодно скормил целую токкури¹ сакэ.

— Без обид, дружище, да? Алкогольное отравление тебе гарантировано. Не меня, а тебя вынесут от-

¹ Токкури — специальный фарфоровый кувшинчик для сакэ с узким горлышком. Может быть 180 или 360 мл объемом.



сюда вперед ногами. Но — ничего личного, сам понимаешь.

Утихомирив Чингиза, я задумчиво уставился на шкаф, из-за дверцы которого доносилось натужное сопение. Милена в курсе, что власть в кабинете сменилась и жаждет обрести свободу.

Выпустить ее или нет? Вот в чем вопрос.

* * *

— Убейте его! — крикнула девица.

Тотчас карлик и одноглазый метнули в Заура ножи, а шестипалый расстался со своим топором. Остальные чуть замешкались.

Глупцы! От пуль палач не увернулся бы, но его особо тренированная после *того случая* реакция — спасибо Учителю и Господу! — позволяла проследить траекторию полета каждой заточенной железяки, перехватить ее и, не порезав пальцев, вернуть владельцу. Грешники не должны мучиться, освобождаясь от грядущих злодеяний и тем самым хоть немного спасая свои души. Все надо делать быстро и качественно.

Палач завалил бандитов их же оружием, они и пикнуть не успели. А тем, кто замешкался, Заур просто свернул шею. Только девицу пощадил пока — не любил убивать со спины. Лишь усевшись на скутер, она увидела, что ее подельники мертвы, да так и застыла с широко раскрытыми глазами. Палач терпеливо ждал: секунда, две... Но она не выказывала агрессивных намерений! Наоборот — ошарашенно



глядя на трупы своих друзей, сползла со скутера и плюхнулась перед Зауром на колени. Куда только делись ее недавняя спесь?..

— Смирение — первый шаг к покаянию и небесам. — Заур осенил крестным знамением ее затылок. Не побрезговал уделить внимание и мертвецам.

По Закону палач имеет право конфисковать одежду и все, что было у грешника в момент казни, но на деле мало кто обирает трупы. И Заур бы до такого не опустился, кабы не суровая необходимость.

Подняв «ингрэм» и повесив на плечо, он обшарил труп «африканца», изъял запасные магазины. Карлику в коляске мотоцикла тоже «калашников» больше не пригодится. Что ж, палач добыл себе оружие. Но где теперь искать Края?

Надо догнать джип. Машина приметная, с нарисованной молнией. Легко, конечно, сказать, но... А разве есть другие варианты?

— Ты не против? — Заур сел на скутер.

Девица затрясла головой, выражая полную покорность.

Ну и отлично. Он завел двухколесный недомотоцикл и уже собрался уехать, как девица, вскочив с колен, метнулась к нему. Испытав что-то вроде легкой жалости, — вновь не сумел увести заблудшую душу из обители зла — он навел на нее АК, палец коснулся спуска.

Но прицельно выстрелить Заур не успел.

Предплечьем девушка отбила оружие в сторону, очередь ушла влево и вверх. После чего блудница вцепилась в руку Заура и затараторила, преданно глядя ему в глаза:



— Я в долгу перед тобой! Ты мог забрать мою жизнь, но не забрал. Я отплачу! Отслужу! Я!..

Кому как не палачу знать, что обещаниям грешников — грош цена?

— Иди с богом, — оттолкнул он девицу.

Только отъехал от дома, как на поле недавнего боя примчалась еще одна банда — на сей раз это были «африканцы». Их легко узнать по забавным хламидам и деревянным маскам. К тому же командовал ими нервный чернокожий, запричитавший над телом бывшего хозяина «ингрэма».

Притормозив в тени трансформаторной будки, Заур решил понаблюдать за «африканцами». Они ведь явились неспроста.

Выведя из дома с десяток полуоголых мужчин и женщин, бандиты устроили допрос: что произошло, кто стрелял, где джип? Получив ответы на свои вопросы, чернокожий главарь банды сделал пару звонков с мобильника и рявкнул своим, что джип видели у юго-западного блокпоста, на границе с «азиатами». После этого банда резво загрузилась в машины и унеслась прочь.

Пристроившись в хвосте колонны, — мол, я с ними — скоренько миновать стражей границ и проследовать за бандой не составило труда. Заура окликнули разок, но он лишь вяло отмахнулся — не до вас, служивые, спешу.

Вместе с «африканцами» палач вновь настиг Края с женушкой у пафосного обиталища разврата под названием «Азия».

Забравшись в небольшую пихтовую рощицу у парковки и сняв АК с предохранителя, он всерьез по-



думывал открыть огонь по закоренелому грешнику Краевому, но уж очень велика была вероятность, что и палача тогда не помилуют, а самоубийцей быть ему принципы не позволяли. Да и есть ему еще ради кого жить.

Когда Края и блондинку-блудницу увели в пагоду, Заур, щелкнув предохранителем и повесив автомат на плечо, сунул руки в карманы. «Африканцы», выражая недовольство выстрелами в воздух, отбыли.

Палач остался.

Он умел ждать.

* * *

— Подонок! — Вырвавшись с моей помощью из заточения, Милена первым делом влепила мне пощечину. — Стоял и смотрел, как надо мной измывались! Сволочь!

Пока она — на всякий случай — приматывала Чингиза к креслу скотчем, найденным в столе, — у нее есть опыт в таких делах — я рыскал по кабинету в поисках потайного выхода. Метался даже, уповая на то, что датчик движения не сработает, окажись я у двери, что это хитрое устройство рассчитано лишь на биометрию Чингиза. Снаружи, в коридоре, наверняка мается в ожидании личная охрана начальничка, и мне очень не хотелось бы приглашать этих бравых парней в кабинет.

Ну где же этот выход запасной, а?!

Под столом нет, под креслом нет, в шкафу тоже. А ведь как-то друг мой разлюбезный сюда поднялся,



опередив нас! Поспешил я накачать его до невменяемости. Надо было сначала допросить! Ну да что уж теперь...

Милена наблюдала за моей суетой, взгромоздившись на стол аки горная птица. Вот только где вы видели пташек, что закидывают лапу на лапу? Причем лапы эти — стройные и от ушей. Ее хитрая улыбка раздражала меня неимоверно. Нет, чтобы помочь... Ей ведь тоже угрожает смертельная опасность!

— Может, оторвешь свой милый задик от столешницы и хоть что-нибудь сделаешь? — прошипел я.

— Как скажешь, дорогой. — Она элегантно спрыгнула на пол, прошла к двери, слегка толкнула ее, дверь начала медленно открываться...

Что она творит?!

Ведь там охрана!

Мои опасения оказались не напрасными.

— Чингиз, бро, чё надо?! — В кабинет с энтузиазмом возбужденного буйвола ворвался здоровенный детина. Эдакий сумоист, севший на диету и безжалостно ее раздавивший. Тот самый «массажист» ягодиц, кстати.

Увидев перед собой отнюдь не бро Чингиза, он осталбенел, чем не преминула воспользоваться моя бывшая — острый мысок ее туфли врезался «азиату» в пах. Пискнув, сумоист осел на пол бесформенной оболочкой, из которой разом выпустили воздух. Я непроизвольно прикрыл свои причиндалы. Кулачок Милены врезался в висок охранника, милосердно лишив его сознания, а заодно и самой-самой муж-



ской боли. После чего моя бывшая супруга — я все еще защищал «достоинство» — повесила на ручку снаружи кусок пластика с надписью «Не беспокоить». Дверь мягко закрылась.

— Ну и зачем? — спросил я, перенимая передовой опыт упаковывания скотчем, которого на охранника пошло вдвое больше, чем на его босса.

— А чтоб не беспокоили. — Милена покачала головой, якобы удивляясь моей тупости.

Проследовав к жалюзи во всю стену, она неспешно сложила створки в сжатую гармошку.

Моему взору открылось здоровенное окно, которое Милена без труда распахнула. В вымороженный кондиционером кабинет ворвались жар вавилонского лета и звуки большого города: рев клаксонов, ругань уличных торговцев, далекая сирена «скорой помощи»... Там, за окном, была свобода, до которой всего-то четыре этажа вниз.

— Давай, Край, за мной. — Милена задрала ногу, каблук ее туфли скользнул по оконной раме, и моя благоверная, ойкнув, выпала из кабинета...

На площадку пожарной лестницы выпала.

Пока я метался в поисках потайного лаза, она нашла иной вариант. Воистину не стоит тратить время на сложные пути.

Тихо-тихо — не считая той ругани, когда я вляпался в голубиный помет — мы спустились на два пролета по ступенькам, сваренным из арматуры и листового металла. Надеюсь, табличка «Не беспокоить!» даст нам фору, и клубные «азиаты» не ринутся в погоню и не поднимут весь свой клан по тревоге, пока я не окажусь в самом их логове — на Ба-



рабане. Хочу попасть на аудиенцию к Ронину. Нам есть что обсудить...

Обнаружив, что последние два пролета лестницы отсутствуют, я не удивился. Привык уже, что тропу моей жизни судьба устилает вовсе не красными ковровыми дорожками, но битым стеклом, минами и рвами.

Пришлось прыгать. Асфальт больно приложил по стопам. Неужто сломал лодыжку? Но нет, все обошлось. Не утратив способности передвигаться, я так возрадовался, что забыл про Милену, все еще пребывающую наверху, — пригнувшись, побежал прочь от задворков клуба «Азия». Лишь ее обещание поднять крик заставило меня вернуться. Тяжесть тела, упавшего в мои объятья, едва не оборвала мне руки.

— Край, отпусти меня. Край, я сказала....

Пожалуй, я действительно замешкался с тем, чтобы поставить Милену на асфальт — метров двадцать ее пронес, попутно вырубив двух охранников, метнувшихся к нам от парковки. Это все из-за выпивки, не иначе. Рефлексы притупляются, память сбогтит, и кажется, что все в порядке, и вообще — любовь-морковь. Я мотнул головой. К черту половые чувства! Надо Патрика отыскать.

Уже через минуту мы затесались в толпу, несмотря на поздний час текшую вдоль широкой проезжей части. Как известно, Вавилон никогда не спит. Чтобы поймать рикшу или такси, выбрались к самой дороге.

— Любимая, у тебя как с наличностью? Понимаешь, у меня все деньги в банке...



Милена криво улыбнулась с намеком, что да, очень даже понимает, и ладно уж, кинет подачку нищеброду. Я только собрался рассказать ей о глобальном экономическом кризисе и намекнуть, что деньги вообще-то даю ей я, но все слова застряли у меня в глотке — по улице к нам катила кавалькада мотоциклов. Десятки разнообразных машин: от мощных чопперов, на которых разместили свои пивные животы солидные бородатые дядьки, до кроссовых уродцев и скутеров, управляемых молодежью в шлемах-«горшках». Эти детишки еще не познали прелести бритья и только-только отведали байкерского чая — смеси из дорожной грязи, мочи и машинного масла. Именно таким напитком привечали новичков в той банде, с которой у меня когда-то были дела-делишки.

Как бы ничего особенного — ну мотоциклисты, и что? Мало ли в Вавилоне разного отребья? Много. Вот только на куртках тех ублюдков, что к нам мчались, было вышито: «*Angels of Zone*».

Так гордо величают себя парни из мотобанды Рыбачки Сони, моего старинного врага.

* * *

Палач едва не прозевал Краевого и его блудницу, тайком покинувших дом разврата.

Его отвлек звонок из больницы. Визгливый голос потребовал оплатить счета до конца недели, иначе... Палач вырубил планшет, прервав монолог, состоящий из угроз, на полуслове, и вскинул автомат.



Опоздал. Парочка — оба юркие, как змеи! — прокочив через пихтовые заросли в каких-то метрах от Заура, успела слиться с толпой.

Он едва не нажал на спуск, в последний момент заставив себя этого не делать. От напряжения глаза заволокло багровой пеленой. Его тряслось. Правосудие едва не свершилось. Правосудие, о котором он мечтал столько лет... И все же чувство долга взяло верх, не дав открыть огонь. Ведь был риск зацепить мирное население, предлагавшее вкусную шаурму, теплые носки, погадать по ладони и просто топающее по своим делам.

— Они все грешники. Грешники! Надо было стрелять!.. — Заур провел ладонью по черепу. Обычно это успокаивало его. Но не сейчас. Слишком уж близко он подобрался к человеку, — нелюдю! — которого искал много лет.

Сунув АК под плащ, — «ингрэм» приятно оттягивал карман — он метнулся в погоню. Кого-то толкнул, кто-то врезался в него, сзади раздался злой окрик... Заур не обращал на это внимания. Не отрывая взгляда от Края и его пассии, он ввинчивался в толпу.

И вот они рядом, доплюнуть можно, если сильно постараться. Стоят у самого бордюра, будто собирались ловить такси. А вот этого не надо, уехать им плач не позволит... Что-то неуловимо изменилось в их позах, будто они заметили опасность. Неужто засекли Заура?

Послышался рокот моторов — это на улицу, стремительно приближаясь, вырулила банда байкеров.

Самое время выхватить из кармана импортный пистолет-пулемет, а «калаш» — из-под плаща, и



разрядить сразу два магазина в Макса Края. И ничего, что Заур терпеть не может стрелять в спину, и пусть он наверняка уложит заодно жену преступника!.. На миг его взгляд остановился на блондинке. Она — самая развратная, но и самая прекрасная женщина на свете. Он это понял, когда впервые увидел ее волнующую, сбивающую с толку красоту.

Воистину сам дьявол искушал Заура, заставляя смотреть на эту блудницу. Палач ведь мог прямо сейчас узаконить Края, но медлил, медлил!.. Почему он медлил?!

Чтобы справиться с собой, отринуть искус, Заур сделал шаг перед. Чтобы наверняка, чтобы в упор! Еще шаг...

Сейчас он убьет Края.

Глава 4

КАМИКАДЗЕ

Вместо толпы — вакуум: воздуха и людей вокруг нас как-то разом не стало.

Мотоциклы все ближе, а мы открыты, на самом виду, и никого рядом.

Впереди колонны — главарь «Ангелов». Одной рукой он держал руль своего мощного матово-черного железного коня, а другую вместе с зажатой в ней армейской флягой то и дело подносил ко рту. Готов побиться об заклад, во фляге «Хиросима» — фирменная перцовка мотобанды.



Мерзкая рожа завсегдатая злачных заведений Гордея Юрьева не стала симпатичнее с тех пор, как я виделся с ним в последний раз. Его обросшее жиром тело стало еще больше, еще мясистей. Из-за вечной и непримиримой битвы с трезвостью и собственной печенью — последнюю он, похоже, люто ненавидел — свернутый набок нос Гордея приобрел уже не красный и даже не вишневый, но глубоко фиолетовый цвет.

Я с удовольствием встретил бы байкеров не хлебом-солью, но парой пуль между глаз из «глока», любезно подаренного мне Чингизом. Стрелять первым — самое то, если поблизости Рыбачка Соня, как прозвали главаря «Ангелов». Да, прозвище у Юрьева несерьезное и даже подозрительное. Но я повидал немало народу, распятого у перекрестков за то, что они сочли его забавным.

— Ангелы! Ангелы летят! Разбегайтесь, суки! — заверещала молодежь в хвосте мотоколонны.

Не раздумывая, просто подчинившись инстинкту самосохранения, я дернул Милену к себе, обнял ее и впился губами в полкило алой помады. Когда только намазьюкаться успела, ее ж «африканцы» буквально из постели вынули?..

Глаза моей бывшей округлились, она дернулась раз, другой, но не тут-то было — держал я крепко, не давая возможности приласкать меня коленом в пах, что она сразу же, конечно, попыталась сделать. А пару секунд спустя она расслабилась и, зажмутившись, ответила на жалкое подобие моего поцелуя. Вот тут настал черед Максимки Краевого вырываться из объятий фурии — она обхватила



меня, точно смирительная рубашка буйно помешанного!..

— Максим, что это было? — Наконец Милена разрешила мне вдохнуть немного воздуха.

Глаза ее при этом томно блестели.

Не «Край», не «лузер», не «сволочь бесхребетная», а Максим. От этой нежности меня передернуло.

— Маскировка, — честно ответил я, понимая, чем мне это грозит. — Мимо проехал враг, я не хотел, чтобы нас узнали.

И тут же на моей щеке отпечаталась ее пятерня.

— Вот это правильно, вот это по-нашему. — Глядя вслед мотоциклистам, я потер лицо. — А то я подумал, что ты до сих пор пылаешь ко мне страстью.

От следующей пощечины я увернулся.

— Ты знала, что в город перебралась банда Рыбачки? — Моя супруга обычно в курсе последних вавилонских сплетен, не хуже любой местной бабульки, целыми днями просиживающей на лавочке у подъезда.

— Что, Край, наследил по жизни, да? — Милена презрительно скривилась. — Друзей нет, лузер ты несчастный, одни враги?

Значит, знала, но мне не сказала. Иного от бывшей супруги и не стоило ожидать. Как была стервой, так и... Глобальная ошибка моей молодости. И что я в ней нашел?..

Только Гордея со товарищи мне сейчас не хватало. У нас с ним старые счеты. Он — точно призрак, явившийся из моей прежней жизни, чтобы потребовать давно забытый долгок. Из той самой жизни, о которой я все пытаюсь забыть, и которая никак ме-



ня не отпускает. Сначала Чингиз, теперь Рыбачка... Такое впечатление, что судьба настойчиво обкладывает меня со всех сторон врагами.

Или дело вовсе не в судьбе?

Как бы то ни было, интуиция подсказывала мне, что Рыбачке и мне будет тесно в одном городе, кому-то придется уйти. Точнее — уехать на своем двухколесном дырчике.

— Любимая, а что у тебя за телефон? Красивый, наверное? Покажи-ка.

Внезапная смена темы насторожила Милену, а мои искренняя улыбка и слашавый тон подействовали на нее, точно удар кнутом по заднице.

— Зачем это?

— Да так, любимая, думал тебе новую модель купить, а не знаю, что у тебя за труба.

Она неуверенно протянула мне телефон, который я тут же, хорошенько размахнувшись, разбил об асфальт: корпус вдребезги, микросхемы ремонту не подлежат.

— Совсем с ума сошел, — печально констатировала Милена, когда со своим мобильником я поступил аналогично.

— Только тебя увидел впервые — и сразу рехнулся, — я подтвердил ее наихудшие подозрения. — Но лечусь помаленьку. И тебе рекомендую к доктору сходить. Но потом. А сейчас тебе надо спрятаться. Лучше бы в каком-нибудь дешевом мотеле со шлюхами, там ты запросто сойдешь за свою.

Милена одарила меня леденящим взглядом.

— Любимая, очень прошу: купи новый смартфон и телефонную карточку, но никому из знаком-



мых не звони, и вообще ни с кем на связь не выходи. Забейся в номер и носа оттуда не высовывай. Жратву заказывай по Инету. Свои новые координаты скинешь мне вот на это мыло. — Я по буквам и цифрам продиктовал ей только что выдуманный адрес, надеясь, что такое беспорядочное сочетание символов еще никем не занято. — Запомнила?

Моя бывшая посмотрела на меня очень-очень серьезно и кивнула:

— Да пошел ты!

Прозвучало неуверенно, без привычной искренности.

— Любимая, ты понимаешь, что меня ищут не только «азиаты» с «африканцами», но и Рыбачка?! Гордей сюда приехал не на пикник! И не пивком они хотят угостить Максимку Краевого при встрече. «Ангелы» сами пополам порвутся и всех вокруг порвут, чтобы меня найти. Телефоны, люди, имейлы — все будет известно очень скоро. Если не уже. Эти парни — не Интерпол, который ищет меня уже столько лет. И если ты попадешь к ним в лапы, то... Мысль ясна?

Судя по тому, как изменился цвет лица под многими слоями тонального крема и пудры, ее извилины сумели-таки оценить степень опасности. Хотя я, конечно, погорячился, почти что назвав содержимое черепа Милены мозгом.

Почувствовав, что за мной следят, я резко обернулся.

Толпа. Тысячи лиц, вдвое больше глаз. К остановке в считанных шагах от нас подкатил троллейбус,



маршрут которого проходит мимо аэропорта. Чуть левее торговец шаурмой, на бедре которого болтался в кобуре здоровенный револьвер, громко расхваливал свой благоухающий специями товар. Где-то вдалеке стреляли. Какой-то лысый очкарик с отрешенным видом пялился на Милену. Все как всегда, ничего особенного.

Я крепко зажмурился и вновь открыл глаза. Может, глюки уже от усталости? Побегал, пострелял, вот напряжение и сказывается?..

— Любимая, я сам тебя найду.

Неожиданно сорвавшись с места, я успел впрыгнуть в троллейбус за миг до того, как двери закрылись.

* * *

Ладонь, сжимающая в кармане «ингрэм», взмокла.

Заур зашел грешнику Краевому со спины. Он в любой момент мог его узаконить.

Но из-за женщины, этой дьяволицы, которая смущала своей адской красотой, палач замешкался, и Край улизнул за секунду до того, как ствол автомата уткнулся бы ему в бок и продырявил почки с печенью. Стрелять с риском попасть в автомобили, проезжающие мимо, Заур не считал возможным. Пусть каждый житель в Вавилоне из-за одной прописки уже является преступником, но все-таки...

— Чего уставился, урод?! — рявкнула на него белокурая дьяволица и, виляя бедрами, двинула прочь.



Заур осенил крестным знамением ее спину, осиную талию и упругие ягодицы. Затем, крепко зажмурившись, он пообещал себе помолиться за ее грехи, как только появится свободная минутка, и рванул обратно к скутеру, спрятанному в рощице пихт у стоянки.

Во что бы то ни стало, — пусть даже из-за меня случится ДТП! — нельзя упускать из виду троллейбус, на котором уехал Край, думал Заур, выжимая максимум из четырехтактного движка.

Многие коллеги-палачи терпеть не могут, когда их называют палачами. В официальных документах их профессия обозначена как «народные мстители». Новостные сайты правительства пестрят заголовками вроде этого: «Вчера народный мститель Иванов казнил троих расхитителей государственной собственности». На частных сайтах все иначе: не мстители, но наймиты Рады, кровососы, вурдалаки, маньяки... Плевать! Заура никогда не волновало то, что о нем думают. Он — палач, и этим все сказано.

— Давай же, давай!.. — уговаривал он скутер ехать быстрее.

Впереди по улице топали верблюды. Их сопровождали мужчины в халатах и тюрбанах. Справа на проезжую часть, чуть ли не бросаясь под колеса, выбегали босые китайцы, обвешанные от темечка до пят дешевыми электронными часами, никогда не показывающими правильное время, пластмассовыми будильниками, которые не будят, и прочей бесполезной ерундой, достойной отправиться на свалку сразу с конвейера.

Вся страна давно уже — один большой рынок, где все только тем и заняты, что продают друг дружке



всякую хрень или же воруют эту хрень, или же ловят тех, кто ворует.

Троллейбус остановился, дверь открылась. Заур сунул руку в карман, где лежал компактный пистолет-пулемет. Край сейчас выйдет и...

Край не вышел, троллейбус покатил дальше.

Скутер рванул следом. Внезапно перед ним выросла обнаженная по пояс мускулистая фигура, лепечущая что-то на родном наречии. Совсем свежий иммигрант, не выучил еще язык... Заур едва успел вывернуться, а то так бы и сбил идиота, только выбравшегося из пампасов.

Высокая смертность среди мужчин репродуктивного возраста — вот почему страну открыли для всех желающих. Обитатели третьего мира, где жить стало невозможно из-за бесконечных войн, активно хлынули в Украину, превратив ее в мультикультурный бедлам. Мало кто из приезжих вникал в особенности местного законодательства, и потому для большинства новых украинцев стало неожиданностью то, что за гражданство им вменялось отслужить в войсках быстрого реагирования. Но даже это не остановило поток приезжих, мечтающих о мире хотя бы для своих детей, жен и матерей.

Скутер промчался мимо указателя «АЕРОПОРТ». Знакомое место. Край что, собрался улететь из города? Похоже, Заур угадал. На следующей остановке, рядом с которой большая заправка, грешник, одетый в армейскую куртку и пятнистые штаны, мягко спрыгнул с подножки на асфальт. Двигался он пружинисто, легко, точно хищник, в любой момент готовый атаковать и защищаться.



Не сбавляя скорости, Заур потянулся за АК, спрятанным под плащом.

Расстояние между ним и Краем стремительно сокращалось.

Впереди послышался рев десятков мощных клаксонов. По дороге, извещая о своем приближении, прямо на палача двигалась колонна грузовиков. В этом городе что, все только так и ездят — сбившись в стаю?..

«Всем транспортным средствам прижаться к обочине! Прижаться, мать вашу!» — заглушая рев двигателей, ругался мегафон на крыше первой машины.

* * *

Я запрыгнул в прокуренный полупустой троллейбус импульсивно, доверившись интуиции.

И она, родимая, не подвела. Уже плюхнувшись на обитое дерматином свободное место, я понял, что рефлексы сработали быстрее мозгов.

Есть задача: найти Патрика. А для этого надо встретиться с Ронином. Хватит распыляться на общение с «шестерками» вроде Чингиза. А Ронин и носу не кажет за пределы Барабана, с той территории анклава, что закрыта для чужаков. Да и не всякого «азиата» пустят в производственные цеха и к усадьбе начальства. Система охраны там не детская: не только «колючка» под током, но и танки, гранатометы, снайперы на крышах, а небо над бывшим рынком круглосуточно патрулируют вертолеты. «Ази-



ты» — самый могущественный клан не только Вавилона, но и всей страны.

Чтобы проникнуть на Барабан, надо быть своим. Или хотя бы сойти за своего.

Вот поэтому я, еще сам того не осознавая, решил закосить под «азиата», имеющего доступ в запретную зону. Как это сделать? А очень непросто. Намекну: товары, произведенные на Барабане (в том числе и наркоту), надо сбывать. Местный рынок перенасыщен. И потому товары вывозят на грузовиках и, с ветерком прокатив ящики по городу, забивают ими транспортные самолеты по самую кабину. После чего авиация доставит их потребителям в других городах. В этой цепочке есть одно интересное мне звено — грузовики. Машины, которые постоянно курсируют между Барабаном и взлетно-посадочной полосой. Если маршрут по городу и схема отгрузки с Барабана может меняться, то одна точка всегда остается там, где была вчера и будет завтра — аэропорт.

А троллейбус, в который я запрыгнул, как раз должен проследовать мимо аэропорта.

Раздумывая над всем этим, я едва не пропустил нужную остановку.

— Эй, командир, попридержи-ка лошадку! — крикнул я водителю, наряженному в бронежилет, когда двери уже почти закрылись.

Я протиснулся наружу в последний момент и услышал, а потом увидел колонну грузовиков, мчавшую обратно на Барабан. Убираясь с пути каравана, рикши и авто прижимались к обочине. Троллейбус, на котором я сюда добрался, тоже недалеко уехал от остановки.



Вряд ли на обратном пути пустые машины сопровождает охрана. Да и водители наверняка на расслабоне... Я потянулся за пистолетом — и отдернул руку. Не стоит глупить, требуя остановиться. Во-первых, меня просто измолотят в фарш ответным огнем — уверен, в машинах полно оружия, и какими бы беспечными ни были водилы, они умеют не только барабанку крутить, но и стрелять. Во-вторых, нельзя привлекать к себе внимание. Моя задача — незаметно пробраться в святая святых клана «Азия». А раз так, то...

Что мне делать, а?

Придумать новый план? Проникнуть в торговый сектор Барабана обычным покупателем? В сопровождение мне дадут гида-соглядатая, и не факт, что я смогу без шума от него избавиться и свинтить, куда нужно... Толкнув меня в грудь воздушной волной, мимо пронеслось здоровенное нечто с задранными вертикально выхлопными трубами и тентованым прицепом на трех мостах. Грузовик-гибрид. Силовая установка — дизель плюс электромотор, которые работают, если надо, заодно и порознь.

Отслужившие в Азии парни понимают толк в экологии, не понаслышке знают о смоге и отправленных промышленностью воде и земле. Экономический прорыв дорого обошелся мировым производителям всего и вся. Так что на родине ветераны-«азиаты» стараются по максимуму сократить выброс углекислого и угарного газа, оксидов азота и прочей дряни. Экономия топлива тоже момент немаловажный. Потому грузовики и идут колонной, чтобы снизить затраты, — в том числе на топливо. Сопротивление воз-



духа для второго грузовика в строю на треть меньше, а для следующего условия еще комфортнее. Если что, круиз-контроль вмиг среагирует на любые маневры впереди идущей машины, автоматически заставив сбросить скорость или наоборот — поддать газку.

У «азиатов» вообще все четко. Все спланировано и продумано.

Мимо проносились грузовики, украшенные аэро-графией, а я гадал, как попасть в кабину одного из них. Вот, к примеру, этого, с драконом, ощерившим клыки под зеркалом заднего вида на двери. Или следующего, с самураем и ниндзя, скрестившим мечи под лобовым стеклом.

Караван хоть и быстро, но все же величаво следовал мимо. И ни один «азиат» пока что не притормозил, открыв дверцу кабины и тем сам пригласив меня в вояж на своей крутой тачке.

Честное слово, я уже собирался под колеса броситься — несчастный случай сымитировать, а потом уж действовать по обстоятельствам. Вряд ли это закончилось бы для меня чем-то хорошим, но я пятой точкой чувствовал, что времени у меня в обрез, второй попытки судьба не даст.

Набрав в легкие побольше воздуха, — кто знает, быть может, это мой последних вздох? — я шагнул на проезжую часть.

Моя нога еще не успела коснуться дорожного покрытия, когда грузовик, сплошь размалеванный улыбчивыми гейшами, покинул строй, совершив на скорости умопомрачительный крен. Как он вместе с прицепом не перевернулся — загадка. За рулем то ли профи экстра-класса, то ли камикадзе.



Оглушенный ревом клаксона, я отпрыгнул обратно под навес остановки — меня едва не снесло бампером шального грузовика.

Водила устремил свою многотонную игрушку к заправке. И то ли тормоз отказал, то ли не умел камикадзе на него жать, но на повороте тачка вместе с довеском только чудом не завалилась на бок.

Караван не стал ее дожидаться, проследовал себе дальше. Тотчас от обочины отлепились десятки, если не сотни машин. Троллейбус продолжил свой путь.

Едва не попав под минивэн, потом под выехавший с заправки кабриолет с гогочущей молодежью, я кинулся в погоню за грузовиком. Запоздало среагировав на мой маневр, смешливый парень, катающий девчонок на тачке без крыши, выскочив на главную, умудрился заглохнуть так, что перегородил своим «тазом» дорогу. Вмиг образовалась пробка, на все голоса распелись клаксоны.

Действовать надо не только быстро, но и осторожно. Водитель грузовика, судя по выкрутасам, еще тот сорвиголова.

Заправка все ближе — причудливо изогнутый массив бетона, черное стекло и алюминий — хозяин не чужд архитектурных изысков. Я пробежал мимо стенда с ценами на топливо, водруженного посреди газона, засаженного декоративным портулаком.

Грузовик подрулил к одной из пяти раздаточных колонок. Остальные четыре были заняты.

Кабина грузовика наверняка бронирована, прикинулся я. На тент сзади и по бортам установлены об-



зорные видеокамеры, чтобы водила видел всё на триста шестьдесят градусов — вокруг грузовика, над ним и под днищем. Ну и как пробраться внутрь? Вот уж задача не из легких... А ведь надо еще провернуть все незаметно для окружающих, а тут машин куча, заправщики — молодые пацаны — курсируют туда-сюда...

Может, просто побеседовать с экипажем машины боевой? Изложить суть проблемы: все мы люди и должны помогать друг другу. Мою ситуацию поймут, проникнутся... Ага, щаз!

Просигналив, меня обогнала маршрутка без пассажиров, громыхающая отборнейшим шансоном. Она втиснулась под бетонную крышу заправки так, что отсекла меня и грузовик от потенциальных зрителей — мужчин в оранжевых жилетах дорожных рабочих, попивавших отнюдь не минералку у небольшого магазинчика. Неодобрительно покосившись, маршрутчик цокнул языком. Демонстративно поставив свою колымагу на сигнализацию, он потопал договариваться насчет залить в бак горючки, а в рот — пивка.

Пока что все складывалось донельзя удачно, но я не спешил радоваться — интуиция подсказывала, что то ли еще будет. Плохая примета, когда сама судьба тебе помогает. Значит, скоро жди подножки или тычка в спину. Да и как попасть кабину, я не знал, а еще подташнивало после выпитого в гостях у Чингиза. Эх, сейчас бы добавить, чтобы прочистило мозги!.. Без ста грамм не разберешься, как говорится. Выпить... Точно! Идея пришла мне в голову сама собой.



Заметно покачиваясь, я подошел к грузовику, расстегнул молнию на ширинке и, мурлыча песенку, пустил струю прямо на колесо.

С легким хлопком разгерметизировалась дверца, чуть приоткрылась. Осторожный водила не спешил высовываться, но злобно прошипел что-то не по-русски — наверняка потребовал, чтобы я убрался прочь от его тачки, или мне конкретно не поздоровится. Неужто этот «азиат» настоящий азиат? В общем, такое не редкость, но...

— Да пошел ты, обезьяна узкоглазая! — Напор струи усилился. Это было нетрудно — за всеми треволнениями, стрельбой и беготней я как-то позабыл, что давно пора слить «дренаж».

Наконец водила не выдержал и, распахнув дверцу, выпрыгнул из кабины. Он явно рассчитывал обрушиться сверху на наглого пьянчужку, но пьянчужка — то есть я — оказался неожиданно шустрым.

И все же чертов китаец задал мне трепку. Был ли он мастером ушу или просто много фильмов с Джеки Чаном посмотрел, но его удар кулаком в солнечное сплетение едва не вышиб из меня дух. На ногах я устоял только потому, что, падая, ухватился за топливораздаточную колонку. Удачно ухватился — за пистолет колонки. «Глок»-то доставать смысла не было, китаец мне нужен живым и хоть чуточку здоровым, так что пришлось воспользоваться подручными средствами.

Короче говоря, после небольшой возни со взаимным мордобитием я засунул бензиновый пистолет китайцу в рот и вежливо поинтересовался, есть ли у



него, обезьяны узкоглазой, доступ на закрытые площадки Барабана?

Насчет обезьяны — я вовсе не нацик, мне пофиг раса и прочее в том же духе. Люди делятся на тех, кто мне безразличен, и тех, от кого мне что-то надо. Китаец относился ко второй категории. Чтобы разговаривать, надо вывести его из себя, для чего лучше нет глупых оскорблений.

В ответ китаец — холоднокровная сволочь, не повелся! — чуть ли не слезно залепетал, что не понимает, русского не знает.

Пара ударов в корпус — именно так я преподаю язык Пушкина и Толстого, если очень просят. А китаец ну просто умолял! Я выбил ему зуб и едва не сломал челюсть, провернув во рту топливный пистолет, а потом пригрозил напоить его, мартышку голожопую, первосортным дизтопливом. Только после этого он запел на великом могучем так, что куда там Александру Сергеевичу со Львом Николаевичем. Доступ на Барабан у него таки был.

Все элементарно, и потому система защиты Барабана самая эффективная: специальные чипы вшиты в форму бойцов клана, которым разрешено сносить туда-обратно через ворота и заслоны, ничего и никому не предъявляя, не тратя на это время. Хай-тек, ёлы! Система фиксирует время прибытия и убытия, где боец был и что делал.

Иначе никак не проникнуть в святая святых, любого чужака тотчас вычислят, будь он хоть трижды корейцем или вьетнамцем.

Глядя на мое скисшее лицо, водила довольно осклабился.



Послышался писк сигнализации — значит, маршрутчик вот-вот вернется.

Хорошенько вломив китайцу в череп, я вырубил его и зашвырнул в кабину. Сам шмыгнул следом и уж было заперся внутри, как услышал:

— Эй, браток, деньги в канторе вашей хорошие платят? Спецы нужны?

Меня и маршрутчика, улыбавшегося железными фиксами, разделяло тонированное стекло грузовика. Маршрутчик не видел лицо собеседника.

— Твоя мая не панимай, — ляпнул я первое, что подвернулось на язык.

— Развелось вас, гадов! — Любитель шансона сделал музыку погромче, внутри его колымаги что-то натужно заскрипело, и, стравив черное облако выхлопа, маршрутка сорвалась с места.

Я же принялся разоблачать китайского камикадзе..

С куда большим удовольствием я проделал бы те же манипуляции с блондинкой или брюнеткой, оставленными в клубе «Янтарь». А то и с обеими сразу. Но альтернативы у меня нынче не было: китайцу быть раздетым. То есть полностью, до «в чем мать родила». Мало того — пора обнажиться самому.

Не подумайте, Макс Край не сошел с ума и не сменил ориентацию. Обнаженные прелести уроженца Поднебесной меня вовсе не привлекли. Просто...

Черт! Я никогда не был особо уж брезгливым, но надевать чужое нижнее белье и носки — это слишком.

Увы, на борьбе с брезгливостью проблемы не закончились. Китаец был... хм, несколько мельче меня размерами. Я бы даже сказал — значительно мель-



че. Я едва натянул на себя его футболку, молясь, чтобы она не треснула на мне — мало ли, вдруг это повредит чип? Да и рукава форменной куртки заканчивались примерно на середине предплечья. В кроссовки я влез лишь расшнуровав их — шнурки сунул в карман штанов — и поджав пальцы. Надо ли говорить, что брюки мне тоже были несколько коротковаты? Плодят же карликов...

Надев кепку на темечко, я сел за руль. Сейчас силовая установка как взревет! Только проверну ключ...

Но силовая установка не взревела.

* * *

Заур провел ладонью по лысому черепу.

Из-за грузовиков пришлось прижаться к обочине.

Эти mastodonты промчались мимо, точно за ними гнался саблезубый тигр. Один откололся от стада, свернулся к заправке, похожей на развалины панельной высотки, в которую угодила бомба. И тотчас Край зарысил следом, рискуя угодить под колеса выезжающего с заправки транспорта. Совпадение? Вряд ли закоренелый грешник пер бы на рожон от делать нечего.

Палач вновь завел скутер.

...И очутился в аду.

Крещатик горел. Впереди, прочертив дымную полосу, в грязно-желтый «богданчик» врезался выстрел от РПГ. Вспыхнуло, брызнуло в стороны огнем, осколками стекла, разодранными в клочья металлом



и телами пассажиров. Взрыву эхом вторил грохот автоматных очередей. Подбросило в воздух загоревшееся авто слева — только что это была синяя «Таврия», а сейчас уже кувыркающееся метрах в пяти над асфальтом бесформенное огненное нечто. И вновь взрыв, и опять... И кто-то кричит рядом от страха, и с запозданием приходит понимание, что это он, Заур, орет что есть мочи. Он умоляет, чтобы его выпустили, вытащили, ведь его зажало между задним сидением и передним, ногу придавило, больно, и руку, и машина горит, жарко, нестерпимо жарко, вспыхивают волосы на голове...

Заур провел ладонью по давно уже лысому черепу. Обычно это помогает успокоиться, прийти в себя.

Но не сейчас.

Он все еще там, посреди пылающего Крещатика, до окончания Всеобщей Войны Банд полтора года. И какие-то ублюдки взорвали с полсотни машин, чтобы перекрыть дорогу враждебной группировке...

Заур верещит от боли, он — тот он, он тогда — не умеет контролировать боль, еще не научился ее заговаривать, заставляя убраться из тела и души. И потому ему жутко больно, он горит, одежда на нем горит. Нога и рука застяли, сломаны, острые края костей торчат из плоти... В аптечке есть скальпель, Заур это точно знает, и он тянется к аптечке, чтобы...

— Боже, не дай мне сойти с ума! — шепчет Заур нынешний.

Рука его рыщет в кармане плаща. Знак. Ему нужен Знак. Щит с надписью «Закон суворий, але це закон» и выпуклым изображением деревянной коло-



ды и человека в колпаке с прорезями для глаз поможет ему прийти в себя.

Но вместо Знака пальцы выуживают из кармана часы. «Bregguett» — вот что набито на циферблате. Их Заур конфисковал у странного мальца в подвале, еще в Киеве. Надо сдать в хранилище вещдоков по возвращении...

Палач окончательно вынырнул из прошлого. Под ним трофеейный скутер цвета лайма, в руках — дорогие часы. Он уже почти что надел их на себя, они будто просили его это сделать. С часами определенно что-то не так, какая-то чертовщина. Не мог палач на себя нацепить чужую вещь, это же искус, это воровство по сути!.. Размахнувшись, Заур собрался забросить эти «Bregguett» подальше, и взгляд его мазнул по опустевшей заправке. Грузовика нет, Края нет...

Он сам не заметил, как сунул часы обратно в карман.

Скутер молнией сорвался с места.

Надо догнать грузовик, наверняка Край в нем.

* * *

Я провернул ключ в замке зажигания — и никакого рева. Все заработало в меру тихо и очень пристойно, благодаря электромотору грузовика.

И все же не отличиться я не мог.

Из «развалин» заправки выскоцил служивый в униформе и, размахивая руками, что-то проорал вслед захваченному мной грузовику-гибриду, кото-



рый так резво сорвался с места, что оставил на асфальте две черные полосы. Нужно догнать колонну и пристроиться к ней, чтобы не привлекать внимания при въезде на территорию Барабана.

Китаец на сиденье рядом захотел очнуться — я вновь отправил его в мир грез ударом в чернявую голову.

Меж тем ситуация на дороге оставляла желать лучшего.

Угодить под колеса азиатского каравана желающих не нашлось. Но только проследовала колонна — многочисленные тачки, рикши, мотоциклы и прочие отлипли от обочины и вырулили на проезжую часть, создав плотный поток, вот-вот грозящий превратиться в пробку. Застрять в этом болоте из колес, кузовов и дерматиновой обивки кресел мне не улыбалось, и потому я вел грузовик, опасно маневрируя, пытаясь выжать из неповоротливой машины все что можно и нельзя. Скрежет тормозов, разъяренный клекот клаксонов — я прорвался перед бамперами у десятка тачек, рванувших на свой свет на перекрестке.

Нарушая правила, за грузовиком метнулся скутер цвета спелого лайма. За рулем скутера сидел тот самый странный тип, что плялся на Милену перед тем, как я сел в троллейбус. Лысая голова, очки, плащ. Колоритно выглядит товарищ, один раз увидишь — не забудешь.

Значит, не показалось. За мной таки следят.

Но кто этот тип и зачем я ему? Был бы «африканцем» или «азиатом», грузовик уже тормознули бы, а меня нашпиговали пулями, как шпикачки —



сыром... Плохая примета, когда за вами «хвост», которого быть не должно. А вот примета вообще хуже некуда: жди неприятностей, если «хвост» вдруг достает из-под плаща автомат и начинает стрелять по колесам грузовика, который мчит по проспекту с-solidной скоростью.

— Ах ты ж!.. — Ткнув кнопку на дверце, я приспустил тонированное бронестекло. На миг мой взгляд встретился с глазами лысого. В его взгляде было столько ярости, что мне стало не по себе. Этот человек ненавидел меня люто, непримиримо.

Еще одна очередь из «калаша» — лысый уверенно держал его одной рукой — прошла над крышей кабины. Высунув наружу руку с пистолетом, я пару раз бахнул в ответ. Расстояние-то всего ничего, но попасть в верткий скутер на ходу не так-то просто, если при этом управляешь грузовиком.

Зато автоматные очереди — лысый изменил тактику, не метил больше в меня — раз за разом врезались в колеса гибрида. При каждом таком попадании грузовик бросало в сторону, только и успевай выравнивать, пока не вылетел на тротуар или не врезался в кого. Гибрид все еще был на ходу только потому, что колеса у него заполнены специальным составом, который используется вояками в бронетранспортерах — дыры в камере тут же затягиваются вязкой химией, а потеря воздуха компенсируется насосами. Правда, такой саморемонт не может продолжаться вечно. Либо у типа на скутере закончатся патроны, либо колеса придут в полную негодность.

Грузовик опять повело, я едва не сшиб прицепом рикшу.



Впереди уже виднелся хвост каравана. И впору обрадоваться, — догнал ведь! — но если кто из водил «азиатов» заметит перестрелку, то либо поспешит на помощь, либо передаст своим, что сзади проблемы.

И тогда моим планам настанет конец.

* * *

Не иначе сам дьявол помогал грешнику Краю.

Выпущенные из «калашникова» очереди дырявили колеса так, что протектор отлетал кусками, но грузовик продолжал мчаться вперед!

Впрочем, Заура тоже хранили потусторонние силы — правда, иного происхождения: пули из пистолета Края свистели в миллиметрах от лысины палача.

В автомате закончились патроны. На ходу уронив его на дорогу, Заур выхватил из кармана «ингрэм» и продолжил вести огонь.

Караван все ближе, притормаживает, потому что впереди крутой поворот, в который грузовикам с прицепами не вписаться на полном ходу. Краевому — он больше не стреляет, занят управлением — тоже пришлось сбросить скорость. То, что нужно. Скутер поравнялся с кабиной грузовика, разрисованной дерущимися мечниками. Стоит только грешнику высунуться, и Заур всадит ему очередь в голову.

И Край высунулся-таки — вместе с пистолетом в руке.

Палач и грешник одновременно нажали на спуск. Вот только пистолет рецидивиста заклинило.



А в «ингрэме» палача перекосило патрон. На ходу никак не поправить!

В сердцах Заур швырнул бесполезное оружие в Края, но не попал — «ингрэм» ударился в стекло и, отскочив от подножки, свалился под колеса грузовика. И все же этот жест отчаяния заставил грешника понервничать — он рефлекторно всем телом уклонился от летящего в него куска железа. Вместе с рулем уклонился — и грузовик едва не выехал на тротуар. Колеса подпрыгнули на бордюре, бампер сшиб с десяток жестяных ваз, выставленных вдоль дороги, — ромашки и розы вместе с гвоздиками и тюльпанами взмыли в воздух, прежде чем Край сумел вернуть тяжелую машину на проезжую часть. Хозяин цветов — усатый торговец-кавказец — остался позади размахивать руками и ругаться. Заур же максимально приблизил скутер к кабине в тот самый момент, когда Край выворачивал руль обратно, чтобы выровнять грузовик.

За миг до столкновения вскочив на насиженное пластиковое кресло, палач прыгнул на подножку машины. Неуправляемый скутер угодил под колеса, грузовик подбросило, когда под ним хрустнул обтекатель цвета лайма.

Бронестекло на дверце было опущено, и потому, ни секунды не колеблясь, палач сунул руку в кабину. Его пальцы ухватились за что-то, ногти царапнули плоть... чужое горло...

А потом сильнейший удар оторвал Заура от кабины, подбросил над асфальтом. Это Край ударом ноги распахнул — чуть с петель не сорвал! — дверцу.

На миг палач завис между небом и землей. Казалось, Господь вот-вот призовет его, и ангелы, под-



хватив слугу Еgo, ждут лишь приказа, чтобы утащить палача за облака.

А вот не надо! Рано! Прочь! У Заура иные планы.

Он взмахнул руками, дернул ногами, будто пытаясь обрести опору. На самом же деле палач отбрыкивался от крылатых посланцев.

Его оставили в покое, или же вновь заработало земное притяжение, после чего Заур рухнул спиной на асфальт. Так затылком приложился, что в глазах вспыхнул фейерверк и дыхание сперло. Перевернуло, еще и еще — он кувыркнулся раз пять, изгинаясь так, будто из тела вынули все твердое, а из оставшегося сделали отбивную.

Наконец палач замер, с удивлением осознавая, что все еще в сознании. Да что там... он — жив! Из носа лило, губы разбиты, зубы — он попробовал языком — шатаются. Зато боли не было. Не было, пока он не пытался встать...

Глаза заволокло черным.

Последнее, что видел Заур: грузовик Края проехал в проем ворот, и мощные стальные створки сомкнулись за прицепом.

Глава 5

ПОДАРОК ГОСПОДА

Меня трясло, дыхание со свистом прорывалось сквозь стиснутые зубы.

Когда пальцы безумца, экстремально раскатывающего на скутере, коснулись кадыка, я решил, что



всё, на этом летопись Максимки Краевого бесславно завершена, пора придумать эпитафию и некролог.

А вот рано я похоронил себя! Тело мое не замешкалось ни на секунду, отстранив парализованный ужасом мозг от командования, — удар ногой в дверцу, такой сильный, что едва не раздробило стопу, избавил меня от назойливого лысого очкарика.

Заставив себя оторвать ладонь от барабанки, я провел по горлу — так и есть, кровь. Ссадины, конечно, неглубокие, но...

Вот и Барабан.

По обе стороны от ворот торчали вышки с пулеметами над высоким — метров шесть — бетонным забором. На самом же заборе с периодичностью метров в десять краснела одна и та же надпись буквами в рост человека: «Стой! Частная собственность! Огонь на поражение!». К бетону тут и там были пришпилены видеокамеры, их полно — на электронике и собственной безопасности «азиаты» не экономят. Кстати, пулеметы на вышках крупнокалиберные. Слышался надрывный лай собак. Снаружи у самых ворот сидели на корточках мужчины — у одного ПЗРК, у другого гранатомет на плече. Справа прогуливались двое снайперов. Поверху забор опутывала колючая проволока под током. В общем, полный комплект на любой вкус и цвет. Остается только надеяться, что танцы со скутером не привлекли ничьего внимания, иначе мне не поздоровится.

Увиденное на подступах к Барабану подтверждало слухи о том, что «азиаты» в последнее время активно закупают оружие. Помнится, слушки эти вызвали у меня приступ сарказма. Надо же, кто-то в Ва-



вилоне отоваривается огнестрелом, это так удивительно! В нашем городе стволов нет только у грудных младенцев до месяца и у котят. Но потом выяснилось, что «азиатов» интересуют вовсе не пистолеты с автоматами и прочая подобная ерунда. Другое дело — танки и боевые вертолеты. А еще — зенитные комплексы, мины... Такое впечатление, что клан собирался напасть на кого-то.

— Или готовится защищаться, — вслух подумал я, прикинув, что с зенитками и противопехотными минами в атаку ходить без толку. — Но от кого? От палачей и вояк?..

Оружие «азиатам» поставляли как раз вояки. Куда ж без них. Чуть ли не у каждого гражданина Вавилона куча добрых друзей в регулярной армии Украины. Многие ветераны остаются на службу по контракту... Мысль ясна?

Захваченный мной грузовик последним проехал внутрь запретной для чужаков территории. Ворота позади быстро и без малейшего скрипа сомкнулись, я даже услышал, как члопнули резиновые прокладки. Наверняка привод регулярно смазывают кровью лазутчиков. Я коснулся расцарапанного кадыка.

Регулировщик, — желтолицый вьетнамец-карлик, метр сорок в прыжке — нервно размахивая флагжками, указал, куда мне поставить грузовик.

Однако с местом для парковки тут проблемы. Едва не снеся зеркало заднего вида, я втиснул колесного монстра в отведенную для него нишу. И не успел еще выбраться из кабины, как к прицепу уже набежали обнаженные по пояс босоногие мужчины, торсы которых лоснились от пота, и принялись спо-



ро выбрасывать из-под тента картонные ящики с чем-то увесистым внутри. Значит, из аэропорта машина шла не порожняком, как я думал.

На соседнем кресле заворочался водила, пришлось еще раз хорошенько его огреть. Теперь уж точно с полчаса в отрубе проваляется с сотрясением.

Надвинув пониже кепку с драконом на околыше, я выпрыгнул из кабины грузовика. На меня тут же наорал регулировщик — мол, чего ты вылез, сейчас опять загрузят, у тебя сегодня еще три ходки по путевке. О ходках и прочем карлик выяснил, наведя на меня сканер планшета, которым он размахивал столь же активно, как и полосатым жезлом. Не соврал водила, в рабочую одежду вшиты микрочипы. Пофиг, как тебя зовут и как ты выглядишь. Главное, чтобы аппаратура тебя определяла своим. Я кивнул карлику — типа так точно, напрасно вылез, просто по нужде надо — буррито слопал, вот живот и разбушевался, прям цунами внутри, боюсь затопить кабину.

— Я мигом, дружище. Одна нога здесь, другая... тоже здесь.

— Давай быстрее, засранец! — услышал я в ответ и, скучожившись, быстренько засеменил прочь, всем своим видом изображая человека, который до ужаса боится, что его сфинктер вот-вот расслабится. Изображать было нетрудно, ведь униформа водилы-китайца была мне коротковата, а в кроссовках на два размера меньше, чем надо, только и можно было семенить.

— Эй, куда?! — разорался карлик. — Ты чего, забыл, где тут сортир?!



Я демонстративно схватился за голову, показывая, что да, наверное, прости, босс, солнышко напекло, хоть и ночь на дворе. Взглядом же я судорожно шарил по сторонам, выискивая заветные «М» и «Ж», которых нигде не было. Были навесы, под которыми стояли грузовики и сутились грузчики, туда-сюда сновали электрокары, иногда точно проваливаясь в бездонную кишку коридора между стенами, отделанными белым пластиком... Надежда найти заветные буквы стремительно таяла, а узкие от природы глаза карлика превратились в щелочки-бойницы. И тут я заметил «W» и «C», к которым тут же заковылял, затылком чувствуя сверлящий взгляд низкорослого регулировщика.

— Я за тобой слежу! — прозвучало в спину его напутствие.

Только этого мне не хватало! Чертов недомерок запросто вычислит мое местоположение с помощью своего планшета и поднимет шум, если я не усажу свою задницу за барабанку через пять минут максимум, а то и раньше. А без одежды с чипами я не смогу передвигаться по Барабану... Короче говоря, у меня серьезная проблема и времени на ее решение отнюдь не вагон с тележкой.

Я протопал мимо прицепа с мешками. Грузчики, согнувшись чуть ли не вдвоем, таскали их в узкий проход между зданиями, куда не смог бы проехать ни гибрид, ни даже крохотный электрокар.

Притянутая пружинами дверца сортира с грохотом ударила за моей спиной о косяк. В единственной кабинке шумно сработал сливной бачок. Насвистывая «Калинку-малинку», из кабинки вышел одетый лишь в



шорты мужчина, мышцы которого внушительно бугрились, а на левом плече синел череп под парашютом.

— С аэропорта уже опять приехали, чё ли? — Оценив мой прикид, он заторопился к выходу, даже не сполоснув руки. — Бригадир заругается, работать надо...

Грузчик, сразу понял я. Но главное — на нем был минимум одежды ни хрена не детского размера. То, что надо.

Удар кулаком в челюсть и...

— Эй, ты, чё ли, дурак?

Вырубить здоровяка, привыкшего мешки ворочать, с первой попытки не получилось. Да и не в голову метить надо — судя по тату, черепушкой он не думать привык, а бутылки разбивать.

— Извини, брат. — Разведя руки в стороны, я врезал ему тесным кроссовком между ног.

Парня скрутило от боли. И все же он успел хоршенько лягнуть меня в голень, едва не сломав ее, прежде чем я окончательно его вырубил. Был бы у десанттуры мозг, ему не повезло бы, а так...

У входа в сортир послышался чей-то кашель — и я резво затащил грузчика в кабинку для раздумий и щелкнул шпингалетом. Раздеться самому и раздеть мою жертву оказалось просто, а вот принарядить бывшего десантника в водительскую форму — задача не из легких.

В дверь постучали.

— Занято! — отрезал я, обувая грузчика в кроссовки, которые никак не хотели на него налезать.

Если у меня выгорит, то карлик найдет своего водилу-засранца там, где тот и должен пребывать, ма-



ясь животом. А то, что водила без сознания, уже не мои проблемы. Я теперь грузчик, просто босой мужчина в одних только укороченных штанишках.

Красный от напряжения, отдуваясь, я вышел из кабинки и взглянул на свое отражение в грязном зеркале. Что ж, у меня вполне атлетический торс, покрытый шрамами и татуировками. Впрочем, подобной телесной живописью в городе, населенном ветеранами, никого не смутишь. Скорее отсутствие отметин на коже мужчины вызовет у окружающих подозрение.

Передо мной, пританцовывая на месте, стоял рыжебородый широкоплечий мужчина на полголовы выше меня. Что-то везет мне сегодня на амбалов. Он попытался было проскочить в кабинку, но я, поражаясь собственной наглости, закрыл дверь прямо перед его носом и рявкнул:

— Все равно занято!

Он, заметно огневший от моего поведения, не поверил. Бесцеремонно оттолкнув меня, бородач открыл дверь, увидел на толчке грузчика со спущенными штанами — ну, никак на нем пуговицы не застегивались! — и, пробурчав что-то о проклятых гомиках, метнулся прочь из сортира.

В его прощальном взгляде я прочел ядреную смесь из брезгливости и насмешки. И еще — ему очень хотелось поведать об увиденном своим товарищам. Его аж распирало, он уже набрал побольше воздуха в грудь.

Нельзя было позволить бородачу поднять шум и привлечь внимание ко мне.

Я метнулся вслед за ним.



* * *

— Сдох, что ли?

— Башка в кровище, небось все мозги повылетали. Точно тебе говорю: трупак. Давай, не робей, а то другие все заберут...

Сначала Заур услышал голоса, а потом почувствовал, как чьи-то пальцы шарят у него под плащом, как с шеи его снимают цепь с нательным крестом. А вот этого палач ну никак не мог допустить. Схватив визжащего от страха вора за плечо, Заур притянул его к себе, крепко прижал, чтобы чего не учудил — к примеру, не ткнул ножом в живот, — и лишь затем открыл глаза.

Над ним плыло и качалось небо. Истерично сигналя, в полуметре промчался ржавый автомобиль, лобовое стекло которому заменяла панцирная сетка от кровати. Из авто, хохоча и сквернословя, в палача швырнули пивной бутылкой. Не попали: разбившись об асфальт, брызнуло в стороны стекло, смешанное с пеной. Палач приподнялся на локте, удерживая маленькое брыкающееся тельце, мамой клянущееся завалить ублюдка, как только тот его отпустит.

— Так значит, если жить хочу, нельзя тебе на волю? — прохрипел Заур, поднимаясь вместе с пленником на ноги. — Надо бы свернуть тебе шею, да? И проблем не будет?

Тельце затихло и, осознав свою ошибку, заголосило, обещая никому не навредить и особенно не навредить тому ублюдку, который его держит.

Усмехнувшись разбитым ртом, — зеваки, что пялились на это действие, тотчас отпрянули и сделали



вид, что ничего не происходит — он поставил воришку-пленника на горизонталь. Тому было от силы лет двенадцать.

— Не дергайся. — Опираясь на мальца, как слепой старик с тростью-мечом, Заур медленно поковылял к обочине. Мимо одна за другой проносились машины. Их водители так задорно барабанили по клаксонам, будто всем сердцем желали, чтобы Господь услышал их какофонию на небесах.

Все тело болело, палач едва держался, чтобы вновь не провалиться в забытье. Надо было что-то предпринять, но что? Губы Заура шевелились — на ходу он бесшумно молил Господа, чтобы тот наставил его на путь истинный, ниспослал решение и чуточку помог.

— Не греши больше. — Он отпустил мальчишку и тяжело плюхнулся на бордюр. Позвоночник пронзила острая боль, он едва не закричал. — Иди с миром...

Мир вокруг качался, то ускользая во мрак, то возвращаясь обратно, чтобы с утроенной — удесятеренной! — силой приложить запахами, цветами и шумом по всем рецепторам сразу. Неужели Зауру не суждено наказать грешника Края? Неужели Господь заберет слугу своего прямо сейчас?..

— Слыши, мужик, ты как вообще, скоро сдохнешь? — Перед глазами палача из багрового тумана сформировался силуэт пацана. Постепенно обозначились темные курчавые волосы, грязная футболка с утенком Дональдом на худощавом тельце, обрезанные по колени джинсы и рюкзак из брезентовой ткани цвета выгоревшего хаки. — Мо-



жет, перед смертью вмазаться хочешь? Полегчает, отвечаю.

Мальчишка — уличный торговец наркотиками.

— А не отравите? — едва слышно выдавил из себя Заур.

К пацану подошел второй, рыжий, весь в веснушках, но очень похожий на товарища — не внешне, но чумазостью и особым блеском глаз, выдающим готовность к самым дерзким поступкам. Небось это он надоумил вихрастого обыскать «труп» на дороге.

— Не-а, такой дряни не держим. «Манны» тоже нет. У нас только чистый товар, самый лучший, мертвеца на ноги поставит. У тебя вообще бабки есть? Есть бабло, а?

Его голос звучал сначала как бы издалека, а последнюю фразу он словно прокричал Зауру в ухо.

Мертвеца на ноги... Мертвеца... Приложило его основательно. Без медицинской помощи он вряд ли долго протянет. Но кто в Вавилоне возьмется лечить палача? А значит... Это твой знак, Господи?

Словно подтверждая его догадку, мальчишка протянул Зауру прозрачный пакетик с белым порошком.

* * *

Я почти догнал бородача.

Но почти — не считается.

Он все же успел выскочить из сортира. Я вывалился на свежий воздух следом ровно через долю секунды.



И оба мы застыли с открытыми ртами перед коротышкой-регулировщиком, за спиной которого возвышались бездушными композитными глыбами двое бойцов в бронежилетах и касках-сферах с черными матовыми забралами. В руках, перевитых искусственными мышцами, они держали пулеметы. Ноги поверх камуфлированных штанов тоже покрывала экзосетка усилителей, позволяющих бегать и прыгать вдвое быстрее и дальше. Эдакие терминаторы-андроиды из фантастического киноблокбастера притопали к сортиру, чтобы пописать маслом.

Плохая примета, если враг превосходит тебя не только количеством, но и огневой мощью — против пулеметов я мог выставить только свои кулаки.

— Слыши, бугор, а этот... — бородач, осклабившись, повернулся ко мне, явно собираясь наяденивать коротышке о моей, якобы, ориентации.

Но карлик не стал его слушать.

— Заткнись! — гаркнул он, и тут же боец в бронике шагнул у него из-за спины и врезал бородачу по зубам так, что брызнуло осколками резцов, обильно смоченными алым. Бородач схватился за лицо, вмиг раздумав вести задушевные беседы с карликом, который отрывисто рявкнул: — Работать всем!

Предусмотрительно шагнув в сторону, я пропустил троицу. Выставив перед собой планшет, на экране которого мерцала точка, карлик уверенно прошествовал в сортир. Дверь перед ним отворил один из бойцов в экзо.

«Азиаты» всегда и везде — даже на толчке — блюдут железную дисциплину. Раньше я об этом



только слышал, теперь же убедился на собственном опыте. А на Барабане вообще все жестко. Тут запрещено даже курить, не то что выпивать и употреблять наркотики. Бойцы и работяги клана могут расслабиться в городе, но не на территории бывшего рынка. Везде кипит работа. Никто не сидит без дела. Тут шьют кроссовки одной известной фирмы, там — кеды другой. Здесь собирают мини-тракторы, а в соседнем морском контейнере — на Барабане таких много — фасуют героин. По улочкам двигаются туда-сюда электрокары, загруженные картонными и фанерными ящиками. Бегают разносчики еды, таская за собой жестяные термосы с кофе, супом и бутербродами. Это муравейник, где каждый при деле. Или часовой механизм — нет ничего лишнего, все подчинено одной цели — наживе руководства клана. Впрочем, у тех же «африканцев» цель аналогичная...

Мне надо как можно быстрее стать муравьем или шестеренкой — и слиться с местным пейзажем.

Я подскочил к прицепу, из которого выгружали мешки, и уже через пару секунд тащил по узкому проходу лишние килограммов семьдесят. То и дело мимо протискивались грузчики, порожняком топавшие обратно. Мокрая от пота поясница впереди внезапно свернула влево, я же по инерции прошел еще несколько шагов вперед, после чего сбросил мешок и припустил что было духу, надеясь, что прямой коридор куда-то да и выведет. Самое паскудное, что я понятия не имел, как дальше быть и где искать Ронина, а следовательно и Патрика.

Ко всем моим бедам я уперся в тупик.



Передо мной возвышалась бетонная стена с мощными железными воротами, по которым я тут же без особого, впрочем, успеха заколотил. С флангов не давали возможности продолжить путь стены из красного кирпича — ни окон в них, ни дверей, разве что водосток...

— Эй, ты! Стоять! — услышал я сзади и обернулся.

Ко мне торопился карлик в сопровождении своих боевых андроидов. За ними двигался получивший по сусалам бородач. Он помогал семенить ушибленному в пах грузчику, переодетому водилой. Кепочка с драконом на голове ушибленного сидела как влитая. Быстро же десантник оклемался! Хотя — судя по походке — не до конца.

Мой взгляд вновь остановился на трубе водостока. Вцепившись в нее, я принял карабкаться на верх, надеясь, что карлик не сразу прикажет открыть огонь на поражение. В этом смысле мне повезло — никто по мне не стрелял. А вот труба мой скромный вес не выдержала и на высоте примерно третьего этажа сорвалась со стены вместе со мной.

Рухнул я аккурат под ноги карлику.

Стволы пулеметов уставились мне в голову и в живот.

* * *

Боль постепенно отпускала.

Заур сумел подняться. Спасибо за ниспосланное спасение! Воистину Господь может излечить любые



раны. Потом, конечно, надо будет обратиться к более приземленному специалисту, но пока что хватит и заговоров, которые будущий палач еще в детстве вызубрил по велению Учителя.

Зеваки разошлись. Оживший Заур стал им не интересен. А вот мальчишки, едва не напичкавшие его наркотой, когда он, почти вырубившись, уже не мог сопротивляться, уходить не спешили. Надеялись с него поживиться.

Если бы еще вчера кто сказал, что Заура почти что накачают наркотиками посреди Вавилона, он расхохотался бы.

— Чё лыбишься, мужик? У тебя вообще бабки есть? Есть бабло, а?

Палач сунул руки в карманы плаща — чего там только не было — и вытащил мятую купюру.

— Слыши, мужик, а еще бабки есть? Хочешь дури? — Схватив деньги, курчавый с утенком на футболке отбежал от Заура на пару метров. Его рыжий напарник при этом выставил перед собой нож.

Не очень-то хорошо у детей идет бизнес, раз даже на самый дешевый самострел не заработали. Да и вообще странно, что мальчишки продают наркоту — обычно этим занимаются парни постарше. Одежда на мальчишках — рванина, несолидно как-то для дилеров. И нет герба клана — утенок Дональд никак не сойдет за дракона. А ведь только «азиаты» могут в этом городе торговать психотропными веществами. Следовательно...

— Где товар берете? Кто вас снабжает? На кого работаете?



— Ни на кого! Мы сами по себе! Так есть бабки или нет?

Палач проигнорировал вопрос. В небе над Барабаном прострекотал вертолет.

— Я думаю, наркота ваша — ворованная. Вы ее там берете, — Заур кивнул на массивные ворота и высокий бетонный забор, за которыми скрылся Край. — Сами берете, без спроса.

Мальчишки враз потеряли интерес к потенциальному клиенту.

Уже вслед им Заур сказал:

— Есть деловое предложение. Проведите на Барабан. Я хорошо заплачу.

Нетрудно было догадаться, что товар у мальчишек левый. Они проникают на запретную территорию по своим тайным тропам и выносят порошок из лаборатории, где его производят, или — что вероятнее — со склада. А крутые воротилы-«азиаты», конкретно потратившиеся на систему защиты, остаются с носом. И потому палач чуть ли не золотые горы пообещал мальцам, если они помогут ему попасть на Барабан.

Его слова стали для них слишком сильным искушением.

Удар ножом в живот Заур парировал рукой — лезвие, надрезав плащ, лишь слегка оцарапало протез. Силенок у малолетнего грешника маловато, чтобы проткнуть пластик, напичканный электроникой.

Жертва нападения не проявила беспокойства по поводу, кровь не хлынула фонтаном из резаной раны, и потому, безуспешно атаковав, рыжий отпрянул и со второй попыткой не спешил.



— Так мы не договоримся. — Чуть подумав, палач решился на блеф: — Я вообще не хочу иметь с вами дело! Найду себе другого проводника. Мало ли пацаны в Вавилоне?

— Только мы знаем, как пробраться за стену и как спрятаться от сканеров и камер! — Дональд — так палач мысленно нарек мальчишку с утенком на футболке — скрестил руки на груди и высокомерно задрал подбородок.

А ведь гордыня — смертный грех. Ну да нынче не время для проповедей.

И уж тем более не к месту нравоучения были в трубе воздуховода, в которую мальчишки сопроводили палача, предварительно разжившись фонариками, и по которой он пополз за ними на четвереньках.

— На складе должна быть хорошая вентиляция, — подсвечивая путь, ползущий вслед за Дональдом рыжий похвастался отличным знанием матчасти. Его тощая мальчишеская задница все время мелькала перед лицом палача. Хорошо детям, им тут можно двигаться не ползком, а всего лишь пригнувшись. — Это подводка от воздушной системы метро, она еще работает. Мне брат рассказал, перед тем как пропал. Сейчас многие пропадают. С нашей улицы трое старших пацанов за последнюю неделю. И брат тоже. Теперь я сам о себе забочусь...

Если он хотел разжалобить палача, то у него не получилось. Грех есть грех, во имя чего и по какой причине его ни совершают.

На планшет Заура — опять включил, чтобы освещать дорогу — пришло сообщение. Из больницы, конечно. Хотят денег. И тут же, израсходовав всю



энергию на подсветку экрана, полностью разрядился аккумулятор.

Воздуховод изгибался и разветвлялся. Мальчишки выбирали направление по непостижимому палачу принципу, сворачивая то влево, то вправо, хотя каких-либо меток и указателей замечено не было. Пришлось вскарабкаться по лестнице, чтобы перебраться в параллельную трубу... Казалось, они двигались уже целую вечность. Заур постоянно зажимал коленями полы плаща. Пару раз он готов был поклясться, что кто-то следует за ним, — оборачивался, но темнота надежно скрывала тылы.

— И не страшно тут лазить? — Раньше палач не замечал за собой склонности к клаустрофобии, а вот проняло же.

— Раньше не страшно было, — откликнулся впереди Дональд, — а потом из метро всякая жуть поперла и... Быстрее! Быстрее!!!

Его внезапный крик заставил палача вздрогнуть. Он почувствовал сначала легкую вибрацию под ладонями, а потом потянуло сквозняком... Лучи фонарей метались уже метрах в десяти впереди — мальчишки припустили изо всех сил. Их тревога передалась Зауру. В его планы не входило остаться одному во мраке лабиринта, где он совсем не ориентируется. Да и неспроста дети ускорились, наплевав на жажду наживы.

Труба вибрировала все сильнее, и сквозняк превратился в ветерок, заметно обдувающий лицо.

— Мужик, быстрее! — сквозь завывания воздуха в трубе услышал он. — Вертушка врубилась! Снесет!



Воображение вмиг нарисовало здоровенный вентилятор с заточенными до бритвенной остроты лопастями. И Заура тянет к нему, и...

Он резвее заработал локтями и коленками, но ветер уже вовсю играл полами плаща. Заур почувствовал, что его тащит назад.

И услышал хохот. Это детки вовсю потешались над палачом.

Ветер утих сам собой, как и не было. Труба больше неibriровала. «Вертушка» разве что пугала, но реально навредить не могла.

— Чё, мужик, полные штаны, да?! Ну ржач! Ты б свою морду видел!

А потом смех как отрезало.

— Слыши, мужик, давай бабло, — потребовал Дональд.

Рыжий по привычке выхватил нож, но, вспомнив, что заточенной железкой Заура не напугаешь, спрятал оружие обратно под футболку.

— Мальчики, работа еще не сделана. Поэтому... — палач развел руками, показывая, что выплачивать аванс он не намерен. Откровенно говоря, у него не было и десятой части той суммы, что он пообещал. Обманывать нехорошо, но во имя торжества добра...

— Мужик, ты чё, кинуть нас решил? А если мы «азиатам» настучим про тебя?

— И что скажете? За деньги взялись провести чужака на их территорию? И пользовались воздушоводом, чтобы воровать наркоту?

Мальчишки молча переглянулись.

— Не поддавайтесь искушениям дьявола. — Заур решил, что настал подходящий момент для спасе-



ния заблудших детских душ. — Деньги — это зло. А вы сегодня сделали доброе дело, согласившись проводить меня. Так продолжайте в том же духе, и вам воздастся!

Глядя на детей, он вдруг понял, что наконец-то смог пробудить в них сильные чувства, ведь что-то такое особенное вспыхнуло в юных глазах, когда оба мальчика шагнули к нему.

— Да пошел ты на... — вырубив свой фонарик, Дональд протиснулся мимо палача и исчез во мраке.

— Чтоб ты сдох! — последовал его примеру рыжий.

Заур остался один в кромешной тьме.

* * *

Не очень-то приятно, когда в тебя целятся из пулеметов два жлоба в экзо, лиц которых ты даже не видишь — скрыты забралами касок.

— Эй, ты кто такой?! — Ботинок карлика врезался мне в ребра, стоило только встать на четвереньки. Что ж, намеки я понимаю с первого раза, поэтому вновь распластался на асфальте. — Зачем ты здесь?!

— Дружище, обстоятельства сложились так, что... — начал было я, но, сообразив, что меня никто не слушает, заткнулся.

«Обласканные» мной грузчики-крепыши — десантник и бородач — по очереди порывались добраться до меня, чтобы начистить рожу, и так же по очереди удерживали друг дружку — мол, не надо об



этот навоз руки марать. Молодцы, это верный способ расправиться с обидчиком!.. Карлик с кем-то связался по планшету и потребовал прислать подкрепление в такой-то квадрат, есть проникновение, материй диверсант, чуть ли не конец света и мировая война. Динамики планшета протрещали в ответ, что группа скоро будет, а на рассвете на центральной площади диверсанта этого зажарим, ну или повесим, потом, короче, решим.

Вот как тут привечают незваных гостей. Впредь я воздержусь от посещения Барабана. Прямо сейчас скажу, что виноват, больше не буду, и меня, конечно, сразу отпустят, а как же. Одна беда — я же буду, и еще как буду. Мне Патрика найти надо.

Не решаясь приблизиться, узкую уличку плотно закупорили мужчины с мешками на плечах — нечасто случается им поглазеть на неудачника, рухнувшегося в обнимку с водостоком. Уникальный, можно сказать, случай. Быстрее снимайте на мобильник и сливайте видео в сеть, хмуро подумал я и точно сглазил: кто-то уже достал из кармана телефон, а дурной пример, как известно, заразителен.

Сомнительная слава звезды Интернета меня не прельщала, да и некогда было разлеживаться на асфальте, поэтому я вскочил.

И замер.

Очереди из пулеметов не только громко прозвучали, но и высекли искры у ног. Это враз умерило мою прыть, зато количество мобильников, направленных камерами на меня, возросло минимум вдвое. Операторы-любители дружно опустили мешки и одобрительно загудели, подначивая экзоандроидов зава-



лить меня прямо здесь и сейчас. И ведь стоит мне дернуться, жлобы в брониках с удовольствием последуют совету толпы. Поэтому под разочарованные выкрики аборигенов я медленно опустился на колени и поднял руки над головой.

Надо было срочно что-то предпринять, иначе все пропало. Все — это не только я, но и мой сын. Вот-вот за мной явится «группа», чтобы утащить в местную каталажку. А потом, когда стемнеет, «азиаты» устроят файер-шоу со мной в главной роли.

Пока я размышлял о бренности своего бытия, среди грузчиков, заполонивших улочку, началось волнение: то один, то другой оборачивался. Кто-то пробивался к тупику через сплоченную толпу и на громождение мешков. Мало того — в небе над улочкой застремотал вертолет. Дверца его комфортабельного салона для пассажиров откатилась, наружу вывалились сразу пяток-больше тросов, по которым вот-вот спустится местный спецназ — та самая «группа».

На раздумья больше не оставалось времени.

— Слыши, десантура, а как я тебя уделал, а?! — слова сами сорвались с моих губ, когда ушибленный грузчик в очередной раз предпринял попытку приблизиться. — Так понравилось, что еще хочешь? И твоя подружка тоже?

Последний вопрос оскорбил бородача до глубины души, и он выпустил товарища из своих медвежьих объятий. Тотчас оба крепыша кинулись ко мне, походя сбив андроидов с ног. Причем у одного экзобойца от неожиданности из рук выпал пулевой, а второй дал очередь в небо, заставив винтокрылую ма-



шину дернуться в сторону, а «группу» в стальном чреве чуть погодить с высадкой.

Я же поднырнул под локтем разъяренного десантника, не забыв врезать коленом по пристрелянному месту — детородному органу. Взвыв, десантник улегся под ноги бородачу, который, зацепившись за ребра товарища, растянулся во весь рост. Миг спустя я оказался у потерянного пулемета, что хорошо. Другое плохо — подоспел хозяин оружия и врезал мне в голову.

Ну, почти врезал.

Если б он попал, мне оторвало бы башку вместе с ушами и обворожительной улыбкой. Представьте, что случится с куриным яйцом, если по нему со всей дури хряпнуть молотком — примерно то же самое ожидало мой череп. Но экзобоец промазал — уж очень я верткий, даже успел поднять пулемет за миг до того, как он ухватил бы меня за запястье пальцами в спецперчатках, что грозило — минимум — раздавленными костями, а то и вовсе оторванной рукой. Падая на спину, я всадил очередь прямо в матовое забрало.

Бронестекло способно защитить лицо от камней, пыли, веток и даже осколков, но когда стреляют почти в упор... Я метил в единственное уязвимое место композитной защиты — и не промазал.

Второй андроид успел открыть по мне огонь, но на пути очереди из его пулемета встал бородач. Упав, он похвально поспешил подняться, как подобает настоящему мужчине. Его прошило насквозь. Затем не повезло десантнику, пересилившему боль в ушибленном паху. Он очень вовремя кинулся на меня —



андроид как раз опять выстрелил, так что все пули угодили десантуре промеж лопаток, в поясницу и крестец. Ну а там уж настала и моя очередь жать на спуск — второе забрало разлетелось осколками, забрызганными кровью, после чего тушка, плотно упакованная в корсет искусственных мышц, грузно рухнула на асфальт, едва не задавив карлика-регулировщика.

Оставшись со мной тет-а-тет, этот полурослик не растерялся — за один прыжок он сократил расстояние между нами и даже врезал мне пяткой в лоб. Ну а там уж я двинул его прикладом в челюсть, заставив плюхнуться на задницу и затрясти головой.

Грузчики тотчас забыли о вверенных им мешках и бросились прочь от особо опасного — и уже вооруженного — диверсанта, то есть от меня, если кто не понял. Тем самым они окончательно закупорили улочку, не дав спецназу прорваться ко мне наземным путем. Опасность грозила теперь только с воздуха.

Задрав ствол пулемета к небесам, я пару раз хорошенько жахнул. На асфальт посыпались гильзы. Вертолет вновь исчез из моего поля зрения, а одно — из сектора обстрела, но продолжал стрекотать где-то рядом. Схватив карлика за горло, я рассказал ему о своем намерении попасть на прием к Ронину и вежливо поинтересовался, как мне пройти к офису Большого Босса. Пара-тройка ударов кулаком в живот — это ведь вежливо, верно? Но карлик так не считал. Удивительно несговорчивый тип! Он хрюпал ругательства, багровел, зады-



хаясь, но выдавать явку начальства отказывался категорически.

Я отбил о его брюшную полость костяшки и уже отчаялся сделать на одного коллаборациониста больше, когда он жестом показал, что передумал умирать от побоев и асфиксии. Короче говоря, готов сотрудничать. Главное — подобрать верные аргументы, и вскоре оппонент с радостью разделит вашу точку зрения. Правда, при этом не стоит забывать держать его на прицеле.

Так я узнал, что путь мне предстоит близкий, но чуть ли не дивизия охраны сделает из меня дим-сум¹, если не утку по-пекински. Я — опять вежливо — попросил карлика не отвлекаться на домыслы и предавать своего босса дальше.

Потратив еще немного патронов, чтобы отогнать назойливый вертолет, я отобрал у карлика планшет. Координаты штаб-квартиры Ронина на карте Барабана, загруженной в девайс, были четко обозначены, программа в секунду прорисовала на экране оптимальный путь. Мне надо было всего лишь чуть вернуться по улочке и проследовать в коридор, куда грузчики носили мешки, а потом пересечь склад. Судя по карте, склад этот точно такой же, как и тот, что за воротами тут, в тупике, а потом...

В общем, я был уже на низком старте, когда ворота вдруг распахнулись.

¹ Дим-сум — китайские пельмени.



* * *

Сколько он полз вперед, оставшись один, неизвестно — может, минуту, а может, вечность. И верно ли он вообще полз? Во мраке воздуховода Заур быстро потерял чувство времени и направления. Но не возвращаться же?..

А потом труба закончилась.

Вот была опора под руками и ногами — и вот ее не стало.

Потеряв равновесие, палач упал. Приземлившись, он едва почувствовал удар — все еще действовал заговор. Но что-то хрустнуло. Похоже, ребро. Что ж, одной сломанной костью больше, одной меньше... Господь любит Заура, раз избавил его от адских мук боли.

Он осторожно поднялся, ожидая, что в любой момент уткнется затылком в чугунный свод. Этого не случилось. Он развел руки — и не коснулся стеклок. Зато, как и в трубе, тут царила непроглядная мгла. Выставив руки перед собой, палач неспешно двинул в неизвестность. Где он очутился? Как отсюда выбраться?.. Нет вариантов. Надрать бы уши мальчишкам, бросившим его одного, ну да сам виноват, солгал ведь, наобещал с три короба. Небеса тоже молчали, очевидно решив, что уж с такой-то мелочной проблемой палач справится без их вмешательства.

Справа Заур нашупал стеллаж, заставленный деревянными ящиками. Метров пять шел вдоль него. Потом ровно через семь шагов, отмеренных перпендикулярно, уткнулся в противоположный



стеллаж, сплошь загруженный мешками с чем-то сыпучим.

Проплутав немного меж стеллажами, палач остановился. Нужен план действий. Нужен свет. Жаль, он не курит, спички или зажигалка помогли бы сейчас... По привычке Заур сунул руки в карманы — и, нашупав конфискованные часы, поднес их к лицу, будто вблизи мог рассмотреть улику получше. Вернувшись в Киев, он сдаст часы в хранилище вещдоков.

Палач не поддался искушению, он не вор. Просто из подвала он сразу помчался в аэропорт, чтобы как можно быстрее найти Края и покарать. Эта мысль вытеснила все прочее из его лысой головы.

Край!..

Подонок!..

Заур с силой, будто собираясь расплещить их, сжал часы в кулаке — и, похоже, надавил при этом на какую-то кнопку на корпусе. Внутри хронометра что-то пискнуло, и циферблат вспыхнул зеленоватым светом, которого оказалось вполне достаточно, чтобы обозначить обстановку в радиусе метров трех вокруг палача.

Свет! Господь ниспоспал Зауру свет!

Мало того — рядом загрохотали выстрелы. А там, где стреляют, обычно без людей не обходится. Палачу как раз нужно спросить у кого-нибудь, где он очутился и где Край.

Подсвечивая себе дорогу часами, — так и хотелось надеть их на запястье — Заур поспешил на звук сквозь лабиринт стеллажей и паллетов, поставленных прямо на бетонный пол.



Вскоре путь ему преградили стальные ворота. Пришлось хорошо налечь на засовы, чтобы выдернуть его из паза. Палач изо всех сил толкнул створки. Ворота легко поддались. В ширящийся проем плеснуло электрическим светом прожекторов с крыш окрестных зданий.

На миг Заур остался один, увидев перед собой заклятого врага — прямо перед воротами да еще с пулеметом в руках. Но лишь на миг.

— Тебя заждались в аду, Край! — Палач кинул-ся к грешнику.

Спасибо, Господи, за этот великодушный подарок!
И плевать, что Край вооружен.

Небеса прикроют своего верного слугу.

Глава 6

МАТРИЦА

Бифштекс — это нечто.

— А-а-а!.. — Асахара теряет над собой контроль, когда руками хватает еще горячее мясо и целим куском — зачем резать? — запихивает в рот. Вот и сейчас по его щекам и подбородку стекает говяжья кровь. Святой отец сидит в плетенном из бамбука кресле за пластиковым столом, поставленным прямо посреди газона. Пахнет свежескошенной травой.

Надо восполнять энергию, растряченную на организацию достойного Всплеска. Он так старался, что у него едва не началась обратная трансформация, че-



го никак нельзя допустить в присутствии послушников и вне Лона. Это было бы для них шоком — узреть истинный лик наместника бога, явившегося из глубин нирваны и небытия, спустившегося на грешную Землю из-за облаков, чтобы помочь заблудшим, наставить их на Путь Истинный.

Только полный идиот может поверить в подобную чушь.

Одно правда: из душ-кирпичиков, вынутых из подростков, он вымостит тот Путь, о котором они даже не мечтают.

Рубиновые капли срываются с подбородка, пятнают белые шелка на теле святого отца. Одежда скользит по коже, и это приятно. Асахара замирает, впитывая раздражение нервных окончаний в свою мнемокопилку, чтобы потом, на Привале, насладиться этим ощущением и еще многими другими вновь... Не прожевывая, он глотает мясо, ему хорошо. «Привал нам только снится», — шутка, адаптированная к местным реалиям.

— Разрешите, святой отец? — Подбежав к столу, в поклоне согнулся слуга из немногих местных, кому было даровано знание. На куске ткани, покрывающем его голову, белели схематические изображения черепов аборигенного разумного вида. Шнурок на его спортивной обуви развязался.

Чуть помедлив, Асахара кивнул.

Слуга тотчас умчался, чтобы подвести к столу парочку юных послушников, обессиливших после Всплеска.

Нерастраченная сексуальная энергия, которую некуда девать, которая копится за годы, — это то,



что надо. Плюс недовольство родителями: наставляют потомков, поучают, а сами не добились ровным счетом ничего. Потомки считают, что уж они-то выберутся наверх, просто нужен верный путь, не такой, как у мамы с папой. Что ж, их желания совпадают с Путем отца Асахары. А если в кипящие от эмоций и гормонов тела загрузить религиозный экстаз, желание верить хоть кому-то, кроме себя, и не просто верить, но полностью раствориться в чем-то большом и сильном, стать не только взрослыми, но и величими, то получится такой Всплеск, что...

Рукавом Асахара вытер кровь с подбородка.

Перед ним, пошатываясь, едва стояли двое послушников. Если бы Асахара умел удивляться, то обязательно так и сделал бы, увидев перед собой того самого голубоглазого светловолосого парня, с которого начался Всплеск. Рядом с парнем, чуть ли не теряя сознание, стояла девушка. Ее прыщавое лицо обрамляли засаленные волосы. Приведя послушников, слуга предусмотрительно удалился.

— Добро есть любовь. Любовь есть свет! А вместе — энергия! — провозгласил святой отец.

Одного мяса мало, чтобы восстановиться. Нужны доноры. И потому сознание Асахары атаковало девушку. Она сдалась безропотно, не оказав сопротивления — затряслась, лицо ее посерело, глаза закатились. На газон упало уже бездыханное тело. Тотчас, не вставая из-за стола, святой отец набросился на парня — ментально, не пошевелил даже пальцем.

Подчиняясь заданному импульсу, широкие плечи донора развернулись — куда только делась беспре-



дельная усталость? Мускулистое тело затрепетало и... Ничего.

Святой отец удивленно нахмурил брови, сжал кулаки — вновь неудача. Тяжело дыша, он вскочил — и атаковал светловолосого юнца с утроенной силой.

Тотчас Асахару швырнуло обратно в кресло.

Воздух в груди стал вязким и горячим, он никак не желал вырваться из тела наружу, уступив место новой порции газовой смеси. Слабенькое от природы четырехкамерное сердце сбилось с ритма, вот-вот откажет...

Мальчишка не просто оказал сопротивление, но контратаковал. Святой отец ощущил потенциал, равного которого ему не доводилось впитывать. Созвездие энергии! Галактика! Вселенная!

Внезапно все кончилось.

Попытавшись устроиться в кресле поудобнее, — не получилось — Асахара шумно выдохнул, вдохнул и просипел:

— Уведи его в стойло. И другого... Нет, троих сразу ко мне.

Слуга поспешил исполнить приказ — дернул мальчишку за руку. Тот безучастно поплелся за ним — ментальный бой лишил подростка последних сил.

Святой отец проводил обоих задумчивым взглядом.

Определенно парню уготована роль куда значительнее, чем просто стать расходным топливом. Или же не рисковать — и велеть его убить? Но если этого сапиенса верно подключить, можно существенно приблизить Всеобщее Единение, а значит...



Асахара вцепился в часы на запястье, будто мог вытрясти из них единственно верный ответ.

И циферблат под его ладонью засветился.

* * *

Ворота вдруг распахнулись, и с воплем «Тебя за-ждались в ад!» на меня кинулся тот самый лысый в плаще, что гнался за мной на скутере. И хоть одежда его была в пыли, а на разбитой голове запеклась кровь, очки свои он умудрился сохранить в целости.

Как он здесь оказался?! Мне пришлось приложить столько усилий, чтобы попасть на Барабан, — угнать грузовик, переодеться в кукольную форму, потом возня в сортире... А лысый как был в своем плаще... м-да... Ну да размышлять о тайне его явления было некогда. Да и не особо думается, когда тебя сшибают с ног. А за миг до того, как я рухнул на асфальт, запястье обожгло болью, пальцы непроизвольно разжались, выронив пулемет, — это потому, что очкарик сорвал с шеи нательный крест с цепью и весьма ловко метнул его в меня.

Стукнувшись затылком о горизонталь, я встретил падающего на меня врага кулаком в подбородок. Любого такой удар отправил бы в нокаут, но не очкарика. Голова у него, что ли, цельнолитая, а мозги в заднице? Схватив правой рукой меня за горло, — я понял, это его коронный прием — левой с зажатой в ней какой-то штуковиной он принялся лупить меня по роже.

Ба, да это же «Bregguett» у него в ладошке!



Определив марку часов, я настолько оторопел, что пропустил первые пару ударов. Опять «Bregguett»! Такое впечатление, что в этом городе только у меня нет хороших часов! Отличные куранты, противоударные — раз еще не разбились о челюсть Максимки Краевого.

Заметив мой интерес, лысый что-то там буркнул про гнев Господень и сунул часы в карман. Взамен он извлек увесистый кусок металлолома — Знак палача. Свои Знаки служивые частенько используют в качестве кастета.

Так он палач поганый?! А по внешности не скажешь. Все палачи, которых я знал, ходили в строгих серых костюмах, белых рубашках и черных галстуках. Ну, иногда в кожаных пиджаках. Смоченные гелем волосы зачесаны назад. На лице выражение вечного недовольства всем и вся... Этот не такой, этот странный, будто не карманы у трупа узаконенного хочет вывернуть, а млеет только от того, что задержал особо опасного преступника... Все это промелькнуло в моей черепушке за долю секунды. А в следующее мгновение я по-борцовски изогнулся, чуть ли не встав в «мостик», и подбросил оседлавшего меня палача на полметра от асфальта. Только поэтому кастет-Знак не сломал мне челюсть, а всего лишь мелькнул у подбородка. Извернувшись, я навалился на лысого. Увы, ублюдок оказался ловчее, чем предполагало его дистрофичное телосложение. Он вновь занял главенствующую высоту у меня на груди. Я же тотчас провел один хитрый бросок, которому меня еще в армии научил «любимый» сержант Петренко, а потом...



Так мы и катались по пыльному асфальту, нанося друг другу удары, пока лысый не подхватил свое метательное оружие — латальный крест — и не накинул мне цепь на шею, после чего потянул за распятье.

Это очень плохая примета, скажу я вам, если вас душат такой вот удавкой.

Перед глазами поплыли багровые пятна, потом белые...

Мои руки то тянулись к горлу палача, то я пытался отжать от кадыка звенья цепи, то беспорядочно уже шарил по телу, на меня навалившемуся... Я нашупал часы в кармане лысого. Вором Макс Край никогда не был, но хоть перед смертью можно побывать чуточку счастливым обладателем швейцарского механизма?

Я сжал «Breguet» в кулаке.

И вдруг почувствовал, что полон сил, что могу справиться с палачом. А еще на границе сознания мелькнула какая-то совсем уж дикая картинка, и я потянулся было за ней, чтобы рассмотреть внимательней... К черту! Надо сбросить с себя лысого очкарика, пока он не доконал меня.

Корпусом противоударных часов я врезал ему в висок.

Из-за борьбы я ослабел, поэтому не убил врага, а лишь слегка оглушил. Но и этого оказалось достаточно, чтобы сбросить его с меня. Упав на спину, очкарик больше не предпринимал попыток узаконить мой латальный исход — кажется, так называется на сленге палачей убийство.

Я же пополз к пулемету, до которого было метра три, не больше. Всего-то три метра!



Но в данной ситуации эти считанные шаги приравнивались чуть ли не к световым годам. Не преодолев и половины расстояния, я услышал: «Бросай оружие! И медленно подними руки!» Просьба показалась мне забавной потому, что: а) стволом завладеть я не успел, поэтому бросить его не мог; б) если я подниму руки из положения «на четырех костях», то непременно уткнусь лицом в асфальт, что травмоопасно. Ну да чего ожидать от местного спецназа, сумевшего пробраться в тупик через узенькую улочку, философских рассуждений или хотя бы отчетливых приказов?

Сдаваться я не собирался. Напротив, преодолев последние полтора метра кувырком, схватил пулемет и, развернувшись лицом к спецназу, даже успел разок нажать на спуск. А в следующий миг реальность передо мной превратилась в четко разделенную на квадраты матрицу, которая набросилась на меня и сшибла с ног. Так бывает, если из специального ружья в вас стреляют сетью, раскрывающейся в воздухе. Рыча проклятья, я попытался встать, но не тут-то было — сеть покрыли каким-то жутко липким составом, и чем больше я стремился к свободе, тем сильнее запутывался, пока окончательно не потерял способность двигаться.

Палача, который только-только пришел в себя, спеленали аналогичным образом. Извиваясь, точно червяк, он пополз ко мне. Рот его перекосило слюнявым оскалом. Да очкарик просто псих какой-то! Он же хочет вцепиться мне зубами в горло! Он не просто палач при исполнении, это что-то личное, раз он так люто меня ненавидит. Но за что?



До сегодняшней ночи я никогда не встречался с ним...

Командир спецназовцев коротко рявкнул приказ своим бойцам. Они тут же повесили автоматы на плечи. Я с облегчением выдохнул — все-таки приятней, когда в тебя не целятся — и рано обрадовался, ведь бойцы вытащили из набедренных кобур здоровенные черные пистолеты.

Не обращая внимания на спецназ, палач настойчиво полз ко мне, обещая избавить мир от подонка, то есть от меня.

— Огонь! — прозвучала команда.

Бойцы выстрелили.

Хотелось бы, конечно, чтоб они промазали, но...

Попали, сволочи. И в палача попали, и в меня. Не знаю как лысому, но мне это очень не понравилось. Все тело от пяток до затылка пронзила боль, мышцы свело судорогой. Повезло, стреляли всего лишь из электрошокеров. Нас чуток покорчило, пока нам завязывали глаза — палачу первому, потом мне.

Итак, мы попались.

И, к сожалению, наш плен продлится недолго — скоро нас сожгут на потеху толпе.

* * *

Зачем с него сняли сеть и обувь, Заур не понял.

Зато с повязкой на глазах все ясно. Ее сорвали, чтобы подвергнуть его искусу.

Он моргнул, потом еще раз, но ванна-джакузи размером с бассейн олимпийского резерва не исчез-



ла. А вместе с ней не провалились в преисподнюю и обнаженные девицы. Задорно смеясь, суккубы плескались среди пузырей. Лежа на диванах, иные блудницы, тоже не утруждавшие себя поиском одежды, уничтожали свой разум посредством бронзовых трубок и опиума. Их менее притягательные подруги валились на циновках и «курили бамбук» — втягивали наркотический дым через высушенные стебли.

Палач заставил себя отвести взгляд от пропитанной гормонами плоти.

Все вокруг — стены, потолок, пол — светлых оттенков: бежевое, кремовое, белое. И обтянуто шелком или же хлопком. Много свободного пространства — и минимум вещей и мебели, шкафы заподлицо со стенами. В нише-токонаме на деревянной подставке лежал меч. Фоном ему служил ощерившийся дракон, отличительный знак клана. Меч — насколько Заур мог судить на расстоянии — заводской син-гунто с рукоятью из штампованного алюминия без оплетки. Китайский наводел. Хотя... Может, и японская игрушка времен Второй Мировой. Тогда приветствовалось возрождение самурайских традиций.

Откуда палач все это знает? Иметь дело с различным оружием, новым и стариным — часть его работы.

Стену слева полностью занимал огромный экран. Волны на нем раз за разом атаковали песчаный берег. Из-за горизонта неспешно выбиралось солнце, освещая не только море, но и подернутое облаками небо. Похоже, картинка демонстрируется в режиме реального времени, а шум прибоя не слышен из-за



смеха блудниц... Горшок с бонсай — карликовой вишней — не привлекал внимания. И вообще заметно, что обстановка призвана успокаивать, настраивать на мирный лад — там, снаружи, безумный мир со всеми его проблемами, войнами и эпидемиями, а здесь нет ничего такого, тут *нормально*.

Из-за обуви — точнее, ее отсутствия на ногах — Заур окончательно уверился, что хозяин дома уважает японские традиции. Разве что столовая с чайным подиумом, европейским столом и баром отделена от остального помещения не бумажными ширмами, а перегородками из матового стекла.

Не вставая с пола, палач дернулся. Азиатский спецназ не спешил удаляться. Впрочем, Заура не очень-то беспокоило то, что за спиной у него торчат люди с автоматами наперевес. Пока он интересен их хозяину, — а иначе убили бы на месте, а не притащили сюда — ничто ему не угрожает. Скорее спецы должны озабочиться собственной безопасностью. Ведь у него свободны руки и ноги, а значит, он уже вооружен.

— А где тут сад камней? Как в этом году камешки? Хорошо цвели? Осень урожайной будет? — Заур услышал и увидел Края. Только грешника втолкнули в помещение, усадили на пол и сняли повязку с глаз, как он с серьезным видом понес полную чушь: — А плоды куда деваете? На варенье? Или компот варите?

Край принципиально не замечал Заура, будто не сидел тот метрах в четырех, а то и ближе.

Кулаки сжались, палач дернулся было к заклятому врагу...



— Не рыпайся! — велели сзади.
И все же он вскочил.

Его повалили, ткнули разок в горло электрошокером. В голове взорвался снаряд, позвоночник заменили раскаленным добела ломом.

— Кстати, друзья, а вы в курсе, что этот лысый — палач? — Край наградил Заура взглядом, в котором смешались спесь и презрение.

Если грешник хотел выдать слугу Закона преступникам, то опоздал — они уже знают, кто такой Заур: на циновке у джакузи лежали Знак и нательный крест — прежде чем освободить от сети, палача тщательно обыскивали.

Вдруг в обстановке что-то изменилось. Палач не сразу понял, что именно — стал слышен шум прибоя, его не заглушал больше смех блудниц. Все в помещении замолчали. Край тоже.

Заур оторвал лицо от циновки и увидел мужчину, от которого веяло властью.

Куртка, выкроенная как кимоно дзюдоиста, но с капюшоном и накладными карманами, ладно сидела на высокой — два метра с лишком — фигуре того, кто только что вошел в псевдояпонские хоромы. Лицо его избороздили множество глубоких шрамов, будто на нем не единожды шинковали капусту. Оно было незнакомо палачу, который раз в неделю просматривал базу данных на самых известных грешников страны. В папке «Ронин» подразделы «фото» и «видео» пустовали: главарь клана «Азия» умел хранить инкогнито. Вот и сейчас он, — палач не сомневался, что это Ронин — показавшись на миг, надвинул капюшон пониже, будто стеснялся своей внешности.



Подсознательно Заур ожидал, что хозяин Барабана окажется японцем. Обстановка к тому располагала, что ли. Но все сходство с уроженцами Страны Восходящего Солнца заканчивалось на «кимоно».

На счету Ронина столько грехов, что впору открывать отдельный ад, чтобы поместить туда его мерзкую душонку. Убийства, торговля людьми и органами, наркотики, проституция, экспорт оружия странам третьего мира — в том числе и оружия массового уничтожения, — теракты, нелегальный оборот алмазов, вывоз национального достояния за рубеж... Был ли хоть один Закон в УК, который не нарушил бы главарь клана «Азия»? Да в сравнении с ним Край — сущий ангел Господень!

Далеко не каждому палачу выпадает шанс узаконить такого грешника. А тут — два преступника мирового масштаба под одной крышей с Зауром, у одного с ним джакузи. И оба смертельно опасны, оба — еще те демоны.

Вот только к Краю у Заура особый интерес, сугубо личный. А Ронин подождет, никуда не денется от правосудия.

Блудницы дружно вынырнули из вспененной воды и утащили прочь своих обкурившихся подруг.

— Эй, девчонки, вы куда?! — Край всплеснул руками. — Как же я без вас помирать буду?! Глянул же на попку голую — и смерть не страшна!

Палач поморщился. Ему претили похабные речи грешника.

У самого потолка шмыгнуло крылатое тельце, село на плечо Ронина. Сокол или ястреб, Заур не очень силен в зоологии. Насестом пташка выбрала то са-



мое плечо, у которого не было продолжения, — правая рука у Ронина отсутствовала напрочь. Если верить скучной инфе, добытой осведомителями, конечность оттяпали в бою мечом. Заур покосился на сингунто.

Перехватив взгляд, Ронин кивнул, чем подтвердил догадку палача, и прошелестел так, точно его голосовые связки замариновали в соляной кислоте и загорели:

— Та самая железка.

Заур провел ладонью по лысине. Он не любил, когда его мысли угадывают.

В составе экспедиционного корпуса Ронин подавлял восстание на Окинаве. Местные управлятели были настолько бедны, что не смогли обеспечить украинских вояк оружием. Те сражались голыми руками. А некоторые потом — и без рук. Есть сведения, что ударом своего единственного кулака Ронин походя разбивает силикатный кирпич, а если не в духе, может сломать бетонный столб. Глядя на широкие плечи гиганта, Заур засомневался, что это всего лишь домыслы.

— Рвать цветы легко и просто детям маленького роста. Но тому, кто так высок, нелегко сорвать цветок¹, — нараспив продекламировал Край.

А ведь дурашливость его — показная, понял Заур. На самом-то деле Краевой на взводе. Его выдавал цвет лица — кровь отхлынула, щеки и лоб — точно молоко. Он предельно сосредоточен и ждет подходящего момента, чтобы атаковать, а

¹ Стихотворение «Жираф» С.Я. Маршака.



трепом своим отвлекает противника. И главное — его мало занимает палач, он полностью занят Ронином.

Главарь клана «Азия» будто специально подыграл Краю.

— Свободны, — велел он своим бойцам.

Те беспрекословно удалились вслед за суккубами.

Только последний скрылся за мощной бронированной дверью, захлопнувшейся гулко, надежно, Край бросился на Ронина. Одновременно к нему самому устремился палач, а с плеча Ронина сорвалась птица — и нацелилась в лицо Заура. Пришлось отклониться, чтобы защитить глаза — на когтях сокола блестели стальные насадки.

Главарь клана встретил Края мощным ударом ногой в живот — атакующего аж опрокинуло на спину. Хватая ртом воздух, Край приподнялся на локтях и едва успел откатиться в сторону — пятка Ронина едва не раздробила ему череп.

Когти птицы лишь слегка оцарапали кожу на лысом черепе. Пока она разворачивалась в воздухе, чтобы вновь напасть, Заур метнулся к Краевому, не успевшему еще встать с пола. Ронин всего на миг отвлекся на палача — ударил кулаком в солнечное сплетение, но Край успел вскочить. Он зашел к Ронину в тыл. На его месте палач поступил бы так же. Плевать на благородство и прочую высокопарную чушь из книжек для подростков, когда на кону жизнь.

Маневр удался. Край захватил руку Ронина, завел за спину. Подсечка — и гигант на коленях.

Заур присел, чтобы увернуться от проклятой птицы.



Потребовав привести какого-то Патрика, не то он оторвет козлине последнюю лапу, Край так завершил свой монолог:

— Не такой уж ты крутой, Ронин!

И вновь он оказался на полу.

Как это произошло, палач не понял — Ронин двигался уж очень быстро. Только что Край был победителем, а теперь гигант возвышается над ним, готовясь нанести последний удар, и лицо его бесстрастно — и это не пугало, но напрягало, что ли. Лучше бы главарь «азиатов» улыбался, или же глаза его яростно сверкали в предвкушении гибели Края. Пусть им владели хоть какие-то эмоции. Это означало бы, что он всего лишь человек и у него есть чувства. Но нет, Ронин холоден, как арктический айсберг. Как демон ада, если демоны могут быть холодными.

Спасаясь от нападок птицы, палач очутился у ниши-токонамы. Рукоять син-гунто сама легла в ладонь.

Выдернув клинок из ножен, Заур кинулся на Ронина. Меч должен был разрубить однорукому гиганту ключицу, но в последний момент Ронин уклонился, так что сталь рассекла лишь воздух. А потом рукоять вырвало из пальцев — это гигант обезоружил палача и ударил его лбом в лицо.

Заур упал спиной на что-то твердое. Похоже, на трубку для курения опиума. Ронин взмахнул мечом над головой. Схватив трубку, палач подставил ее под удар.

И лишь прикрывшись уже от клинка с односторонней заточкой, он почувствовал, что трубка слишком легкая. Не бронза, а бамбук!..



Острая, как бритва, сталь запросто перерубила полую деревяшку.

И замерла в сантиметре от лысого черепа.

* * *

Хлопнув крыльями, сокол сел на плечо Ронина.

Изо всех сил изображая потерю сознания, я вновь не кинулся на «азиата» только потому, что ждал, когда он наконец-то избавит меня от палача. Лысый очкарик оказался весьма проворным малым, настойчивым в своем желании расправиться со мной, так что я не прочь был распрощаться с ним навсегда. И если кто грохнет его вместо меня, то честь и хвала этому герою, я лично пожму ему руку — после того, как он вернет мне Патрика.

— Ну же, Ронин, давай! — не выдержал я, потому что казнь затягивалась. — Вали его, и разберемся, как мужчина с мужчиной, без дешевых фокусов вроде дрессированного попугая!

К нашей мирно беседующей троице — «попугай» не в счет — присоединилось жирное тело в байкерской куртке.

— «Хиросимы» хочешь, а, Макс? — Недобро щурясь на меня, главарь «Ангелов Зоны» проследовал из-за бронированной двери к Ронину и тряхнул армейской флягой, из которой плеснуло на пол. Запахло самогоном, настоящим на перце, чабреце и мяте. И без того мерзкую рожу Гордея Юрьева по прозвищу Рыбачка Соня сделала совсем уж уродливой кривая ухмылка.



Я прикусил губу. Вот уж кого меньше всего ожидал тут увидеть. В силу своих многочисленных достоинств я никогда не испытывал недостатка во врагах. Скучно жить так, чтобы тебя все любили. Хороший человек просто обязан быть окружен сволочами или хотя бы подонками.

— Привет, Юрек! Как жизнь? Давно не виделись. — Подумав, я добавил: — Ты чего в Вавилоне забыл? Соскучился?

На явлении Рыбачки народу сюрпризы не закончились. Вслед за ним в помещение для разборок впорхнула Милена. Причем незаметно было, чтоб ее кто-то держал или еще как принуждал.

— А тебе бы, Край, все валяться да бездельничать, когда действовать нужно. — Милена презрительно скривилась. — Вот и в постели ты такой же. Лузер!

Волосы у нее распущены, но на голове порядок. Макияж тоже вполне. На одежде нет следов борьбы, никто ее за платье не хватал. Предала? Ну, это не впервой. От моей бывшей супруги любых пакостей ожидать можно, с нее станется. Или?.. Почему она вообще с Рыбачкой чуть ли не под ручку и попкой едва не виляет? Нет, я не ревную, что вы. Я знаю, что у нее бывают любовники, и меня это совершенно не волнует. С чего бы мне волноваться за каких-то незнакомых мужчин?

Напоровшись на мой ответный взгляд, Милена смутилась, опустила глаза:

— Я все сделала, как ты велел. Я затаилась!

Огорчившись, что Ронин отвел меч от лысины палача, я поднялся с пола, хотя нападать на одно-



рукого дылду все еще не спешил. Интуиция подсказывала, что расклад куда сложнее, чем хотелось бы.

Встав рядом с Рыбачкой, — типа носатый байкер защитит ее, если что — Милена продолжила:

— Ну, почти затаилась. Сначала я заглянула к своему стилисту. Не могла же снять номер в мотеле, не заглянув к своему стилисту? А еще я позвонила своему психоаналитику...

Я крепко-крепко зажмурился. Вместо того чтобы тихонечко залечь на дно, моя благоверная чуть ли не всему Вавилону растрепала о том, где она и какие у нее планы. Короче говоря, добры молодцы-байкеры во главе с Рыбачкой взяли ее на выходе из салона красоты. На кушетку к своему мозгоправу она так и не легла.

— Поворковали, голубки? — Голос Ронина был похож на тот звук, что издает шмат пенопласта, стираясь об асфальт.

Палач хотел было встать, но кончик меча, вновь оказавшись в опасной близости от лысины, намекал, что торопиться не стоит.

— Надеюсь, всем тут понятно, что вы полностью в моей власти? — Ронин положил меч на подставку. Сокол на его плече расправил крылья. — И только я решаю здесь, когда и кому пролить кровь?

Милена кивнула, Рыбачка приложился к фляге с пойлом, а палач и я просто сделали вид, что не услышали.

— Это хорошо, что мы достигли взаимопонимания. — Из кармана «кимоно» однорукий верзила вытащил пульт, нажал на кнопку, и картинка на здо-



ровенном телеке на всю стену изменилась. Море и пляж уступили место записи из клуба «Азия», прямо из кабинета Чингиза.

Забавно посмотреть на себя со стороны. Интересно, знал ли мой фронтовой товарищ, что принимает участие в реалити-шоу? Вряд ли.

Опять точно провели пенопластом по асфальту:

— Край, напрасно ты так сурово разобрался с моим парнем.

Я пожал плечами. Умереть от излишка спирта в крови — не это ли цель жизни любого алконаута? Я лишь помог Чингизу максимально приблизить счастливый момент растворения личности в бутылке. Кстати, Ронин не сказал прямо, что «парень» скопытился. А значит...

— Хорошо, что ты сам пришел в наш клуб. Но, сбежав, ты поспешил, Макс. Ты создал себе множество проблем, которые, правда, и успешно разрулил. Посидел бы в гостях у Чингиза, — жив он, если интересно — а потом тебя привезли бы сюда. Мне, как хозяину Вавилона, давно хотелось познакомиться лично. А так столько всего ты наворотил, столько набедокурил...

В ответ я и не подумал скрывать смех. Главарь любой задрипаной группировки в этом городе мнит себя боссом чуть ли не Вселенной с окрестностями. Ронин в этом смысле не исключение. Надо же, хозяин Вавилона!

— Чай? Покушать? Присаживайтесь, чувствуйте себя как дома. — Удивительно, но это прозвучало не как приказ. Ронин действительно приглашал гостей разделить с ним утреннюю трапезу.



— Для завтрака, пожалуй, рановато... — буркнул я.

После драки его приветливость показалась аж не-приличной. Это так выбило меня из колеи, что я принял приглашение и плюхнулся на татами напротив однорукого самурая. Палач, Милена и Рыбачка сели с нами. Причем палач глаз не сводил с Милены, прямо прикипел к ней взглядом. А так точно кинулся бы на меня вопреки прозрачному намеку хозяина насчет того, кто тут раздает тумаки, а кто их получает.

Да уж, ничего нет вкуснее, чем закусить в компании лучших друзей...

Из-за двери потянулись вереницей уже одетые девицы. Они принесли небольшой столик, чашки, чайник, тарелки с бутербродами и круассанами и быстремько отвалили. Одна мне очень понравилась — попка аккуратная, упругая, грудь тоже ничего, коса до коленок. Пригласить бы ее ко мне в «Янтарь» на кожаный диванчик — вместо блондинки...

— Я знаю о твоей проблеме, Край, — проскрежетал Ронин, вмиг развеяв романтичность момента. — И готов тебе помочь.

Надо же, какой альтруист выискался! Прямо добрых дел мастер: скворечники вешает, старушек через дорогу переводит. Ну-ну. Вот только Макс Край не старушка. Со мной нельзя так — сначала выкрасть сына, а потом обтяпать дельце так, чтобы благодарный папочка был должен похитителю до конца жизни.

Я потянулся за чашкой, чтобы выплеснуть кипяток в лицо Ронину, а там — будь что будет.

— Твой сын...



Пальцы коснулись керамической ручки.

— Ты думаешь, Край, это я его выкрад. Ты ошибаешься. Ни я, ни мой клан не при чем.

Сказанное одноруким заставило меня отказаться от радикальных действий. Я не поверил ни единому слову Ронина, но...

Нужно было что-то сказать в ответ:

— А «попугай» твой говорит «Попка дурак»?

— Максим, тебе не кажется, что сейчас не время... — начала было Милена, но я жестом велел ей помолчать, и она — о, чудо! — таки заткнулась.

Умеющий держать себя в руках, — хотя бы в одной — способен и складно лгать, и скрывать свои намерения. Проверено жизнью. Надо зацепить, поддеть главаря «азиатов», вывести из себя, чтобы заговорил с чувством, а значит — искренне, а не как сейчас — невозмутимо и пресно, будто он вслух читает инструкцию к микроволновке, а не обсуждает судьбу моего мальчика.

Мимо. Ронин предпочел не заметить издевки. Зато, уставившись на меня, гневно заклекотал его скол. Уверен: с птицей не все так просто. Странная пичуга, слишком уж умная, что ли.

— Проблема у нас общая, Край. — Ронин повернулся голову к палачу: — И ты, Заур, лучший палач Киева, нам поможешь. Мне и Краю. И Рыбачка поможет.

Кивнув, байкер вновь поднес флягу ко рту, но то ли не рассчитал, то ли подавился — закашлялся, по подбородку потекло. Из всех приглашенных на званный завтрак он, похоже, единственный, кто в курсе планов хозяина дома.



— Помочь тебе, грешник?! И Краю помочь, этому отъявленному подонку, место которого в аду?! — У лысого под очками глаза аж округлились, так его возмутило заявление Ронина. Он раз пять провел ладонью по черепу, прежде чем сумел выдавить: — Узаконить вас обоих — вот, что мне надо сделать прямо сейчас!

Я буквально почувствовал, как напряглось его тело — за миг до атаки. Сейчас он прыгнет на меня...

— Больничные счета вовремя оплачиваешь, а, Заур? — Только Ронин открыл свой рот, мне захотелось заткнуть себе уши. — Ты здесь, Заур, а больница в Киеве. Один мой звонок — и твои финансовые проблемы тотчас решатся.

В ладони-лопате Ронина сам собой возник телефон.

Лицо палача не побелело даже, оно стало землисто-серым. На виске вздулась венка.

— Ты хочешь купить меня, грешник?

— Заур, я вовсе не предлагаю тебе деньги. Я могу устраниТЬ источник твоих трат иначе. Понял уже, о чём я?

Выставив перед собой руки, палач сжал их в кулаки. С самого начала застолья я ждал, что он затеет драку. Вот только он не напал. Он будто уперся в такую непробиваемую стену, что бетон в сравнении с ней — папиросная бумага. Палач — страшный противник, как я уже убедился — заскрипел зубами, из глотки его вырвалось рычание загнанного в угол хищника.

Один готов. На крючке по самые гланцы. Ронин шантажирует его какой-то больницей. И шантаж



этот настолько действенный, что палач сразу отказался от планов убить «отъявленного подонка».

Интересно, как «азиат» собирается перетащить на Темную Сторону Силы меня?

— Итак, я хотел бы изложить вам суть проблемы, друзья. — Однорукий верзила потянулся за чашечкой с чаем.

— Тамбовский волк тебе... — Договорить мне не дала чертова пташка — сорвавшись с плеча Ронина, она ударила меня крылом по лицу.

Намек понял, перебивать не буду.

Сделав круг над нашими головами, сокол вернулся к хозяину, который, как ни в чем не бывало, отпив чуть из чашки, продолжил:

— Не так давно мои помощники обнаружили кое-какие несоответствия в отгрузках одного специфического товара за пределы города.

Глаза Ронина блеснули из-под капюшона. Он ждал от меня вопроса.

— Наркота? — проявил любознательность я. — Через аэропорт?

«Азиат» кивнул. Его сокол щелкнул клювом.

— Мы тут начали выяснять... И чтобы разобраться с непонятками, пригласили в Вавилон Рыбачку вместе с его ребятами. Правда, неофициально, но...

Носатый наш Гордей, значит, просто наемник. За бабло здесь. Или Ронин пообещал ему какой-то бонус? Меня, к примеру, выдать на растерзание? А что, очень может быть... Я подмигнул Рыбачке, и тот, вновь подавившись перцовкой, закашлялся. Своим главарь «азиатов» не доверяет, потому и пользуется сторонней помощью: «африканцев» вот нанял, что-



бы Милену выкрасть... Картинка происходящего постепенно прорисовывалась у меня в голове, пока Ронин продолжал вещать о своих бедах, которые меня ничуть не занимали.

— ...Позавчера на борту моего самолета обнаружился большой груз порошка в пакетиках с ангелами.

А вот услышав это, я постарался ничем не выдать свою заинтересованность.

— В нашем городе становится все популярнее новая дурь, которая называется «манна небесная», проще — «манна».

— Греховное искажение, — процедил сквозь зубы палач. — Богохульство!

— Точно, — Ронин и не думал с ним спорить. — Так вот «манну» эту фасуют как раз в те самые пакетики с ангелами. Мои лучшие химики работают над тем, чтобы выяснить состав «манны».

— И что? — Милена скрестила руки на груди, всем своим видом показывая, что никак не может понять, на кой Ронин все это рассказывает.

— И ничего. — Чашечка в руке «азиата» опасно накренилась. Если б не была уже пуста, содержимое пролилось бы ему на «кимоно». — Третий сутки боятся — и ничего. Какой-то бред несут.

— Бред? — переспросил я.

— Говорят, на Земле нет таких веществ. — Птица на плече Ронина нервно дернула головой.

В японских хоромах повисла тишина.

— Зеленые человечки, да?! — Рыбачка расхохотался, отчего и так красное его лицо стало пунцовым. — Наркоту для вавилонской братвы в космосе бодяжат?!



Его веселье никто не поддержал.

— Мы выяснили, что дурь с ангелами распространяется лишь среди подростков. Ни один ветеран, ни одна шлюха с улицы купить ее не может. А знаешь, Край, почему?

Я не знал, поэтому мотнул головой.

— Потому что дурь эту толкают только через доверенных людей. И одного желания ее попробовать мало. Тебя должны выбрать. Именно это принесло «манне» небывалую популярность. А выбирают только подростков, и денег с них не берут.

— Вы хотите сказать, что «манна» абсолютно бесплатна? — Милена взяла с тарелки бутерброд с ветчиной. Она все еще не врубается. — То есть дилеры никак не наживаются на наркоманах? Но это же глупо. Это лишено всякого смысла.

Ронин поставил пустую чашку на столик.

— Лишено, лучше не скажешь. Но это еще можно объяснить: маркетинговый ход, продвижение нового товара на рынок, привлечение клиентов... А вот что действительно непонятно: дурь не вызывает привыкания и после нее не бывает ломки.

Чем дольше он говорил, тем больше мне все это не нравилось. А еще я никак не мог понять, как мой сын может быть замешан во всей этой истории, ведь я предупреждал его о вреде психотропных веществ много раз, и Милена, знаю, оберегала его от дурного влияния сверстников. Может, тот пустой пакетик с проштампованным ангелом, найденный под ноутбуком, вовсе не Патрика? Просто случайно у него оказался. Подобрал малыш на улице. Правда, он никогда до этого не тащил в квартиру мусор...



— Почитатели «манны» создали в Вавилоне анклав для единомышленников. Они называют это место Парадизом.

— Богохульники! — Выкрик палача остался без внимания.

— В этот анклав, — продолжал Ронин, — уходят подростки. Многим из них вскоре предстояло отправиться в армию и на очередную войну. Анклав дает им защиту, он закрыт для посторонних. Даже я не могу туда попасть.

Потухший было экран телевизора вновь загорелся. На сей раз на нем отобразился стадион. Трибуны переполнены — и ни одного взрослого, сплошь подростки: практически мальчишки еще сопливые и такие же девчонки. Потом камера, резко метнувшись, показала святого отца Асахару, того самого, чью рекламу я видел в троллейбусе, когда ехал на квартиру к Милене. Если б не его странное имечко и дорогие часы, я б его вообще не запомнил. И вот его рожу нам показывает сам Ронин. Совпадение? Вряд ли.

— Ну и на кой нам этот сектант? — Милена швырнула бутерброд обратно на тарелку.

Ронин проигнорировал ее вопрос.

— Человек, снявший это видео, погиб, — сказал он тихо, чуть ли не прошептал, — но все же сумел передать запись моим людям.

— Зачем мне все это показывают?! Мой сын исчез, а я теряю время... — моя благоверная мгновенно превратилась в разъяренную фурию. Рыбачка чуть отодвинулся от нее.

Я привычно не слушал ее истеричные выкрики. Тем более, на экране началось нечто вроде... Нет,



это не оргия, как я подумал сначала. Если бы детки сбросили с себя одежды, это сошло бы за порнуху на древнеримскую тему, а так молодые люди просто взялись за руки, и на их лицах застыли улыбки искренней радости, прямо-таки неземного блаженства.

И вот тут я увидел на экране кое-что, из-за чего мое сердце забилось быстрее. Оборвав визгливый монолог на полуслове, Милена вскрикнула. Значит, мне не показалось.

— Отмотай чуть. И медленно, пожалуйста, — мой голос дрожал.

Ронина не пришлось долго уговаривать.

На экране опять возникло лицо Патрика.

Мой сын улыбался.

Милена и я вскочили одновременно. Жестом Ронин велел нам молчать. Скрипнув зубами, я подчинился. Моя бывшая медленно села, обхватила себя руками.

Все было просто: Ронин рыл инфу на Парадиз и распространителей «манны», одного из них почти взяли уже, но тут вмешался Патрик, на квартиру к нему послали бойцов-«африканцев», — все-таки их сектор — но те моего парня не нашли и поэтому, чтобы не уходить с пустыми руками, прихватили Милену. Патрика же каким-то образом заманили в Парадиз. И теперь Ронин хочет, чтобы я и палач, Милена и банда байкеров во главе с Рыбачкой проникли в сектантское гнездо и разнесли там все к чертовой матери.

— Почему мы? Почему Рыбачка? — вот этого я действительно не понял. — У тебя же целая армия, вертолеты, бойцы в экзо, танки...



— Этим... сектантам... — птица на плече Ронина растопырила крылья. — Им оказывают содействие очень серьезные люди, против которых я не могу пойти. Ничто не должно указывать на мою причастность к разгрому Парадиза. Вот зачем нужна ваша помощь. Со своей же стороны я гарантирую всяческое содействие и самое современное оружие, какое только понадобится.

Учитывая, что «азиаты» в последнее время активно закупали зенитные комплексы и мины, будто готовились к войне, Ронин высоко оценивал угрозу, исходящую от кучки религиозных фанатиков. Что-то здесь нечисто...

— Я уверен, вы все пойдете до конца, — главарь клана «Азия» поднялся, тем самым показав, что разговор окончен.

— С чего бы? — подал голос палач.

— У каждого из вас есть свой интерес в этом деле. Хочешь, Заур, подскажу, ради чего *еще* ты можешь стараться? У тебя есть шанс наказать тех, кто одурманивает наркотиками молодежь. У Края и Милены интерес общий, но иной — они ищут сына. Кстати, ни один волосок не должен упасть с их голов по твоей, Заур, вине. Тебя, Рыбачка, это тоже касается.

— Вот насчет моего старинного друга Юрка я и хотел спросить. — Я подал руку бывшей супруге. — У Рыбачки тут какой интерес?

Ответил мне сам главарь байкеров:

— Деньги. Уважаемый Ронин обещал хорошо заплатить. К тому же, после штурма он не против того, чтобы твоя башка украсила полку над моим камином.



Я не ошибся: Гордей Юрьев горит желанием отомстить мне за дела давно минувших дней. Что ж, когда-то я хорошенько его подставил — натравил на «Ангелов Зоны» ОМОН. Было это еще до того, как милицию упраздили.

— Полка над камином? — Милена с интересом взглянула на Рыбачку. — Гордей, ты обзавелся недвижимостью?

— Еще нет, но ради такого случая... — байкер подмигнул моей бывшей. — Скоро мне понадобится достойная хозяйка очага. Так что, красотка, покатаешься на моем железном коне?

Милена ответила ему кокетливой улыбкой. Не знай я ее много лет, решил бы, что блондинка воспылала пламенной страстью к «Ангелу». Ничего подобного. Просто она приручает Гордея, чтобы потом использовать его по максимуму.

Однако Рыбачка не поддался ее женскому коварству:

— Со мной поедешь, ясно? Это чтобы твой муженек не сбежал ненароком. Слышь, Край, если не твоя башка, то милая головка твоей шлюхи станет моей.

Моя бывшая враз перестала скалиться.

Я закатил глаза. Этот придурок в кожанке правда думает, что меня можно этим шантажировать?..

Впрочем, сбегать я все равно не собирался. Ронин сказал верно, у каждого из нас есть личный интерес в этом деле.

Оставалось уточнить одно:

— Когда атакуем Парадиз?



Глава 7

ДВОЕ НА «САМОУБИЙЦЕ»

Пальцы Асахары вцепились в часы. «Точно когти хищной птицы», — мозг тотчас подсказал приличествующую моменту метафору. Циферблат и само стекло вспыхнули зеленоватым светом. Тело святого отца затряслось, точно в припадке. Так его нервная система реагировала на вторжение в мозг огромного количества информации. Из носа хлынуло алым, полилось на белые шелка.

Подобные процедуры необходимо проводить регулярно, чтобы не забыть, кто есть святой отец на самом деле, каков он и откуда, и какая цель им движет. Так легко в чужом обличье перестать быть собой, раствориться в реалиях нового мира, почувствовав вкус принципиально иной жизни.

Тот, кто забывает себя, начинает сомневаться в необходимости Всеобщего Единения, что недопустимо.

— Святой отец, ваше приказание исполнено.

Асахара открыл глаза. Перед ним согнулся в поклоне слуга из местных — парень в бандане с черепами. Он положил на стол пустые пакетики из-под порошка. На всех пакетиках — давняя традиция — изображен Праородитель. Троица послушников, получивших дозу, застыла в ожидании. Юные лица, восторженные глаза, худощавые тела... И тела эти с помощью инъекций или орально можно — и должно! — превратить в источники энергии. Для начала Асахара воспользуется телом девушки с косичками.



Святой отец вытер нос рукавом. После процедуры обновления данных острее запахло скошенной травой. Из-за особенностей атмосферы этого мира поворот планеты к светилу сопровождается специфическим световым явлением — рассветом, который как раз начался.

— Хочешь? — Преодолев легкое сопротивление, Асахара расстегнул ремешок часов, потянул их на себя — корпус с тихим чмоком отделился от кожи. — Это подарок.

Девушка, к которой он обращался, мотнула головой, косички дернулись. Что ж, святой отец сам может подойти. Заодно проверит, восстановились ли двигательные функции.

Он поймал девушку за локоть и приложил часы к ее запястью. Троица дружно ахнула, когда ремешок сам застегнулся. Слуга лишь презрительно скривился.

— Настоящее чудо, не правда ли? — подмигнул Асахара рыжеволосому парню, стоящему чуть левее, потом перевел взгляд на третьего послушника, серое лицо которого покрывали прыщи. В ответ тот оскалбился, продемонстрировав щербатую челюсть. — А сейчас начнется самое главное чудо.

Циферблат вспыхнул зеленым. Секунду спустя девушка задрожала, рот ее открылся в немом крике.

А потом та часть ее мозга, что отвечает за речь, разблокировалась:

— Вы!.. Вы — чудовище! То, что вы задумали, это... это...

Она покачнулась, сделала неуверенный шагок к Асахаре. Мозг, занятый обработкой огромного мас-



сива информации, практически не управлял ее телом. Хорошо хоть сфинктер не расслабился, а то прецеденты бывали...

Всё это — девочка, часы — не обязательно, даже небольшое нарушение протокола. Но в Пути надо хоть немного расслабляться, вот Асахара и развлекается помаленьку. Иначе можно свихнуться, как говорят местные, выполняя одну и ту же работу по одному и тому же алгоритму много миров и лет подряд. Да, везде есть свои особенности, но суть от этого не меняется. Сначала разведка, подготовка плацдарма, а потом...

Потом Вторжение и Прыжок дальше. Изредка случаются Привалы, но последний был так давно.

— Не надо же! Ну что же вы! — Щербатый попытался сорвать с девушки часы.

Ментальным ударом святой отец мог сломать его, поставить на колени. Но зачем размениваться на мелочи? Короткий, неслышный никому из присутствующих приказ — из поднебесья метнулась вниз быстрая крылатая тень, когти вцепились в спину подростка, подняли его в воздух. Испугавшись, он закричал не сразу, а только очутившись метрах в двадцати от поверхности планеты. Тотчас когти разжались, тело, кувыркнувшись в воздухе, врезалось в такую мягкую на ощупь траву, измазало ее кровью и застыло, изогнувшись под неестественным для этого вида существ углом.

— Чудовище!.. Остановить!.. Вы!..

Девочка шла к Асахаре. Рыжий с криком побежал прочь. Слуга опустился на колени и обхватил голову руками. Святой отец шумно втягивал воздух, но-



здри его трепетали. Его волновала смесь ароматов страха и скошенной травы.

Крылатая тень атаковала вновь — и рыжий не добрался до нынче пустующих трибун.

Асахара позволил девушке подойти ближе и вцепиться скрюченными пальцами ему в горло. Ее лицо исказил страх, когда ногти вместе с фалангами без труда проткнули его кожу — он чуточку ослабил целостность оболочки и сразу вновь закрепил ее. Девушка попыталась вырваться, потянула руки на себя, но ее пальцы крепко увязли в шее святого отца. Они стали одним целым с его плотью. Кровеносные сосуды срослись, волоски нервов объединились, по ним Асахара передал образ того, что сейчас случится с его жертвой.

Девушка закричала.

Асахара, вскинув лицо к небу, расхохотался.

...Минут пять спустя, когда от девушки не осталось даже косичек, он подошел к распростертому ниц слуге и пнул его ногой в ребра.

— Пора под землю. — Лицо Асахары поплыло, черты изменились до неузнаваемости.

* * *

«Откуда Ронин знает о больничных счетах?» — эта мысль не давала палачу покоя. Он только об этом и думал. Край отошел на второй план. Узаконить Ронина сразу не получилось, теперь же на стороне однорукого грешника двое опытных бойцов — Край и Рыбачка — и блудница по имени Милена...



Под присмотром вооруженных «азиатов» их всех сопроводили к бронетранспортеру во дворе, окруженном высокими стенами. Стоило только, согнувшись пополам, загрузиться в десантное отделение — спецназ клана остался снаружи, — как дверцы-баки захлопнулись, и восьмиколесная машина сорвалась с места.

Плюхнувшись на съемное сидение, через втулки приваренное к ребрам жесткости днища, Заур осмотрелся. У низкого потолка, на листах перегородки силового отделения, под двумя пыльными плафонами горели лампочки. Изнутри на дверце красовалось фото обнаженной блудницы на мотоцикле. А пахло тут так, будто пару лет броневик использовали как склад ношенных носков. На сидениях и на полу лежали ящики, накрытые куском брезента, поэтому свободного пространства под броней было маловато. Зауру пришлось немного потесниться — рядом с ним устроилась блудница. От ее соседства палача кидало в жар куда сильнее, чем при виде Края, усевшегося напротив.

— Хочешь что-то спросить? — Грешник, наряженный в армейскую куртку и пятнистые штаны, подмигнул Зауру. — Не стесняйся, дружище, я за это денег не беру.

Дружище?.. Палача передернуло. И все же не стоит упускать возможность провести допрос.

— Знаком ли вам, гражданин Краевой, один человек... — начал он сугубо официально.

Не дослушав, Край его перебил:

— Один? Поверь, дружище, я знаю куда больше народу. Я вообще мужчина общительный.



Заур провел ладонью по черепу, после чего продолжил:

— У него бородавки на лбу, сломан нос и щека порвана так, что видны гнилые зубы.

— Знакомое лицо, очень знакомое... — Край не спешил с ответом.

Этот хитрец небось думает сейчас, зачем палач интересуется каким-то там третьесортным бандитом, ветераном африканской кампании бог знает какого года? А нужно, чтобы грешник отвечал сразу, не думая.

Заур повторил вопрос:

— Среди ваших знакомых, гражданин Краевой, есть люди, подходящие под описание?

— Ну-у...

— Отвечайте!

— Спокойней, дружище. Не дави на меня, я ж не задержанный и не подсудимый. Забыл? Ронин велел относиться ко мне с должным уважением, вытирая Максимке Краевому сопли, если надо, и задницу, если попрошу.

— Вы знаете человека с порванной щекой?! — Кулаки палача сжались.

Это не осталось без внимания блудницы.

— Да ответь ты ему что-нибудь уже, Край! — потребовала она. — Не хватало тут еще драки!

Хмыкнув, байкер присосался к своей бездонной фляге, а Край скорчил такую рожу, будто он оказывает одолжение:

— Да, я знаю одного похожего парня. Его зовут Бабуин. Когда-то он ходил под моим началом.

Заур недобро прищурился:



— И вместе вы, небось, много дел провернули?

— Ну, не то, чтобы много... — пожал плечами Край.

Перед глазами встал горящий Крещатик, в ушах загрохотали автоматные очереди, запахло паленым... Заур окончательно уверился, что нашел виновника того беспредела.

— Сволочь! — Он едва сдержался, чтобы не кинуться на грешника.

— Эй, кто-нибудь понял, что его разозлило? — деланно всплеснул руками Край. — Никто? Псих, да и только. И как таких в палачи берут? Медкомиссию что, отменили?

БТР резко остановился. Милена навалилась на Заура, Рыбачка — на Края.

— Все, приехали, выходим, — байкер завинтил крышку на своей фляге.

* * *

— Открывайте! Совсем там, что ли, охренели все?! — Рыбачка принялся колотить флягой по дверце чуть ниже фотографии, на которой милая девочка без исподнего оседлала стального скакуна известной американской марки. — Я что, сам должен?!

Дверцы распахнулись — и Гордея из десантного отделения буквально вынесли двое молодчиков. Оба едва стояли на ногах, настолько были уделаны. Их камуфляжные штаны и мотоциклетные кожаные куртки как бы намекали, что после армей-



ской службы парни подались в банду Рыбачки. Тот, который с какой-то радости воткнул в черные длинные волосы орлиные перья, отпустил сомнительный комплимент Милене — что-то вроде «Ты ничо так, я б тебя отымел». Выбранный череп второго молодчика украшала повязка-хатимаки. Этого ветерана больше заинтересовал палач — усадив Рыбачку в заранее принесенное кресло-качалку, он указал на очкарика пальцем и заявил, что знает его, где-то видел. Палач не снизошел до общения с парнем, просто выбрался из броневика и завертел головой по сторонам.

Милена и я последовали его примеру.

Как выяснилось, нас привезли на заброшенный склад, где «Ангелы Зоны» устроили штаб-квартиру на время визита в Вавилон. О том, что здесь обосновались байкеры, можно было догадаться и без целого стада мотоциклов — по совершенно нереальному количеству пустых пивных банок под ногами, по запаху бензина, «травки» и множеству стрелянных гильз на бетонном полу сплошь в разводах машинного масла. А еще посреди склада в треноге а-ля новогодняя елка торчал флаг банды — черное полотнище с распахнувшим крылья ангелом и соответствующей надписью латиницей.

Рыбачка закинул ногу на ногу и отвел в сторону руку — в ладонь ему тут же сунули только что открытую банку немецкого лагера.

Изрядно отхлебнув, — по подбородку и груди потекло — Гордей довольно рявкнул:

— «Ангелы», угадайте, что я вам привез?! Правильно, подарки!



Ответный восторженный рев едва не оглушил меня — в ушах зазвенело.

Один обнаженный по пояс придурак в алых шароварах в порыве радости принялся палить в крышу склада из «Абакана». Автомат он держал одной рукой, потому что вторая была занята изогнутой саблей, которой придурак активно размахивал. Грудь этого невменяемого была искалита татуировками-трезубцами, усы его свисали чуть ли не до пупа, а клок волос с бритой головы — оселедец — чуть ли не до задницы. Прямо настоящий казак-запорожец на чоппере, в прошлой жизни звавшемся «Минском». Из коляски чоппера торчало с десяток одноразовых РПГ «Муха» — хорошо хоть не из них казак в крышу стрелял.

— «Ангелы», налетай! — Пустая уже банка упала на пол, взамен Рыбачке сунули новую.

Байкер, на широком ремне которого болталась деревянная кобура — «маузер» у него там, что ли? — первым пробрался в десантное отделение броневика и принялся подтаскивать к дверям выкрашенные в зеленый деревянные ящики и ящики цинковые, что были прикрыты брезентом. Еще десятка два мотоциклистов — из тех, кто помоложе — принялисьносить эти ящики. Когда все выгрузили, крышки сбили. В ящиках лежало оружие — новенькое, в смазке. Автоматы, дробовики, пулеметы, снайперские винтовки, гранаты... Все это тут же делилось между бойцами. Время криков и беспорядочной пальбы прошло, на имидж свой байкеры поработали, теперь предстояло деловито и споро вооружиться, а это дело, как известно, не терпит суеты.



Рыбачка распорядился, чтобы нам тоже чуток выдали от его щедрот.

Мне, Милене и палачу тут же притащили по комплекту из разгрузки, АК-103, помпового дробовика, «стечкина» и десятка гранат. Последние тут же — Рыбачка гаркнул — унесли обратно.

— Зачем столько всего? — Выданный нам арсенал впечатлял, о чем и я сообщил Гордею. — В Падиже всего лишь сектанты, божьи одуванчики. Им религия, я уверен, насилие запрещает.

На самом деле я лукавил. Уже в гостях у Ронина стало понятно, что миссия нам предстоит непростая. Но хотелось подробностей. Увы, Рыбачка не спешил просветить меня — как легендарный Мальчиш-Кибальчиш хранил военную тайну.

Или просто не знал, что ответить.

— А патроны? — поинтересовалась Милена, нацепив поверх платья разгрузку. Жаль, никто не догадался выдать даме ботинки взамен туфель на высоком каблуке.

— А надо? — Рыбачка криво усмехнулся. Это у него типа чувство юмора прорезалось. — Все будет, но потом. А то еще глупить начнете... — И скомандовал своим: — По машинам!

За считанные секунды байкеры оседлали своих механических скакунов. Только теперь я заметил парней, которые вели наблюдение за периметром, чтобы никакой враг не подобрался к «Ангелам». Охрана последней села на мотоциклы, предварительно выдернув из треноги флаг, полотнище сняв и свернув. Древко, кстати, успешно превратилось в копье для ристалищ с отнюдь не тупым наконечни-



ком. Его вручили парню, у которого за спиной висел в колчане здоровенный лук с кучей примочек — такой, наверное, стоит как новенький «Харлей», что у лучника между ног. Какого рожна этот богатенький Буратино делал в банде Рыбачки, мне было решительно непонятно. Зато ясно одно: при всем своем показном разгильдяйстве, байкеры были сплоченным и хорошо организованным боевым отрядом.

— Красотка, давай ко мне, — позвал Рыбачка мою бывшую. — Прокачу с ветерком! А ты, Край, вместе с палачом принимай аппарат.

Он указал на нечто, заляпанное грязью, забрызганное маслом и ржавое там, где краска облупилась. Дерматин сидушки был то ли порван, то ли располовован тупым ножом. Из-под него торчала наружу какая-та волокнистая хрень вроде скомканной ваты, только не белая, а бежевая и, похоже, мокрая. И думать даже не хотелось, откуда взялась влажность. Я заставил себя отвести взгляд от сидушки. Так-с, разбито стекло на спидометре, руль заметно погнут... Но это все еще ничего в сравнении с горделивой надписью на мятом, будто по нему молотком лупили, баке. «Самоубийца» — очень оптимистично там вывел кто-то. Причем к буквам «о», «у» и «а» что-то присохло... Я ковырнул ногтем. Черт! Да это же кровь!

— Я что, должен на *этом* ехать? — мой мозг отказывался верить в то, что мое тело должно управлять транспортным средством в явно аварийном состоянии. — Да куча спрессованной стружки заведется раньше!



По толпе байкеров прокатился недовольный гул. Кое-кто схватился за оружие.

Но когда заговорил Рыбачка, все замолчали:

— Это большая честь для тебя, Край, которую ты не заслуживаешь. Однако я обещал Ронину, что сделаю все как надо.

Странно, но я не услышал в его голосе издевки. Неужели он всерьез?

— «Самоубийца», — продолжил Гордей, — принадлежал нашему верному другу, которого больше нет с нами...

Отлично. Хозяин байка на том свете, и скоро я с ним повстречаюсь.

У меня еще с прошлой жизни — с Чернобыля — остались неприятные воспоминания о поездках на мотоциклах по непригодной для того местности, а тут... н-да...

— Я за руль не сяду! — Надо было принять горделивую позу и скрестить руки на груди, что я и сделал.

— И не надо, — неожиданно легко согласился Рыбачка. — Он поведет.

Подмигнув мне, главарь «Ангелов» кивнул на палача.

Вот из-за чего мне пришлось обнять талию Заура. Его, кстати, от такого тесного сотрудничества аж передернуло, чем я не преминул воспользоваться:

— Уверен, во время этой поездки мы станем ближе.

В ответ законник одарил меня ненавидящим взглядом и заскрежетал зубами так, что теперь ему понадобится помочь опытного дантиста.



— Мальчик на экране — это был твой сын? — наконец сумел выдавить он.

Следовало в ответ как-то съязвить, ответить шуткой, но я сказал лишь:

— Да.

— Совсем на тебя не похож. — Палач явно хотел зацепить меня побольнее. — Наставила тебе жена рога!

Это правда — у Патрика нет ничего от меня: нос не как у папы, глаза — тоже, волосы... да вообще все.

Но он мой сын. Мой!

Вот только я никому и ничего не буду доказывать. И палачу не расскажу о том, как я и Милена подобрали на богом забытом полустанке ребенка, голодного и дикого, точно волчонок. Он тогда укусил меня своими крохотными, но острыми зубками, чем сразу заслужил уважение Милены. До сих на пальце шрам... На вопрос, как его зовут, мальчик так и не ответил. Дело было семнадцатого марта¹, и я в шутку назвал его Патриком. Кто ж знал, что это имя прицепится к сыну?.. А тогда мы, убегающие от прошлой жизни, от своры военных, спецслужб и милиции, гнавшейся за нами по пятам, просто решили накормить молчаливого светловолосого мальчишку, отогреть немного... Не сговариваясь, не обсуждая, что и как дальше, — мы давно жили не одним днем даже, но единственным мигом — я и Милена взяли пацана с собой. И вот уже столько лет Патрик с нами... Это потом только выяснилось, что ни у моей

¹ 17 марта — День святого Патрика.



благоверной, ни у меня не может быть детей, оба мы бесплодны — прошлое никак не отпускало нас, судьба-злодейка продолжала вставлять палки в колеса двух беглецов, решивших начать все сначала на новом месте... Патрик рос, я брал его на футбол, когда «азиаты» играли против «африканцев», или «американцы» против «японцев». Он ел сладкую вату, а я пил безалкогольное пиво...

Взревев, «Самоубийца» выдал облако черного, как тьма, дыма — безбожно, к тому же, вонючего. Если не разобъемся, так отравимся. А ведь так хочется дать шанс святошам Парадиза всадить в нас очередь-другую...

* * *

Мотоколонна ворвалась в Вавилон на рассвете и с ревом промчалась по улицам.

Слева от «Самоубийцы» схватился за руль рыжебородый детина в кожаных штанах с бахромой и цветастой гавайской рубахе. В квадроцикле впереди сидели двое: парень в старой немецкой каске и потаскенная блондинка с внушительным выменем. Как ни старался Заур не пялиться на нее, взгляд то и дело падал на заметные формы. С другой стороны, не парней же ему разглядывать?..

Парадиз располагался на месте стадиона «Металлист» возле станции метро «Спортивная». Туда и направлялись байкеры вместе с Зауром, Миленой и Краем. Ронин хитер, сволочь. Если что-то пойдет не так, он не при чем, во всем окажется



виноват известный зачинщик беспорядков Максим Краевой.

Не притормозив ни у одного блокпоста, колонна вскоре уже мчалась по заброшенному району, от которого до Парадиза рукой подать. Это если верить Краю, подобно клещу вцепившемуся в плащ Заура.

На улицах тут совсем не видно людей. Нет даже вездесущих торговцев, хватающих прохожих за рукава и требующих отведать самой вкусной шаурмы в Вавилоне или купить набор отверток. Пустые дома, пустые улицы — не слышно голосов, балконные веревки не провисают под тяжестью мокрого белья. И рамы почему-то без стекол, местным мамам, если тут такие есть, нечего мыть — это особо бросилось в глаза. Будто кто-то специально шел по улице с рогаткой в руках и камнями за пазухой, не пропуская ни единого окна. А еще в этой части города совсем не было птиц — ни голубей, ни ворон, ни даже воробьев. Бродячих псов и кошек эти места тоже не прельщали.

Потому-то байкеры и схватились за оружие, увидев на проезжей части человека. Тот стоял как раз на пути у банды.

Взмахом руки Рыбачка — вместе с Миленой он ехал в голове колонны — велел всем остановиться. Вопреки протестам Края, требовавшего не высовываться, держаться позади, Заур направил «Самоубийцу» к чопперу главаря. Там Заур поставил мотоцикл на подножку и, кинув Рыбачке «Я сейчас», двинул к старцу — тому самому слепцу, что рассказал, как найти Края. Именно он вышел на дорогу, рискуя попасть под колеса.



За те пару-больше часов, что они не виделись, старик не прозрел. Черные солнцезащитные очки с обмотанной скотчем дужкой все так же прикрывали его глаза. На черкеске не стало меньше дыр. Седой пушок, накрытый тюбетейкой, не потемнел, не закурчавился. Не потерял старик и трость, секрет которой уже известен палачу, — нельзя приближаться на расстояние удара! — нужна она вовсе не для опоры или поиска пути, в ней спрятан клинок.

Слепец неспроста объявился здесь и сейчас.

— Что тебе нужно? — палач остановился в паре метров от старика. Легкий ветерок донес слабый запах кофе. Даже в аду это немощное тело будет заливаться молотыми зернами, разведенными кипятком. Заур обернулся к байкерам: — Не стреляйте! Это ко мне!

Почтенный возраст старика мотоциклистов не растрогал — ни один не опустил ствол. Их опасения понятны: мало ли, может, под черкеской седого ваххабита спрятан пояс, начиненный взрывчаткой эдак в пару тонн тротилового эквивалента? От «кавказца», даже престарелого, всего можно ожидать. Да и не припомнит у него Заур такого животика...

— Послушай меня, милок, — слепец постучал тростью по асфальту, будто пробуя его на крепость. — Я знаю: ты хороший человек, хоть и палач. И потому я хочу предупредить тебя и твоих друзей: там, на стадионе, затаилось зло, равного которому еще не знал Вавилон. Когда оно явит себя, мир содрогнется.

Забывшись, — старику-то все равно не увидит — Заур кивнул. Он всегда был милостив к умалишен-



ным и юродивым. Зло, дрожь мира... А как же. На стадионе засела банда наркодельцов, а конкурент — тоже продавец смерти — хочет избавиться от них руками палача и наемников. Что ж, пока их цели совпадают. Но потом Заур вернется к Ронину и объясnit, что нельзя шантажировать законника. И тем более — *так* шантажировать.

— Это все? Стариk, тебе надо уйти с дороги, если хочешь еще немного пожить.

— Это я сообщил Ронину о тебе. О том, что охотишься за Краем. Мои мальчики постоянно следили за тобой.

Вот почему однорукий так много знал о Зауре. У него было время навести справки, выяснить, какие у палача слабости, куда его можно ударить побольнее.

— Ты, наверное, думаешь, зачем я это сделал?

— Не угадал. — На самом деле Заур прикидывал, а не узаконить ли ему слепца? В УК есть статья за пособничество членам незаконных вооруженных формирований.

— Пятеро моих мальчишек ушли в Парадиз за ангельским наркотиком, и ни один не вернулся. Сын Края тоже там. Это зло надо остановить, пока не поздно.

Палач сунул руки в карманы. Сказанное стариком подтверждало сказочки, которыми потчевал Ронин под чаек. Быть может, бормотание юродивого слепца не такой уж бред?

— Я приготовил для вас кое-что. — Слепец сунул руку под черкеску.

Тотчас щелкнули десятки предохранителей.



Заур обернулся, махнул рукой, что все в порядке.
— Не стрелять! — скомандовал Рыбачка.

Старый грешник выдернул из-под одежды полиэтиленовый пакет с логотипом известной сети супермаркетов, чем враз избавил себя от «живота».

— Что это? — Заур вытащил из перекочевавшего к нему пакета синий пластиковый контейнер размером чуть меньше сигаретной пачки, поддел крышку. В контейнере лежали две силиконовых штуковины, напоминающие одновременно соску и пробку, точнее — смесь одного с другим. Штуковины эти были соединены между собой синим витым шнурком. И такими контейнерами был забит весь пакет.

— Это, милок, спасет вам жизни. По крайней мере, поначалу. Скажи своим, чтобы в уши вставили. Иначе далеко не уедете. — Стариk поковылял к ближайшему дому, точно выдерживая направление, будто видел перед собой открытую пасть подъезда.

Заур вернулся к мотоциклу.

— Ты откуда Петровича знаешь? — вопросом встретил его Край.

В ответ Заур с удовольствием послал бы грешника куда подальше, — на тот свет, к примеру, — но опасался сорваться и придушить его не только на словах. Надо успокоиться. Пока не уложен вопрос с Ронином, Край не пострадает.

— Чего молчишь? Откуда Петровича знаешь?

Палач вручил главарю байкеров пакет, пересказал, что услышал от слепца, и лишь потом снизошел до Края:

— Да так, познакомился со стариком по случаю.



— Стариком? Петровичу и сорока еще нет! Его в Секторе сильно потрепало, под Москвой. Он вообще-то авторитетный в городе человек, просто так языком молоть не будет.

Услышав это, Рыбачка передумал выбрасывать пакет. Каждому бойцу он лично выдал по синему контейнеру и первый сунул заглушки в уши. Получив свой кусок синего пластика с крышкой, жена Края сказала, что внутри обычные беруши, в любой аптеке купить можно.

— Тампоны бабские! — байкер, борода которого была заплетена в две рыжие косы, с презрением отшвырнул подарок слепца. Из-за яркой рубахи и выпендрежных штанов палачу тяжело было воспринимать его всерьез.

— А ты в банде новенький, похоже? — Краевой открыл свой контейнер. — Повезло, дружище, что Рыбачка не слышал твою шутку — ушки у него плотно закупорены. Он демаршем страсть как не любит. Я-то с ним знаком много лет, в курсе. Любое неповиновение Гордей жестоко пресекает, вплоть доувечий и смерти. Так что лучше бы тебе выполнить его приказ и воспользоваться «женскими средствами гигиены».

Чем закончились эти нравоучения, Заур не услышал — воткнул беруши, и стало тихо-тихо.

Колонна вновь отправилась в путь.

И квартала еще не проехали, а на каждой стене появились надписи: «Стой! Опасная зона!», «Осторожно! Высокое напряжение!», «Мини!», «Посторонним проход воспрещен». То же самое было написано прямо на дороге. То и дело у палача по спине



мурашки пробегали. Белой краской тут и там: «СТОЙ!», «ВЕРНИСЬ!», «НЕЛЬЗЯ!».

И никого вокруг. Ни единого проезжающего или припаркованного авто. Засохшие деревья стояли без листьев. Район точно вымер. А ехать по кладбищу в полнейшей тишине было немного жутковато. И потому Заур даже обрадовался, когда мотобанда затормозила у заграждения из колючей проволоки.

Неведомые энтузиасты натянули «колючку» попрек дороги — между противотанковыми «ежами», сваренными из трамвайных рельсов. Раз кому-то нужен тут заслон, то логично выставить еще бойцов с автоматами, оборудовать пост с мешками, наполненными песком. Но — никого и ничего такого.

Почему так?..

Дальше не проехать. Палач провел ладонью по черепу. Впервые с резни на Крещатике ему захотелось оказаться как можно дальше от места событий.

По приказу Рыбачки — он указал на «добровольцев», а потом ткнул пальцем в сторону заграждения — четверо байкеров метнулись к «колючке» с кусачками наперевес. Споро, будто только этим и занимались всю жизнь, парни принялись кромсать проволоку. Упавшие на асфальт куски отбрасывали в сторону. Проход «добровольцы» проделали минут за пять, в течение которых остальные байкеры пятались по сторонам, ожидая окриков и выстрелов из засады. Однако никакой реакции на прорыв заслона не последовало.

Странно...

Хлебнув из фляги, Рыбачка взмахом руки велел двигать дальше. Колонна — мотоцикл за мотоцикл-



лом — проследовала на негостеприимную территорию.

Не успели отъехать от колючки и полсотни метров, как бородача в рубахе начало колбасить, будто закинулся он расширяющей сознание дрянью, изрядно превысив дозу. Только что выпендрежник ехал чуть левее и впереди «Самоубийцы», всем своим самодовольным видом показывая, что ему море по переднюю вилку, и вот уже его «ямаху роуд стар» швырнуло вправо. Заур едва уклонился от столкновения. Завалившись набок, «звезда» сбросила с себя наездника и, царапая асфальт хромированными частями и баком, метров десять еще проползла самостоятельно.

Рыбачка — вот уж чутье у главаря на опасность! — тотчас обернулся. Увидев, что ситуация нештатная, поднял руку и разжал пальцы, затянутые в черную кожу перчатки, как у Заура. Блеснули на солнце заклепки. Это приказ остановиться и заглушить движки.

Бородач вскочил и сразу же рухнул на колени. Рот его открылся, он что-то кричал, но затычки в ушах не пропускали ни звука. Глаза бородача безумно выпучились, из-под рыжих усов вылетали брызги слюны. Покраснев, точно креветка в кипятке, он схватился за уши, потом отпустил их.

Все дружно вскинули оружие — Заур тоже, хоть патронов ему не дали — и завертели головами, высматривая опасность.

С бородачом же творилось что-то совсем неладное. Его бросало из стороны в сторону. Он делал шаг вперед — и тотчас отскакивал, будто его что-то



сильно напугало. Из раскрытого рта не переставая текла слюна. Он схватился за автомат, висевший на плече, и навел на Заура, палец лег на спуск и...

Грохота выстрела палач не услышал — и вовсе не из-за затычек, просто Рыбачка прихватил с собой на дело ВСК-94. В подобного рода операциях лишний шум ни к чему. Во лбу бородача образовалась дыра, из которой потекла тонкая струйка, мозги же вынесло вместе с затылочной костью. Тело в гавайской рубахе шлепнулось на асфальт.

Взмах рукой, блеск заклепок — и банда сорвалась за главарем, оставив позади товарища по байку и оружию. Не хоронить же его здесь и сейчас, долбя прикладами могилу в асфальте?..

Но сначала Рыбачка жестами распорядился выдать патроны палачу, Милене и Краю.

Какие опасности их ждали впереди? С заряженным оружием Заур почувствовал себя увереннее.

А вот и напрасно.

Впереди байкеров ждала двойная сплошная.

* * *

Обычное дело, никого ей не удивишь, верно?

Вот и я бы не обратил внимания, если б не одно «но». Полосы прочертили белой краской не вдоль дороги, а поперек. Пожалуй, только я обратил на это внимание. Не сбавив скорости ни на сантиметр в час, мотоколонна пересекла двойную сплошную.

Интуиция вместе с чувствительной пятой точкой вопили: «Дальше ехать нельзя!» Инстинкт самосо-



хранения требовал валить обратно, залезть под теплое одеяло и носу на улицу не казать. Но впереди уже виднелась громадина стадиона. Вон синие стальные опоры, из-за которых сооружение прозвали Пауком. Справа — большая парковочная площадка, огороженная заборчиком. Ни одной машины на ней. Слева — вход в метро, у самого стадиона тоже есть подземная нора.

Синие буквы «METALIST STADIUM», под ними герб футбольного клуба — вот куда нам надо. С тех пор как Вавилон стал государством в государстве, на газоне не проводили матчей, а трибуны превратились в вещевой рынок, не подконтрольный ни одному из крупных кланов. И вот у стадиона новые хозяева — сектанты. И не Паук он уже, а Парадиз.

Замедлившись, Рыбачка на ходу выковырял из уха затычку. Я был уверен, что он тотчас повторит «подвиг» поксийного бородача. И не один только я — не сговариваясь, «ангелы» навели стволы на своего главаря. Еще миг — и откроют огонь, ведь никому не хочется, чтоб обезумевший Гордей начал палить во всех и вся. Но признаков умопомешательства он не выказал, зато вытащил вторую силиконовую штуковину. Демонстративно не замечая нацеленного оружия, сунул беруши в карман клубной куртки. Хмыкнув, — была не была! — я последовал его примеру.

Байкеры дружно принялись выковыривать из ушей лишнее.

Что же случилось с рыжебородым? Безумие, попавшее его, явно было не случайным. Ответ у меня был один: хрен его знает. Может, инфразвуковая



установка, прилепленная на крыше или еще где, сработала. Да вообще все что угодно может быть. Жизнь полна сюрпризов. А когда начинаются неприятности, и сюрпризы соответствующие. Петрович оторвал свой зад от насиженного места у аэропорта и приперся хрен знает куда, чтобы врулить нам пакет подарков, — чем не сюрприз?

Но, в общем, на злодейку-судьбу пока что не стоит жаловаться — первые преграды на пути банда преодолела с минимальными потерями.

Рыбачка настолько снизил скорость, что я пешком, не напрягаясь, обогнал бы колонну. Опустив взгляд на асфальт, я высматривал муравьев и двухпятнистых клопов, которых все мальчишки Вавилона называют «солдатиками». Не высмотрел. Здесь никто не хотел жить. Или — здесь нельзя было выжить?..

О втором варианте думать не хотелось. Меня и так не покидало ощущение, что мы совершаем чудовищную ошибку. Согласитесь, примета хуже некуда, если в квартире есть все условия для тараканов, а тараканов нет. Что-то тут не так. Я многое дал бы за то, чтобы под ногами прошмыгнул хоть малюсенький жучок или комар укусил бы меня там, где сильнее всего чешется.

Увы.

Рыбачка коснулся надорванного уха — только это движение могло выдать его смятение, больше ничего. Милена у него за спиной обернулась и взглянула на меня с такой тоской, что захотелось подбежать к ней, прикрыть собой от всех опасностей... Я отвернулся и сплюнул: столько лет знакомы, сколько я от



нее натерпелся, а все равно эта чертовка умеет мной манипулировать. Ну да не сейчас.

Время тянулось, точно расплавленный пластик. Секунда, две, три... минута...

Колонна едва двигалась вперед. Все были на взводе. Все ждали подлянок, ловушек, еще каких-то пакостей. Но ровным счетом ничего не происходило — и это раздражало больше всего. Полный штиль. Пот изморосью покрыл мое лицо. Под разгрузкой и курткой текли не ручьи уже, но полноводные реки. Нас давно должны были заметить новые хозяева стадиона: нас слишком много и мы слишком далеко зашли, чтобы этот визит можно было списать на загул компаний, случайно попавшей сюда после вечеринки. Напряжение нарастало. Не знаю, кто как, а я прямо-таки чувствовал, что затаишие не к добру.

Рыбачка вновь коснулся уха — и резко поднял руку. Взревели движки. Мотоциклы, стирая протекторы об асфальт, одновременно ускорились.

Вот так началась наша атака. Все согласно плану Ронина.

Никаких тебе подбадривающих воплей типа «Ура!» или «Банзай!». Один лишь палач передо мной шевелил губами — молился. Он вообще набожный чересчур, всех грешниками называет.

Байкеры неслись к стадиону, сосредоточенно вцепившись в рули. Мы всё ближе.

На крыше Парадиза я заметил какое-то движение, там кто-то был. Но кто?.. Рыбачка тоже высмортрел активность, взмахнул рукой — и все байкеры, не снижая скорости, открыли огонь — скорее упре-



дительный, чем действительно способный нанести врагу урон.

И тут началось.

Асфальт перед колонной вспух острыми шипами с полметра высотой. Покрышки вырвавшегося вперед квадроцикла с хлопком превратились в резиновые ошметки, сам же четырехколесный байк подбросило в воздух, будто он наехал на трамплин. Парнишку в каске, что был за рулем, сшибло с сидушки нечто плоское диаметром метра в три. Цветом и структурой эта тварь была как блин со сковороды, вот только где вы видели блины с шипами? И с каких это пор блины такого размера валяются на улице и нападают на байкеров?

«Блин» укутал парня, точно мокрая простыня. Вместе они упали на асфальт через миг после того, как на проезжую часть рухнул квадроцикл вместе с девицей-пассажиркой. И там, где квадроцикл рухнул, тоже торчали шипы. Поверхность под ним вспутилась, девушка закричала, и тотчас сомкнулись края «блина», в самый центр которого она угодила вместе с техникой. И уж этот «блин» был диаметром метров пять, не меньше. Он облепил девушку и квадроцикл, не делая различий между плотью и сталью. Послышался короткий крик, скрежет металла. «Блин» сломал свою жертву, спрессовал ее вместе с квадроциклом, а потом его края распались, на асфальт выкатился колобок, брызжущий смесью крови и бензина. Сам же «блин» тотчас втянул в себя шипы — они точно растворились в нем — и, распластавшись на асфальте, стал абсолютно невидим.



Справа еще один мотоцикл подбросило «блином». И еще один — чуть сзади и левее.

— Что это за хрень, прости Господи?!

И Господь простил моего личного водилу, ибо без видимых причин руль «Самоубийцы» вывернулся, колеса скользнули в сантиметрах от вспучившихся шипов. Только чудом мы не угодили в очередную ловушку. И все же заднее колесо зацепилось за шип. Пробило не только покрышку, но и обод. Мотоцикл замер, натужно ревя и выдавая клубы черной копоти. Палач локтем сшиб меня с сидушки и сам успел соскочить за миг до того, как «Самоубийцу» подбросило к небесам.

А ведь правда, что за хрень?!

Вот только вникать в это и строить гипотезы с версиями будем потом. Сначала надо выжить на «блинном» поле... Упав на асфальт, я по инерции кувыркнулся раз, другой — и хорошо, что не третий. Потому как заметил рядом с собой что-то вроде дымки над асфальтом. И вот уже дымка превратилась в тонко размазанное прозрачное желе. Я начал медленно сдавать — по желе пошла рябь, волны застыли, сгруппировались в эдакие прозрачные рожки, вся поверхность желе чуть потемнела, стала песочного цвета... Да ведь это «блин» с шипами! И он среагировал на мою близость!

В одно движение я вскочил на ноги и выхватил из кобуры на поясе «стечкин».

Но выстрелить в метнувшийся ко мне «блин» не успел.

За меня это сделал палач — его дробовик рявкнул, едва не зацепив меня картечью. «Блин» порва-



ло в ключья. Эхом зазвучали выстрелы — байкеры вмиг переняли опыт борьбы с «блинами».

— Спасибо, — кивнул я палачу, брезгливо сбрасывая с себя ошметки, смоченные чем-то вроде машинного масла с запахом жженого сахара.

— Всем спешиться!!! — рявкнул Рыбачка.

Напрасно только глотку надрывал — его бойцы и так уже спрыгнули с мотоциклов и замерли, кто где стоял, здраво опасаясь ступить хоть шаг вправо-влево и воздерживаясь от прыжков на месте.

Оказалось, Гордей Юрьев — вот прощелыга, вот молодец! — прихватил с собой на дело мешочек с гайками. Точно такие же матерчатые мешочки, сшитые толстыми нитками, были у всех байкеров. И неудивительно — они ведь «Ангелы Зоны», а не какие-нибудь «Серебряные пули». Мотобандиты Рыбачки в Вавилон перебрались недавно, а в тех местах, где они до этого обитали, метизами никого не удивишь, там все с собой болты с винтами таскают.

Чуть наклонившись, Рыбачка швырнул гайку и застыл в ожидании. Прокатившись по асфальту, гайка метров через пять упала на оцинкованный бок и замерла. Главарь «Ангелов» расслабленно выпрямился и шагнул вперед по разведенной тропе.

И поторопился.

Шипастый «блин» подбросил гайку в воздух и тут же метнулся за ней — прямо перед лицом Рыбачки. Милена у него за спиной вскрикнула. Отшатнувшись, главарь долго и очень грубо выругался. Напрасно он так. Я бы на его месте поблагодарил судьбу за то, что «блин» заинтересовался гайкой, мог ведь проигнорировать столь несущественную мас-



су — как противотанковая мина, которая не срабатывает, если на нее наступит человек.

Рыбачка расстрелял обнаруженную тварь из дробовика.

Началась методичная зачистка территории.

Байкеры швыряли гайки, а потом уничтожали подпрыгивающие над асфальтом «блины».

Вместе с палачом я пристроился за парнем в шароварах. Продвигались мы к стадиону не то чтобы быстро, но вполне уверенно. Больше потерь среди байкеров не было.

Точнее — не было до того самого момента, когда я решил уже, что нормалек, прорвемся.

Пока все внимание было приковано к земле, нас атаковали с воздуха.

Вы когда-нибудь видели монстров, похожих на здоровенных — тело размером с дога — летучих мышей угольно-черного цвета? Я — нет. Да и все сходство с подковоносом или кожаном заключалось лишь в наличии у новой напасти перепончатых крыльев. А в остальном... Представьте себе «мышь», у которой лапы как у жука — членистые, с зацепами и толщиной с руку мужчины, и лапы эти — пять штук — торчат из тела без малейших намеков на симметрию, столь привычную человеческому глазу. Из того места, где у всех земных зверушек располагается задница, у гарпии, — так я назвал эту тварь, что пикировала на меня, — торчало нечто вроде здоровенной клизмы из мышц, перевитых то ли венами, то ли трубками, не разберешь.

— Осторожно! Воздух!!! — крикнул я за миг до того, как «клизма» с противным чвяканьем выпус-



тила струю зеленоватой жидкости, задымившейся еще в полете.

После беготни и суеты последних часов душ мне не помешал бы, но лучше обычный, с водичкой и мыльцем, поэтому я предпочел уклониться. Струя плеснула на асфальт, брызги на миг зависли в воздухе, образовав радугу. Та, мгновенно испарившись, оставила после себя сомнительной приятности микс из ароматов гнилого картофеля и тухлой рыбы.

Кислота, что ли?..

Меня вывернуло. Я упал на колени, потом — на четвереньки. И это спасло меня. Те, кто пытался в полный рост бежать от ядовитых выбросов, вдыхали куда большую дозу отравы и падали замертво. Удушающее облако колыхалось надо мной, сквозь это марево гарпии — одна, вторая... десятая — выглядели несерьезными призрачными тенями.

— Куда собрался? — Меня схватили за ногу. — За нами давай!

Отпустив меня, Рыбачка пополз прочь по-пластунски. От него не отставала моя бывшая супруга. Смотрите, как прикипела к Гордею! Эдак скоро свадебку справим... Чуть ли не вспахивая носом асфальт и стараясь дышать через раз, я отправился за ними. Над головой то и дело пролетали гарпии. И разок, когда рядом брызнуло и запахло, Рыбачка жахнул вверх из дробовика. Я тоже немного пострелял — за компанию — и даже вроде бы попал. По крайней мере одна гарпия сорвалась в пике и рухнула где-то впереди в ядовитом тумане.



Ползти неведомо куда, зная, что в любой момент тебе на спину может плеснуть кислота, или надышишься токсичных испарений, или угодишь на шипы «блина», а то и все комплексно — это как в старые добрые времена, когда я рисковал жизнью ежеминутно, если не чаще. Я точно вернулся на радиоактивную, кишащую монстрами землю моей молодости¹.

Слышались крики, выстрелы. Я едва не стал жертвой «блина», когда меня догнал палач. Дернув за ремень, он не позволил сделать из меня мясной колобок.

— Ты мне еще нужен живой, сволочь! Я с тебя живого кожу драть буду! Я... — он побагровел то ли от ненависти, то ли испарений надышался.

— Слышишь, палач, а чего ты на меня так взъелся? Рожа моя, что ли, не понравилось? Или изо рта у меня пахнет хреново? Так я пластическую операцию делать не буду, но жвачку купить могу.

— Что?! Ты, грешник, еще смеешь...

Да, я смел. Еще как смел. И красив заодно, и благороден. Ну, по крайней мере мне приятно в это верить. И потому прямо тут и сейчас у нас состоится беседа по душам. Да, не ко времени и не к месту. Но надо выяснить наконец, кто мы — заклятые враги или мужчины, у которых есть проблемы? Изрядно нервирует, когда спину прикрывает человек, люто тебя ненавидящий. Удовольствие это экстремальное, на любителя.

¹ Речь идет о приключениях Макса Края, описанных в романах «Каратели» и «Хозяин Янтаря».



Над нами пролетела эскадрилья гарпий. Выстрелили мы одновременно, но если и попали, то не причинили тварям значительного вреда.

— Ты, грешник, руководил незаконной вооруженной группировкой, терроризировавшей мирных жителей Киева во время Всеобщей Войны Банд, а теперь...

— Нет.

— ЧТО?! — Глаза палача под линзами очков так выпучились, что вот-вот лопнут.

— Нет, не руководил. Я вообще в Киеве не был никогда. Красивый город? Думаешь, надо на экскурсию съездить?

Не знаю, чем Заура разозлили мои невинные вопросы, но я уж подумал, что он меня прямо тут и убьет. То есть попытается это сделать, забыв о шантаже Ронина и о том, что я — персона неприкосновенная до самого разгрома сектантского гнезда.

Мы проползли еще несколько метров.

— А как же тот грешник, у которого щека была порвана? Бабуин? Ты ведь с ним знаком! — палач схватил меня за руку, а при нашем способе передвижения это было все равно, что подставить мне подножку. Я уткнулся щекой в асфальт.

— Это не то знакомство, дружище, которым можно гордиться. Да и что с того?

— Бабуин перед смертью сообщил мне: бандой, устроившей резню на Крещатике, руководил ты, Край!

Я хмыкнул и ускорился — Рыбачка и Милена пропали из виду.

На кой мне вообще доказывать, что я ни разу не посещал столицу нашей Родины? Это все равно, что



говорить о пользе лечебного голодания узнику концлагеря, который представить себе не может, что есть люди, страдающие от ожирения.

Рядом загрохотали выстрелы, посыпались на асфальт автоматные гильзы. Сначала в удушливой дымке возникли красные шаровары, а потом я разглядел ботинки, едва не оттоптавшие мне руки. Палач и я, не сговариваясь, схватили байкера-казака, повалили его на асфальт. У бедолаги из глаз и носа, из ушей и рта текла кровь, он бормотал что-то, но я разобрал только жалобы на темноту вокруг и полнейшую тишину. Черт, поражены органы чувств, одним бойцом в банде Рыбачки стало меньше — казак жив, но сражаться не может. Следовало бросить его здесь, а самим выбираться, но ни я, ни палач этого не сделали — потащили упирающегося парня с собой, предварительно отобрав у него оружие и мешочек с болтами.

Мы то и дело натыкались на трупы байкеров. Одни тела проело кислотой насквозь, растворились даже кости, над другими потрудились «блины». Я затрудняюсь определить, что выглядело отвратительней.

Такие потери! А ведь мы еще на подступах к Парижу!

Наземный вестибюль станции метро вынырнул из дымки, точно островок нормальности в напрочь свихнувшемся мире, окружавшем нас. Ядовитые испарения, гарпии, «блины»... Одного такого шипастого разнес в клочья Рыбачка, высунувшийся из вестибюля.

— Сюда! — крикнул он. — Здесь дышать можно!

На звук среагировала крылатая тварь, черной тенью вынырнула из тумана. Милена встретила ее оче-



редью из АК-103. Кувыркнувшись в воздухе, тварь врезалась в крышу над входом в метро. У самого вестибюля тумана уже не было — до этого момента, ибо «клизма» сбитой гарпии лопнула, и содержимое выплеснулось фонтаном...

Набрав в легкие побольше воздуха, последние метров десять мы пробежали.

Стекол ни в дверях, ни между опорами, конечно же, не было, зато сохранилась табличка с надписью желтым на синем фоне: сверху «МЕТРОБУДВНИКІВ», чуть ниже «METROBUDVNYKIV» и «ім. Г.І. Ващенка» — третьей строкой. Все это я увидел перед тем, как ввалился под навес. Пробежку нашу прикрывали огнем из четырех стволов сразу — к Милене и Рыбачке присоединились двое парней, «индец» и «японец».

Хрустнули под ногами осколки.

— Это все, кто спасся? — палач и я положили на ступеньки казака. Я попытался нащупать пульс — увы, парень отмучался. Надрывая жилы, мы тащили труп.

Ответа я не дождался. Рыбачка перезаряжал дробовик. Милена стреляла по всему, что мелькало в дымке на уровне пары метров и выше. Теребя перо в волосах, «индец» задумчиво рассматривал лук казака. А «японец» опять начал высматривать у палача, где они раньше виделись.

— Надо прорываться к стадиону! — я схватил Гордя на плечо.

— Ё-маё! — Гордей Юрьев поднял на меня полный тоскливой ярости взгляд. Мол, это ты, Край, во всем виноват, это из-за тебя я в Вавилон приехал, а теперь мои парни мертвые. — Какое, на хрен, про-



рываться?! Ты чего, Край, надышался дряни этой?! Ослеп?! Не видишь, что там, — Рыбачка мотнул головой, указывая на туман, — нам всем хана?!

— Вниз надо, — подал голос палач. — Раз Господь направил нас сюда, то...

— Дружище, нельзя вниз! — запротестовал я. — Там наверняка погибнем! Метро уже много лет не работает. Сначала станции использовали как свалку, а потом... Потом это стало слишком опасно.

Но палача было не пронять:

— Мы лишь гости в этом мире. Если и умрем в подземелье, то не сразу. А здесь нам не продержаться и минуты.

В его возражениях был резон. Что-то «блины» и гарпии не спешили оставить нас в покое.

Палач первым двинул по ступенькам вниз. За ним последовали Рыбачка, двое его бойцов и Милена.

— Держите стволы наготове! — Я столько всего слышал о подземке и ее обитателях, что волосы вставали дыбом.

Увы, нам больше негде было укрыться от атак с воздуха.

Глава 8

МЕТРОМОНСТРЫ

Людское стадо не пыталось даже выбраться из за-
гонов, вырытых под стадионом.

Слуги сновали туда-сюда, поднося подросткам новые порции порошка, заменяющего развлечения, еду



и провоцирующего выработку в мозгу эндорфинов и серотонина, — а что еще млекопитающим нужно для счастья?

Здесь, в подземелье, Асахара чувствовал себя спокойнее, что ли. Тут его не преследовал вездесущий запах скошенной травы, не давило сверху отвратительно голубое небо. Как местные формы жизни вообще могут существовать на поверхности планеты?..

Похоже, психоматрица чужого сознания загрузилась в мозг не идеально, раз проблески его истинной сути дают о себе знать. А вот нынешнее тело Асахары адаптировалось великолепно. Оно даже считало температуру окружающего воздуха вполне комфортной. А ведь на Парадизе — не этом жалком клочке, но на настоящем, исходном — она значительно выше. Святой отец знал, что особое подразделение, никак ему не подчинявшиеся, активно занимается изменением климата. За тот период, пока разведчики будут заняты сбором энергии, надо успеть максимально приблизить условия этого мира к реалиям родного мира путников, давно покинутого ради Единения. Изменить климат, повысить уровень радиации, сравнять горы и осушить моря не так-то просто, но возможно. Путники проделывали такое бесчисленное количество раз. И лучше всего для этого использовать самих аборигенов, если у них достаточно развиты технологии, а нет, так подкинуть им парочку идей. Тотальная война с применением ядерного оружия — что может быть лучше?..

Стопы святого отца раз за разом погружались в слизь, покрывающую не только пол, но своды и сте-



ны норы, прорытой особыми бионоидами. Эти «кроты» без устали и без перерывов работают, чтобы расширить сеть коридоров. Когда армии на поверхности начнут обмениваться ударами, тут будут установлены многие тысячи инкубаторов, переброшенных из предыдущего мира, уже захваченного путниками. В каждом инкубаторе зародится жизнь путника или же бионоида.

Вот он, предбанник, как тут говорят, настоящего Парадиза. Трибуны, раздевалки и газон — так, мишуря для отвода слишком любопытных глаз, маскировка на случай, если что-то пойдет не так. С мягким хлюпом Асахара погрузил ладонь в слизь на стене. Вот настоящая частичка исходного мира. Отголоски былой связи с ним до сих пор бередят умы жителей Земли, превратившись в мифы и сказки. Кентавры, громовержцы, карлики, обитающие в подземельях, и тому подобные твари — это не выдумка, это память, оставшаяся с древних времен, когда миры соединялись еще достаточно крепко, и существа, обычные в своем мире, попав на Землю, казались местным жителям чудовищами или богами.

Посыкались шлепки ног по слизи. Святой отец обернулся к приблизившемуся слуге.

— На поверхности не все ладно. Защитный периметр прорван, — слуга почтительно склонился. — Группа мотоциклистов сумела подобраться к самому Парадизу.

— Кто их послал? — святой отец нахмурил лоб — кажется, так сапиенсы выказывают свою озабоченность. Иногда он путал значения жестов, чем доводил слуг до паники. — Кому они служат?



— Я уже сделал запрос. Они не принадлежат ни к одному из кланов Вавилона.

Подготовка к Вторжению шла полным ходом, и потому, закрепившись на местности, Асахара командировал своих сородичей занять ответственные — ключевые! — посты в местных органах управления. Ни одна организация, имеющая хоть малейшую возможность, пусть даже в отдаленной перспективе, помешать Всеобщему Единению, не осталась без внимания соратников Асахары, которых пока катастрофически не хватало. Были задействованы все. Потому-то пришлось доверить некоторые простейшие операции слугам. Потому-то Асахара — единственный путник на Парадизе. Ничего, скоро все изменится. Вторжение положит конец его вынужденному одиночеству.

Вот на этом и стоит сосредоточиться. Остальное — неважно.

— Еще что-то?

— В ходе вооруженного столкновения уничтожено множество бионидов — как аэро, так и наземных.

Святой отец почувствовал, как лицо его застыло, превратившись в свирепую маску, от вида которой слуга побледнел и чаще задышал. Пока инкубаторы не заработали в полную мощность, потеря бионидов, охраняющих Парадиз от внешнего вторжения, — серьезная проблема.

Асахара расслабил мимические мышцы. И опять не рассчитал, допустив несколько непроизвольных мелких трансформаций: лицо стало похоже на морду хищной кошки, потом покрылось чешуей четырех-



глазой ящерицы, мир которой оказал яростное сопротивление путникам, а перед тем, как вновь обрести черты сапиенса, на секунду превратилось в гладкий пузьрь.

— Подготовь сотню доноров. И еще... — он дернулся было ногой, но потом взмахом руки остановил слугу, уже сорвавшегося с места, чтобы исполнить приказ. — Чем ближе Единение, тем больше сил мне надо. Тем больше сил надо нам всем. Мне нужен тот мальчик, который... — святой отец замолчал, обдумывая формулировку. Не мог же он рассказать слуге, что мальчишка, контратаковав, продемонстрировал такой потенциал, равного которому не было во всех пройденных мирах? Парень — не просто расходное топливо на один раз, он...

— Светлые волосы, голубые глаза? — слуга прервал ход мысли Асахары. — Его зовут Патрик, он — сын известного бандита...

Святому отцу было глубоко безразлично, как зовут какого-то сапиенса, одного из миллиардов, населяющих этот мир. И уж тем более ему все равно, кто тот самец, который брызнул семенем в самку, зачавшую мальчика.

— Избавь меня от подробностей.

— Он в этом загоне, — слуга указал себе за спину.

Ноздри Асахары жадно затрепетали. В такие моменты ему хотелось вернуть себе истинную суть, память о которой из него вынули до начала Вторжения, чтобы не мешала играть роль человека. Так угодно высшим силам Единения, частью которых вскоре станет этот никчемный мир...



— Отвори.

Слуга поспешно выполнил приказ.

Святой отец вошел в загон — пол здесь был ровный, а стены и потолок изгибались плавным эллипсом. Послушники-доноры валялись прямо в слизи. При виде своего духовного наставника они не потрудились встать. На их лицах застыли глупые улыбки.

Осторожно ступая, — ему вовсе не хотелось кого-нибудь затоптать — он двинул к светловолосой фигуре, возле которой остановился.

— Ты, Патрик, есть жертва, угодная Высшим Силам! — имя мальчишки благодаря слуге намертво врезалось в память Асахары.

На лице парня — единственного в загоне, кто стоял, а не лежал — блаженное выражение сменилось мучительной гримасой. Определенно этот сапиенс — уникум, раз он может сопротивляться действию наркотика и способен на внутреннюю борьбу. Святой отец с интересом наблюдал за мимикой Патрика. В итоге губы мальчишки растянула окончательно победившая улыбка, но на глазах блеснули слезы.

— Веди его за мной.

Слуга, тут же схватив мальчишку за руку, потащил его из загона вслед за святым отцом. Даже уникум, все еще не восстановившийся ментально после схватки с Асахарой, не мог оказать физического сопротивления — он пошел, куда велели. И отлично. Его апатия никак не помешает делу.

Облачившись в скафандры, — человеческие тела слишком уязвимы для условий исходного мира — втроем они прошли к крупному биониду, исполняв-



шему те же функции, для чего на Земле служит любой грузовой лифт.

— Смелее! — Асахара первым вошел внутрь.

Втолкнув перед собой мальчишку, слуга опасливо проследовал в раскрытый зев. Бионойд тут же захлопнул пасть и скользнул вниз по смазанному слизью вертикальному стволу.

Туда, где парень сольется с Главным Накопителем. И начнется Вторжение.

* * *

— Здесь нам не продержаться и минуты.

На ступеньках под каблуками похрустывало битое стекло, а вот ниже, едва только лестница закончилась, переход оказался завален полиэтиленовыми мусорными пакетами — к сожалению не пустыми. Край говорил, что метро в Вавилоне использовали как свалку. Вот бы и его самого, ходячий отброс общества, закопать в гнилье...

Но — всему свое время.

Сейчас же Зауру, закинувшему дробовик и автомат за спину, меньше всего хотелось спускаться под землю. Тем более — в гущу мусора, за годы истлевшего лишь частично и пахнувшего соответственно, то есть не розами и не жасмином. Да и вообще человеку наверху как-то лучше. Палач куда спокойнее переносил авиаперелеты, чем эскалатор на «Арсенальной», который все тащит и тащит тебя вниз... Но оставаться под навесом вестибюля было чистым самоубийством, поэтому даже Край, застрашавший



всех неведомыми опасностями, присоединился к байкерам, своей женушке-блуднице и к Зауру.

Чуть замешкавшись — не так-то просто шагнуть в гниющие отбросы, — палач одной рукой зажал нос, а второй, в которой держал пистолет, перекрестился, попутно вознеся благодарность Господу за то, что надоумил слугу своего, где можно укрыться от мерзостных летающих демонов. Завершил он свою речь просьбой простить вынужденную гнусавость. Молитва ведь не стала хуже из-за того, что Зауру неприятно вдыхать ароматы подземки, верно?

— Чего ты там бормочешь? Топай уже, раз подбил всех на эту авантюру! — Край толкнул Заура плечом, будто тут места мало и никак мимо не протиснуться.

Пальцы сжались на рукоятке «стечкина». Палач поднял руку. Пистолет нацелен на затылок грешника, палец на спуск — выстрел! Хорошо бы... Но мечтам пока что не суждено осуществиться.

— После вас, — Заур посторонился, пропустив Милену, и выстрелил в крылатого демона, который только что влетел под навес. Попал. Демон врезался в балку вестибюля, рухнул на ступеньки и скатился вниз, брызгая дурно пахнущей жидкостью.

Не дожидаясь следующей атаки, палач по колени зарылся в мусор. Впереди его ждал полумрак, в котором еще можно было различить человеческие фигуры.

— Кстати, умник, а чем тут собираешься подсвечивать дорогу? — донеслось слева: Край все не унимался.



Тут же вспыхнули экраны телефонов. Ну да, конечно, кто ж в бой идет без мобильной связи? У одного только палача разрядился аккумулятор. Все конфискованное «азиатами» добро Зауру вернули: крест висел на груди, Знак и бесполезный планшет оттягивали карманы плаща. Ну и у Края еще нет трубы...

Милена вскрикнула. Телефон ее упал в кучу мусора под ногами, но она и не подумала за ним наклоняться — открыла огонь из АК. Свет вспышек выхватывал из мрака дальше по переходу силуэты каких-то крупных существ. Не людей точно, ибо люди не передвигаются на четырех лапах столь быстро и проворно, что ни одна пуля не может в них попасть — блудница расстреляла целый магазин в «молоко». Ее поддержали огнем Рыбачка со своими парнями и Край.

Один только Заур не спешил тратить боеприпасы. Он наблюдал за тварями, мелькающими в пульсации автоматного света. Тела их вроде бы покрыты шерстью. Утверждать он мог лишь то, что у них есть длинные хвосты, толстые как силовой кабель. А еще у тварей, обитающих в подземке, есть клыки и когти — ими тварь цапнула за ногу надоедливого байкера-«японца», слишком далеко выдвинувшегося вперед, и располосовала живот, после чего утащила барахтающееся тело в темноту, где его вопли резко оборвались.

И хвостатые твари точно растворились среди мусора. Только что были, а вот уже нет. В темноте впереди раздалось глухое рычание, за которым последовала звенящая тишина, особенно угнетающая после грохота огнестрельного оружия.



«Индеец» хотел отправиться на выручку товарищу, но Рыбачка запретил — схватил за плечи, точно в тисках зажал, и проорал в лицо, что это глупо, ничем уже не помочь.

— Что это было?! — Милена так разволнилась, что у нее никак не получалось перезарядить автомат.

— Они прятались в мусоре. Подпустили нас поближе и напали, — поделился своими наблюдениями Заур. Он шагнул вперед, провалившись в дрянь чуть ли не по пояс.

— Отходим, — предложил Край и, не дожидаясь товарищей по несчастью, резвее всех поспешил обратно.

Вырвавшись из объятий главаря, «индеец» обогнал Краевого.

Заур, Рыбачка и Милена попятались, не опуская оружия, — надо ж было кому-то организованно прикрывать тылы? Хвостатые твари могли в любой момент вернуться. А клыки у них с мизинец палача, не меньше.

— Прочь с дороги! — «Индеец» оттолкнул Края.

Заур видел все, потому как обернулся на крик. Только байкер выбрался из мусора на ступеньки, как его сбило с ног струями кислоты. Упав спиной на схваченные полиэтиленом отходы, он мгновенно начал разлагаться: с костей сползали куски плоти, стоило ему чуть пошевелиться, напрячь мышцы. Все это вместе с перьями, заплетенными в волосы, растворяясь, превращалось в бурую дымящуюся субстанцию.

— Назад! Гарпии! — Край поспешил в переход.



Раздраженный его метаниями Заур сделал еще несколько шагов вперед. Крылатые демоны — с десяток, не меньше — обосновались у дверей наземного вестибюля. На глазах у палача к ним присоединились еще двое. Их-то, похоже, Край и называл гарпиями.

И все они дружно плюнули в палача кислотой.

Слишком уж любопытного Заура обязательно умыло бы их мерзостными выделениями, если бы грешник Край не сшиб его с ног. Вместе они рухнули в мусор, погрузились в него с головой.

— Все в переход! — вынырнул Край. — Наверх не выбраться!

Палач слышал хлопки перепончатых крыльев. Демоны все прибывали. Но куда отступать, если под землей на людей охотятся неведомые твари, которые прекрасно обходятся без света, умеют отлично маскироваться и уклоняться от пуль?!

Только Господь мог помочь Зауру и его спутникам.

Только на милость Его оставалось уповать.

* * *

Хреновая примета, когда выхода нет.

Что лучше — раствориться в кислоте гарпий или накормить собой таинственных подземных монстров, которые без напряга утащили молодого сильного байкера? Хрен редьки... Могучая кучка диверсантов, возомнивших о себе невесть что, — типа, одной левой мы этих сектантов — застряла на пятаке между адом и небесами. Причем небеса



слишком уж похожи на филиал Сатаны из-за крылатых чудищ, отрыгивающих на все, что движется, яд, из-за испарений которого у меня першил в горле, слезятся глаза и хочется вылебовать все, что съел за неделю.

Парадиз и Патрик рядом, но все равно что за тысячи километров.

— Черт! И еще раз черт! — выругался я.

— Не поминай врага рода человеческого, грешник. Еще накличешь...

Это из-за палача меня пробило на высокопарную мистику. Эдак я скоро креститься начну. Но вряд ли — не успею дойти до жизни такой, потому как она скоро оборвется.

Слишком быстро уносились в вечность жалкие секунды затишья.

Милена вертела головой, то вглядываясь во мрак подземелья, то наводя автомат на ступеньки. Сунув мобильник в карман кожанки, Рыбачка достал флягу и, крякнув, хорошенько так отхлебнул. Трижды. А потом, подумав, еще разок. Самому захотелось выпить, но я подавил в себе этот порыв — возврата к прошлому не будет, хватит.

Похоже, метромонстры опасались приближаться к поверхности. Глаза свои, привыкшие к мраку, берегли, или еще что... А гарпии не спешили спускаться в замкнутое пространство подземки, где не очень-то светло и крылья не особо расправишь. Вот такой раздел сфер влияния. А мы, люди-человеки, между ними, так сказать, между светом и тьмой. Но долго ли этот паритет будет продолжаться?

Вряд ли.



Я заметил, как шевельнулась в полумраке здоровенная куча мусора, и навел на нее дробовик — огонь из автомата оказался неэффективным. Вспыхнули два алых огонька — это глаза самого смелого монстра, который подобрался уже к границе света и мглы. Дальше во мраке вспыхнули один за другим с десяток огоньков... Все, я, Максим Краевой, принял решение. Повесив дробовик на плечо, проверив автомат и на месте ли запасные магазины, я шагнул к лестнице на поверхность. Сейчас жахну по гарпиям длинными очередями, летающие твари не такие противные, как те, кто подкрадываются, зарывшись в мусор. Авось завалю хоть одну «пташку», прежде чем меня обрызгают кислотой!

Увы, палач меня опередил.

Но двинул он в противоположную сторону — навстречу горящим глазам метромонстров.

Я уже открыл рот, чтобы окликнуть его, а потом подумал: какого черта, каждый сам волен выбрать, как умереть. Особенно если есть такая редкая возможность — выбирать. Вот я, к примеру, сдохну под лучами утреннего солнца. Но сначала посмотрю, как и что отчебучит палач. Любопытно же.

Тот как раз снял с груди крест, которым одинаково легко пользовался в драке и во время молитвы. Неужели собирается читать крысам проповедь? Или будет атаковать их распятьем? Типа они, как вампиры из фильмов, убоятся креста животворящего и сгинут? При любом раскладе Заур явно сошел с ума.

— Милена, стреляем по моей команде! — я вскинул автомат к плечу. — Рыбачка, ты с нами?!



Возражений не последовало. Значит, по моей и с нами.

Палац поднял крест над головой. Алое сияние глаз враз погасло, словно клацнули выключателем. Монстры что, зажмурились все сразу?

И тут из темноты выпрыгнула самая смелая тварь. Застыла на миг, как бы красуясь перед нами — мол, смотрите, какая я, не боюсь вас! Крыса, вот на кого она была похожа. Гигантская крыса. Только вместо глаз у нее были серые бельма, под поверхностью которых проступали кровеносные сосуды или что-то типа. И вот эти самые сосуды налились вдруг алым, засветились.

А ведь тварь слепая, понял я, ей не нужно видеть жертву, на которую она прыгает, оттолкнувшись от мусора мощными мускулистыми лапами. Длинный хвост — точно кусок силового кабеля черный и тяжелый — с замедлением хлестнул крысу-переростка по боку, на котором сквозь крупную чешую пробивались клочки бурой шерсти. Череп у монстра был непропорционально большой, массивный такой череп — то ли кость толстая, то ли мозгов внутри слишком много. С желтоватых клыков капала слюна. Пожалуй, такую зверюгу не остановит и автоматная очередь в упор. И все-таки стоит попытаться.

Я открыл рот, чтобы, набрав побольше воздуха, рявкнуть: «Огонь!!!»

Но так и захлопнул его, когда из темноты вдруг вышла престранная девица. Мышцы ее бугрились, на гладко выбритых висках не было ни волосинки. Несмотря на отсутствие даже намека на грудь, я сразу определил ее пол из-за широченных бедер. Выпи-



рающие надбровные дуги подпортили бы мордашку, не будь на ней нелепого макияжа, уродующего девушку бесповоротно. За спиной у «красотки» торчало что-то вроде баллонов акваланга.

— Здорово, лысик! Вот и свиделись опять. — Лицо девицы исказила ужасная гримаса: губы расползлись, обнажив десна, изрытые кровавыми язвочками. — Меня, кстати, Хельга зовут.

Мгла позади нее разразилась уханьем и хохотом, чередующимся с протяжными завываниями. Даже крыса, казалось, улыбнулась своей уродливой пастью.

Значит, «красотка» с плохим прикусом вынырнула из преисподней не одна, но в составе делегации. Вот только где она прячет хлеб-соль? Где плакат «Добро пожаловать, дорогие гости»? И почему она так панибратски обратилась к палачу? Они что, знакомы? Но зачем тогда представилась?..

К сожалению, я не успел задать эти вопросы вслух.

Потому что гарпии атаковали нас с тыла.

* * *

«Добрьми намерениями устлана дорога вовсе не в горние выси», — примерно так подумал Заур, увидев перед собой уже знакомую грешницу.

Надо было отпустить ей грехи там, у дома, где живет супруга Края. Всадить пулю в живот и, пока корчится, исповедовать ее, простить прегрешения и тем самым принять спасенную душу в лоно церкви.



— Почему ты здесь? — держа перед собой крест, спросил он, хотя это ничуть его не заботило, как и смех из темноты, прозвучавший вслед за игривым приветствием блудницы. Мало ли, где и с кем нравится гулять девушкам не самой привлекательной наружности?..

Сейчас его занимало лишь адское создание, похожее на раскормленную до неимоверных размеров крысу. Похожее весьма отдаленно. И уж точно не принадлежащее к отряду грызунов — даже скучных познаний Заура в биологии хватало, чтобы понять это. Гигантская псевдокрыса ластилась к ноге девицы. Крыса вела себя как добродушный ручной хомячок. Или нет — как собака, которая просит, чтобы у нее почесали за ушком.

Внезапно крыса зарычала и прыгнула вперед, вдвое сократив расстояние до палача и выказав тем агрессивные намерения. А ведь он не предпринял никаких действий, в которых можно было усмотреть угрозу. Просто тварь злоблива от природы, решил Заур.

Как и девица.

Иначе зачем ей было вскидывать руку с длинной металлической трубкой-брандспойтом? Зачем включать воспламенитель на конце ствола и направлять вырвавшийся факел огня на Заура?! На плечевых ремнях у нее ранцевый огнемет. Палач это понял, лишь когда подскочившая псевдокрыса сшибла его с ног. Струя пламени пронеслась над ним, прижатым хвостатой — и тяжелой! — тварью к мешкам с мусором.

На лестнице раздался взрыв, полыхнуло основательно, лицо обдало жаром. На настоящую руку За-



ура — не протез! — упало пару капель кислоты, которые, пузырясь, вмиг прожгли одежду, на коже вспухли волдыри.

— Всем лечь!!! — проорала девица по имени Хельга.

Ощеренная пасть крысы нависла над лицом Заура. Он замахнулся крестом, ударил, рассчитывая если не челюсть сломать, то вышибить хоть один клык, но не попал — тварь оказалась весьма проворной и отпрянула. Клыки вцепились в его штанину, дернули, протащив палача за рывок метра два по мусору. Еще рывок — и он все дальше от ступенек, а вокруг все темнее. И вновь рывок. Заур попытался сесть, и хвост крысы тут же ударил его по лицу — да так, что в глазах потемнело, он едва не вырубился.

Крыса тащила его в подземелье, из которого выбирались все новые и новые грешники с огнеметами.

* * *

«Красотка» едва не опалила мне ресницы и чуть не сожгла Милене ее особую гордость — копну длинных светлых волос. Случись это, и деваху не спас бы и батальон ее товарищей-уродцев вместе с целым зоопарком слепых крыс-переростков, уж я-то свою бывшую знаю.

Но должен признать: залп из огнемета — я перепутал его с аквалангом — оказался весьма эффективным против гарпий. Настырную тварь, решившую



юся спуститься в метро, едва зацепило кончиком пламени. Ни у одной земной зверюшки и ожога не было бы, а ее вмиг порвало в клочья со всеми подобающими спецэффектами: грохотом, клубами пламени и ошметками, которые разбросало по вестибюлю и за его пределы. На меня и Милену ничего не попало, а вот Рыбачке досталось изрядно.

Пока же деваха и паноптикум ее товарищей, набежавших из метро, жгли гарпий, крысы набросились на нас. Мы, конечно, отстреливались — каждый, кроме палача, успел сделать минимум по залпу, и я точно попал — пуля угодила крысе в грудь, содрала шерсть вместе с чешуей и даже высекла искру, отрекошетив. Эта тварь бронированная, что ли?! А ведь каждая еще и размером с хорошего теленка!..

Сопротивление наше вмиг было подавлено.

Но к моему большому удивлению, напали монстры вовсе не для того, чтобы насладиться человеческой плотью. По крайней мере, тотчас рвать на куски нас не стали, что уже хорошо. А вот что плохо — громадная тварь, от которой пахло псиной, слишком ловко взвалила меня на хребет и потащила в непроглядную тьму. Перед этим она сорвала с меня автомат и дробовик, хватанула когтями «стечкин» и зашвырнула подальше в мусор.

И вроде бы отлично, что крыса эвакуировала меня с поля боя, подальше от гарпий. Но может, ей при свете дня невкусно меня жрать, кусок в горло не лезет? Типа, для аппетита нужен интим кромешной тьмы?.. Теряясь в догадках, я предпринял попытку свалиться со спины моего четырехлапого средства передвижения — и мне это удалось! Я бы даже об-



радовался, но пребольно ударился копчиком о мраморный пол, пожалев, что тут нет мягкой подстилки из бытовых отходов. Зона свалки закончилась, дальше все чисто.

Я зашарил по карманам в поисках мобильника. Где же он?.. Подсветка экрана позволит осмотреться... Черт, я же разбил телефон! А новым так и не обзавелся. Вот ведь, без трубы — как без рук!

Вновь остро запахло псиной, и в ладонь мне ткнулось что-то... На ощупь вроде... Вот и кнопка, я нажал большим пальцем — вспыхнул свет. Так и есть, крыса — целый крысозавр! — презентовала мне электрический фонарик.

Не успев даже подивиться нежданной щедрости монстра, куда-то запропастившегося, я обомлел от увиденного.

Тварь хвостатая затащила меня аж к турникетам. Но не это смутило меня, а сваренный из рельсов крест у стены напротив. Короткая горизонтальная перекладина располагалась ближе к полу, чем к потолку, а на вертикальной сбоку вывели поверх желтого фона: «ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ! ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ!».

И все бы ничего, крест себе и крест. Мало ли, кому-то делать было нечего, а тут под руку попал сварочный аппарат? Вот только на кресте вниз головой висел человек, примотанный к конструкции ржавой колючей проволокой. Судя по хрипам из его глотки, старуха с косой уже рядом, просто напоследок мучает. Обнаженное мускулистое тело — сплошной кровоподтек, я не сразу разобрал, что бедолага — чернокожий.



Ба, да это же тот самый «африканец», что грозился убить меня на парковке у клуба «Азия»! Здоровяк-каннибал с мелкими косичками! Надо же, какая встреча... Теперь ему понадобится ведро шампуня, а то и два, чтобы вымыть из волос запекшуюся кровь. Похоже, у «африканцев» новый босс. Низложенное начальство в знак уважения к предыдущим заслугам они не едят, а просто дарят жителям подземки — вот почему он здесь, члены клана ему не простили неудачу со мной.

Глаза негра открылись. Зажмутившись в свете фонаря, он прошептал:

— Помогите...

— Обязательно поможем, — пообещал я ему, — но при одном условии: если будешь хорошо кушать и маму слушать.

Помочь ближнему — это святое. Но на близость с каннибалом я не претендую. Он сам не убил меня только потому, что вмешались бойцы Чингиза, так что и я не буду подставлять вторую щеку и спину. Пусть повисит. Помоги я ему — не то что благодарности не дождусь, но подвергну себе лишней опасности, а их и так в моей жизни больше чем надо.

Я посветил по сторонам. Слева и справа от креста занятого стояли кресты пустующие. У меня по спине прогулялся холодок. Сквозняки тут, что ли?..

— Это для тебя, Край, — «африканец» таки высмотрел, с кем говорит, и рассмеялся визгливо, но искренне. Правда, тут же и закашлялся. Со сломанными ребрами лучше вести себя спокойнее. — Черви отомстят за моего брата!



При чем тут черви, я так и не понял, а спросить у него не удосужился. На границе света мелькнула большая тень. Я отпрянул было, но вспомнил, что привык встречать опасность лицом к лицу — просто потому, что не знаю, куда тут, в подземке, от нее бежать. Я шагнул вперед и увидел, как здоровенный крысозавр, еще крупнее того, что притащил меня сюда, сбросил с себя Милену и бесшумно растворился в темноте.

— Край, что происходит? — моя бывшая — ее тоже обезоружили — поднялась с пола и принялась тереть ушибленный зад.

Мне же вдруг показалось, что во мраке за турникетами что-то или кто-то есть. Я направил туда луч фонаря, из-за чего пропустил момент, когда к нам присоединился Рыбачка. Надо понимать, он тоже сюда не своим ходом попал. Ему срочно нужна была медицинская помощь: на кистях, ногах и лице его пузырились волдыри химических ожогов, кожа покраснела, вздулась. Клубная куртка байкера превратилась в лохмотья — она взяла на себя часть отравы и растворилась. Выглядело все это неприятно, а пахло так вообще мерзко. Да уж, круто Гордея накрыло, когда гарпию зацепило огнем и разорвало.

Кстати, оружия у него тоже не было.

Дыхание со свистом вырывалось из груди главаря уничтоженной мотобанды. Чуть постанивая, он едва сдерживался, чтобы не закричать от боли. Рыбачка выдернул из кармана телефон — и на площадке у турникетов стало чуть светлее, но никак не уютнее.

— Что это, Край?! — воскликнула Милена. — Посмотри!



Теперь и я обратил внимание, что мы находимся в центре здоровенной пентаграммы, вместе с кучей непонятных знаков намалеванной на полу. Крысозавры, «блины», гарпии, а теперь вот... Что за чертовщина тут происходит?!

— Надо обработать ему раны, перевязать... У тебя есть аптечка? Да откуда... Вколоть бы обезболивающего хотя бы... — то, что наши с Гордеем отношения нынче не назовешь дружескими, не отменяет моего хорошего к нему отношения. Ведь я сам виноват в его враждебности ко мне.

Милена затравленно озиралась по сторонам, подсвечивая себе мобильником:

— Край, надо выбираться отсюда!

— А зачем, любимая? Тут ведь хорошо. Посидим, поговорим о том, о сем. Компания отличная, так что...

Это я поспешил — насчет компании.

Из темноты за турникетами послышались шаги. Много шаркающих шагов, стук костылей, цокот подковок туфель, топот ботинок... Они шли к нам, они приближались — местные обитатели, те, кто ушел от нас, нормальных, под землю. Те, кому не хватило места наверху, кому не досталось счастья ни на вот столечко. Страшные, косматые, в струпьях, с нарывами вместо лиц — ковыляли, помогая друг другу, смотрели на нас снизу, согнутые под весом своих горбов. За скрюченные руки уродцев — на многих отнюдь не пять пальцев — держались дети с заметными генетическими отклонениями...

Милена вскрикнула. Я обнял ее, прижал к груди. Рыбачка засопел. Отступать некуда. Крысозав-



ры и огнеметчики не дадут нам погибнуть от кислоты гарпий. Такое впечатление, что нас, как волков или кабанчиков, загнали прямо к охотникам под ружья.

— Черви идут! — негр вновь закашлялся.

Вот, значит, кого он называл червями — местное население, из-за которого я не хотел спускаться в подземку и потому всячески отговаривал от этой идеи коллег по неудавшемуся штурму Парадиза.

Одной лишь продажей пушечного мяса страна не могла расплатиться с кредиторами из Центробанка, кучи фондов развития и прочихшибко хитрых организаций. А деньги требовали все и сразу. Или хотя бы часть, но все равно слишком много. Выход из ситуации подсказали сами кредиторы: у вас уже есть Чернобыль, так почему бы на территории Украины не устроить еще несколько — много, очень много! — могильников радиоактивных и токсических отходов? Все равно ведь все загрязнено. Типа, мокрый дождя не боится. И вот уже десятки лет к нам свозят дрянь со всего мира, оставляя ее на открытых полигонах, слегка обнесенных «колючкой». Иногда зарывают на пару метров в чернозем, часто топят жестяные бочки в речушках... И ведь далеко не все аборигены могут покинуть родные места, в однажды превращенные правительством в зараженные территории. Кто-то остается там жить, выращивает хлеб, пасет коров, рожает детей... Радиацию ведь не увидеть и не пощупать. Вот только дети рождаются не очень-то здоровые...

Этим подросшим уродцам с различными отклонениями — как физическими, так и психическими —



некуда было податься, когда умерли их родители. Их порченные гены никому не нужны, на их органы не позарится ни один «мясник». Здоровье рожденных в грязных зонах не позволяло исполнить им воинский долг, точнее — получать солдатский паек, чтобы не умереть от голода.

А Вавилон принимал всех!

Здесь никто не в праве указывать, как тебе жить, каким быть. Правда, кланы тоже не встретили отверженных распростертыми объятьями... Да и не надо. Уродцы сами нашли себе свободную нишу — спустились в давным-давно заброшенное метро. Мало кто из них доживал до тридцати, но подземка больше не пустовала — поток иммигрантов с зараженных территорий не иссякал...

Надо ли говорить, что метрожители не очень-то любили тех, кто обитал наверху? Они всячески противопоставляли себя сытым и здоровым людям. И начали поклоняться Сатане, Барону Самеди и всяким злым духам, лишь бы даже религией не походить на благополучных сограждан.

И я не виню их в этом.

Точнее — не винил до того самого момента, пока меня не схватили, не перевернули вниз головой и не задумали приладить к кресту рядом с африканцем, на мерзкой роже которого появилась довольноная ухмылка. Я сопротивлялся: кому-то в глаз заехал, кого-то лягнул, но этих «кого-то» было слишком много, и все вооружены арматурными прутьями, ломами, дубинками и еще бог знает чем. После пары ударов молотком по лбу и затылку я решил, что висеть на кресте вниз головой — хре-



ново, но еще хреновей висеть вниз пробитой головой.

Судя по крикам Милены и отборному мату Рыбачки, им тоже предстояло занять теплое место на холодном стальном распялье.

Кстати, а где это наш сдвинутый на религии палач? Кресты — это ведь по его части, разве нет? Пусть хоть помолится за наши души. И вообще — чего это он отделяется от коллектива? Вот нажалуюсь Ронину, что он плохо за мной приглядывает...

Не очень-то удобно из положения вверх ногами смотреть на то, как тащат к тебе моток колючей проволоки, собираясь примотать ею лодыжками и предплечьями к рельсам.

Подземелье огласили мерзостные звуки — вроде скрежета металлом по стеклу — это уродец, принесший проволоку, выкрикнул:

— Жертва! Жертва!

Честно? Мне стало не по себе.

А вот стадо изгоев радостно взвыло.

* * *

Огненное побоище, устроенное Хельгой и ее товарищами, вдохновило Заура.

Воистину Господь явил чудо, заставив слуг Врага творить добро!

Едва их касались струи из огнеметов, крылатые демоны гибли, забрызгивая все вокруг своими болезненстворными миазмами. Досталось и палачу — ему обожгло руку.



— Лысица зацепило! — услышал он крик грешницы, заглушивший на миг шипение и вой раскаленных струй. — Отходим!

Заура принялись настойчиво толкать в темноту перехода. Он не сопротивлялся — знал, что грубыми заблудшими душами управляет сам Господь. Не грязные лапы вцепились в палача, но пречистые дланi *Его* поддерживают, ведут по единственному верному пути.

На жжение в предплечье не обращал внимания — это не боль, это пустяк в сравнении с тем, что ему довелось пережить. Недавнее падение с грузовика на скорости — и то было круче, до сих пор в спине и шее отдает, несмотря на предельную концентрацию. Наука Учителя в который раз пригодилась палачу. С любой болью можно договориться, если знаешь как.

Путь себе огнеметчики освещали вовсе не факелами огня, но обычными диодными фонариками, потребляющими так мало энергии, что крохотной батарейки надолго хватит. Сколько палач ни крутил головой, громадных псевдокрыс так и не увидел — с людьми им было не по пути. А вот крылатые демоны наоборот вовсю старались догнать ведомых Господом грешников, и потому то и дело влетали в подземелье, заставляя тратить на них горючую смесь. Заур видел, как в огнеметчика вцепился когтями демон и принялся поливать его своими миазмами...

Их сожгли обоих. Тварь — без сожаления, человека — из жалости.

А потом закрылись гермоворота, и последние грешники, прикрывавшие остальных огнем, не успели перебраться в безопасную зону.



Заура опять куда-то потащили...

Ослепив на секунду-две, врубилось освещение станции. Палач моргнул, снял очки, потер глаза — хорошо, хоть на них не плеснуло миазмами, стекло не защитило бы... Одного взгляда на местные достопримечательности хватило, чтобы оценить обстановку. Его привели на площадку у турникетов, поставили лицом к распятиям, к которым вниз головой прилаживали Краевого, его супругу и Рыбачку, а рядом уже висел какой-то основательно избитый африканец. И если Краю досталось по заслугам, то его блудницу-жену — платье ее сползло чуть ли не до ушей — могли бы столь сурово и не наказывать. Да и Рыбачка не отличился в присутствии Заура кровожадностью и в нарушении Законов не замечен — если, конечно, закрыть глаза на управление транспортным средством в нетрезвом виде.

— Пугаешь меня распятием? — Заур обратился к Хельге, подошедшей к нему со склянкой какой-то прозрачной жидкости. — А это что за мерзость?! — Он скривился и плюнул в центр пентаграммы на полу.

В подземелье стало угрожающе тихо. Сотни глаз, не моргая, смотрели на дерзкого палача. Дыхание сперло в грудных клетках, сейчас оно вырвется яростным ревом, руки потянутся к Зауру, его повалят, растерзают. Как же, ведь он попрал святыню!..

Глядя исподлобья — из-под мощных надбровных дуг, грешница протянула ему склянку:

— Это поможет тебе, лысик. Залечит раны.



Глава 9

СТЕНА

Бионоид-лифт остановился, пасть распахнулась. Утопая по щиколотку в слизи, Асахара выскользнул наружу. Патрика и слугу бионоид вытолкнул легкой судорогой мышц, из которых состояла его утроба. Пасть захлопнулась.

Святой отец застыл, наслаждаясь величием Первой родовой норы, значительно превосходящей размерами коридоры-перемычки и те норы, в которых будут установлены инкубаторы второй очереди. «Кроты» постарались на славу: свод, укрепленный их цементирующими выделениями, располагался метрах в двадцати от пола, верх и низ норы соединяли колонны, тут и там установленные приятно несимметрично. Колонны со всех сторон от пола до потолка были увешаны сотами инкубаторов.

Вовсю кипела работа, последние приготовления, загрузки и подкормки. Все инкубаторы достаточно вызрели, чтобы принять зародышей.

Похожие на крабов бионоиды сутились у основания колонн, срезая клешнями пластиы загустевшей слизи и подволакивая слизь свежую, чтобы колонны получали достаточно подпитки и не пересыхали. Колонны, как и каждая сота, подвешенная на них, нуждаются в топливе, смазке, различных кормах — в том числе полисахаридах и белках, а без своевременного удаления отходов их кератиновый наружный слой начинает разрушаться.

Бионоиды, чьи пять лап гений Praродителей наградил присосками как у земных осьминогов, взби-



рались по колоннам до самого верха, если надо, и, прикрепляясь к сотам, проводили ТО и прочие необходимые процедуры.

Взмахом руки Асахара велел следовать за ним.

Троице предстояло пройти к Главному Накопителю.

Прерывистое дыхание слуги слышалось даже сквозь скафандр. Асахара, кажется, улавливал, как учащенно стучит сердце сапиенса, когда тот, выпучив глаза, смотрел по сторонам.

— Хозяин, я... я... это... — пораженный увиденным слуга попытался схватить за локоть Асахару, брезгливо его оттолкнувшего. — Ох!..

Последний возглас был вызван тем, что вся колония грибов, произрастающая из слизи на стенах, одновременно выбросила искрящиеся в воздухе споры, а мхи на своде в тот же миг перекрасились — были буро-зелеными, а стали желто-голубыми. Это послужило сигналом для бионоидов. Часть «осьминогов» — с полсотни — покинула колонны, внизу к их спинам пристыковались «螃蟹ы». Тандемы бодро вскарабкались по стенам, где клешни, ритмично пощелкивая, принялись срезать вызревшие части грибницы.

А внизу вовсю сновали бионоиды, похожие одновременно на гусениц и скорпионов, — эдакие живые сосуды, наполненные различными нужными для инкубаторов веществами. По сути своей они грузовики. Асахара переступил через «螃蟹а», замершего у такого вот грузовика, с помощью иглы-дозатора на конце хвоста проколовшего панцирь чуть выше клешней и сливавшего внутрь «螃蟹а» строго отмеренную порцию. «Накормив» с десяток «螃蟹ов» и «осьми-



ногов», грузовики возвращаются к огромному бионому-иду-чану, в котором постоянно готовится «суп». Ингредиенты самые разные: почва, металлом, пластик, тела умерших от передозировки послушников, стекло... Стекла, кстати, едва хватило. Аэробиониды выбили все окна в прилежащих к Парадизу домах... Чану все идет впрок, он все переварит.

— Спасибо! Ни один человек сюда!.. Это честь! Честь для меня! — слуга плюхнувшись на колени перед Асахарой, едва не раздавив пустой «грузовик», в который «краб» загружал срезанные со стен грибы. Грузовик потом оттащит их к чану. Грибы содержат вещества, без которых из зародышей не получится вырастить полноценных путников.

Рывком подняв слугу, Асахара прошипел:

— Под ноги смотри!

Сам же он смотрел на часы на запястье. Под стеклом циферблат заволокло зеленоватой дымкой, на которой простирали текстовая информация о готовности инкубаторов на 98,6%. Интерфейс — все эти проценты, буковки и прочее — полностью адаптирован к психоматрице, наложенной на истинную сущность разведчика.

За колоннами впереди показался Главный Накопитель, к которому и направлялся святой отец. Пряданный слуга, отставая от него на пару шагов, вел подростка.

Яйцеобразный Накопитель, упирающийся своей верхней частью в потолок норы, состоял из многих слоев тончайшей паутины, подрагивающей от маломальского движения воздуха. Паутина эта соткана Праородителями из вещества, способного аккумули-



ровать такое количество энергии, которого хватит, чтобы вмиг испепелить всю Солнечную систему.

Асахара остановился, и вконец ошалевший от увиденного слуга, оставив Патрика без присмотра, вырвался вперед.

Тотчас слизь на полу подернулась рябью. По ней от Накопителя к слуге побежала волна, у самых ног его разорвавшаяся фонтаном брызг. Из фонтана вырвался на волю живой трос, сплетенный из мышечных волокон, не только очень сильных, но и выделяющих клейкое вещество. Бионайд-трос, охраняющий подступы к Накопителю, за доли секунды опутал собой слугу. Тот, противно вереща от страха и боли, попытался высвободиться, чем только усугубил свои страдания, ибо чем активней он трепыхался, тем сильнее сжимал его тельце трос, грозя сломать сапиенсу ребра и раздавить внутренние органы.

— Помогите!.. — прохрипел слуга. — Пощадите!..

— Заткнись, — обронил Асахара. — И не дергайся.

Он не стал объяснять, что иначе никчемная рабская жизнь закончится в чане, где слуга быстро переварится до аминокислот. Его занимал сейчас только Накопитель, бледно-розово засветившийся, среагировав на приближение к нему чуждой формы жизни, — ведь Асахара выглядел нынче вовсе не как путник, и сознание его было изменено. Если бы не часы, — у слуги чуть другие — святой отец и шагу не смог бы дальше ступить, его тоже опутал бы трос. И все же Накопитель выказывал свое раздражение по поводу



неприятного ему визита — разноцветными волнами света, испускаемыми паутиной. А уж когда Асахара взял за руку мальчишку-блондина, обозначив свое покровительство над ним и запретив бионайду-охраннику атаковать его, весь Накопитель возмущенно вспыхнул десятками, если не сотнями молний.

Асахара взглянул на часы.

99,2%.

Он развернул Патрика к себе лицом.

Вокруг них, позади, везде в Первой родовой норе суета бионайдов-рабочих постепенно сходила на нет. То один, то другой останавливался, замирал. «Осьминоги» опадали с сот инкубаторов — их миссия закончена, они тут больше не нужны, так зачем же понапрасну расходовать энергию?..

Когда вырубился последний «краб», под циферблатом вспыхнули заветные три цифры без запятой.

100%.

Инкубаторы Первой родовой норы готовы принять зародышей.

Чувствуя нервную дрожь во всем теле, Асахара подтолкнул мальчишку к Накопителю. Шаг. Еще шаг. Слизь под ногами тут более густая, чем везде в норах, приходится прилагать усилие, чтобы высвободить увязшие стопы. До сотканной из паутины громадины Накопителя считанные метры...

На отупевшем от наркотика лице Патрика появилось осмысленное выражение. Подросток точно очнулся от долгого сна. Асахара толкнул сильней, но мальчишка вцепился в его руку.

Оторвав от себя чужие пальцы, святой отец чуть ли не бросил Патрика в Накопитель.



Паутина тут же облепила юного сапиенса, кляпом набилась в рот, открытый для крика. Миг — и Накопитель втянул в себя тело. Секунду-другую еще видно было, как парнишка мутузит пространство вокруг себя ногами и руками, но движения его становились все более вялыми, замедленными, точно он угодил в густеющую смолу. Зато глаза его яростно блестели — Асахара отчетливо видел этот блеск сквозь пластины паутины.

Получив новый топливный элемент, Главный Накопитель начал трансформироваться: его паутинки смыкались в ленты, ленты образовывали целые полотнища, пластины которых наслаждались друг на друга... Накопитель, становясь цельным, однородным по структуре, уменьшался в размерах, делаясь прозрачным, как стекло.

Метаморфоза завершилась яркой вспышкой, осветившей нору.

Всё, топливный элемент принят и опознан, как достаточный. Асахара возликовал. Есть энергия для Вторжения!

Подземелье содрогнулось от мощного толчка.

Так стучится цыпленок, изнутри ломая скорлупу, чтобы проникнуть в новый мир. Местное сравнение очень подходит для нынешнего момента.

* * *

— Господь велик! — передо мной возник наш святоша-палач. Его безволосый череп отблескивал в лучах ламп дневного света. — Деяния бога пре-



исполнены мудрости! Раз Он соединил всех нас здесь, то лишь ради великой цели избавления от зла, затаившегося в Парадизе. Мы должны атаковать чертог демонов и очистить от них город, остановив беззаконие!

Что по мне, святоша нес полный бред, но обитателей подземелья жутко возбудила его пафосная речь, поэтому я воздержался от критики. Они поддержали Заура дружным воплем согласия после того, как это сделала их широкобедрая предводительница, так и не всучившая ему баночку с перекисью водорода, помогшей Рыбачке нейтрализовать химические ожоги.

Когда палач отказался от лекарства, предложенного Хельгой, и принялся угрожать подземному паноптикуму расправой, размахивая перед уродливыми рожами своим крестом, я был уверен: местные быстренько сварят для него рельсы и не пожалеют «ключочки», что вот-вот воньется мне в руки-ноги, расцарапав их до костей. По сути ведь шибко религиозный палач для них наипервейший враг, потому как идейный. Я вот, к примеру, друг, а он...

Я попытался объяснить «червям» расклад, намекнул, что меня нельзя держать вверх ногами, прислонив к кресту, а то кровь носом пойдет... Она и пошла — после того, как мне хорошенько врезали. И я даже не пикнул в ответ. Зачем возмущаться, если к горлу приставлен нож? В таком положении рекомендуется дышать через раз и молиться, чтобы не сработал глотательный рефлекс, а то без кадыка останешься.

И вот тут случилось странное.



То есть и до того непонятного было через край. На меня не каждый день гарпии нападают и крысозавры по метро таскают. Но все это ерунда в сравнении с тем, что палача не только не растерзали, но и послушали его, освободив нас. Меня, конечно, могли бы и придержать, как Милену, а не позволить ткнуться черепом в пол, да так, что звезды из глаз брызнули. Но и на том спасибо.

А все потому, что Хельга — челюсть даю! — без ума от нашего душевно озабоченного психа в очках. Любовь зла, полюбишь и палача. А дамочка-то у местных в авторитете: что она скажет, то и делают.

— Господь милостлив!.. — и понеслось все заново. Палач нашел благодарные уши и врубил проповедника. Как же, у него есть шанс перевести на светлую сторону кучу противников его веры.

Ничего не имею против религиозного экстаза, но у моего сына проблемы, мне нужно срочно его спасти. Так что не выдержал я, высказался. Только вот «черви» после очередного пассажа палача кричали так долго и так громко, что никто не услышал бы меня, поднеси я ко рту хоть рупор, хоть целых два.

Вопли резко оборвались, лишь когда на площадку выбрался из-за турникетов здоровенный крысозавр. Лавируя в толпе, будто так и надо, он подобрался ко мне, плюхнулся на пятую точку и уставился на меня бельмами, заменяющими ему глаза. Хоть бы моргнул разок, да нечем ему.

— ...все это видел! — закончил я свой спич.

Массы безмолвствовали. А ведь мое высказывание определенно должно было вызвать конфронтацию или хотя бы жаркие споры. Я готов был еще



раз получить молотком по голове, но столь откровенное игнорирование стало для меня полной неожиданностью.

Поглядывая на крысозавра, Хельга — в ее предках числились неандертальцы, не иначе — приблизилась ко мне:

— Ты что не слышишь?

— Почему это? У меня отличный слух.

— Тогда почему не идешь? Он же зовет тебя.

— Кто зовет? — определенно жизнь под землей не пошла девице на пользу.

— Он, — Хельга кивнула на крысозавра.

Самое забавное — она не шутила. И на лицах «червей» я не заметил улыбок. Все застыли в напряженном ожидании.

— Что-то с крысозаврами определенно не так. Да и гарпии — явно не земная форма жизни... Инопланетяне, что ли? С Альфы Центавра? — Я хмыкнул, чем заслужил неодобрительный взгляд Хельги. — Определенно схожу с ума. Надо же, инопланетяне...

— Точно. К врачу тебе надо, — поддакнула Милена. Она всегда со мной соглашается, если этим можно хоть чуточку меня поддеть или унизить.

Крысозавр ждал — сидел напротив и явно не собирался убираться в свою далекую-далекую галактику.

Значит, и врач подождет, решил я. Но не стоит забивать себе мозг научной фантастикой, в нем есть место только для реальных проблем. Главное — выбраться из подземелья, проникнуть в Парадиз и освободить Патрика. Вот об этом голова должна болеть... И вообще, думать — вредно. Пусть крысозавры ду-



мают, у них черепа большие... Стоп! А что, если крысозавры разумны и...

По велению палача, «черви» вернули нам оружие и даже кое-чего добавили от своих щедрот. Хельга сияла, наблюдая за тем, как Заур тут распоряжается. Она уже пообещала ему, что проведет нас тайными подземными тропами к Парадизу.

Я же, стараясь на замечать хвостатого монстра, вскоре убедился, что от расспросов о крысозаврах подземные жители уходят, не хотят говорить, откуда те взялись и что они такое. А ведь зверюги не простые, слишком уж умно они действовали на поле боя. Я только понял, что обнаружились они в метро недавно, и это навевало определенные мыслишки... С другой стороны, быть может, у местных культ такой, разновидность их сатанинских плясок: выкормили мутантов, подобранных на радиоактивной помойке, а те дали жизнеспособное потомство, так и появились крысозавры. Вполне себе версия, разве нет?

Бот только я в нее не верю.

Проявив нетерпение, крысозавр подошел ближе и царапнул меня когтями по бедру.

— Ты ему нравишься! — хохотнул Рыбачка, заряжая дробовик. Ожоги байкера больше не беспокоили, вот и проснулось зачаточное чувство юмора.

— Иди. Он хочет поговорить, — Хельга сунула мне в руку фонарик, а Милена хлопнула по плечу — мол, чего ломаешься, просто сделай это, пока «черви» не разозлились.

Ощущая себя крайне глупо, я поплелся вслед за крысозавром, вразвалочку зарысившим в темноту.



Когда рядом никого не осталось, монстр обернулся ко мне и раскрыл пасть. Честное слово, я решил уже, что он со мной действительно заговорит и даже приготовился опешить и, в свою очередь, разинуть рот от удивления. Но крысозавр лишь ощерился и зарычал, намекая, что мне не стоит делать резких движений. Я замер, прикидывая, успею ли сорвать с плеча автомат и поразить монстра в жизненно важный орган, — куда, интересно? — прежде чем он воньется мне клыками в пах.

«Калашников» остался висеть, где висел, а я сохранил свое мужское достоинство — монстр всего лишь хватанул за карман куртки и потряс головой, едва не повалив меня на пол.

Заур раскатисто вещал о том, что детям подземелья уготована великая миссия — изгнать демонов из рая... Как бы не переборщил он с речами, уже и так завел толпу, раскочегарил, дальше некуда — могут остыть и передумать сражаться.

Крысозавр опять зарычал.

— Слушай, чего тебе надо, а, дружище?

Словно поражаясь моей непроходимой тупости, он хлопнул себя хвостом по боку и заскулил.

Хм... За карман зверюга меня зачем схватила? Что у меня там?.. Я вытащил из кармана часы. Те самые, экспроприированные у палача. Обычные «Bregguett»: белое золото, сапфир, кожа крокодила. В общем, ничего такого, подумаешь. Разве что стоят, стрелки не шевелятся, но это с часами бывает...

Циферблат вспыхнул зеленоватым светом, хотя я ничего не делал, кнопок не нажимал. От неожиданности я едва не выронил часы. Крысозавр одобри-



тельно, как мне показалось, щелкнул клыками. Так все дело в «Bregguett»? Из-за этих курантов он меня сюда притащил?

— Надеть часы, да, дружище?

Крысозавр зарычал.

Стянув на запястье ремешок из крокодиловой кожи, я успокою опасного монстра. А раз так, то почему бы и нет? В конце концов, чего статусное чудо инженерной мысли в кармане пылится? Я нацепил на себя часы и...

Меня накрыло.

К бывшей жене и Рыбачке, к палачу и сборищу «червей» я вернулся, изрядно покачиваясь, будто опростал литр водки. Залпом, из горла. В голове звонело, я смутно понимал, что происходит вокруг, и все пытался упорядочить мысли и миллион нахлынувших образов, вытеснявших друг дружку, боровшихся за право занять место в моем сознании.

А еще не давала покоя одна вещица, которую крысозавр выплюнул мне на ладонь перед тем, как наша «беседа» подошла к концу.

— Ты чего, Край? — В голосе палача скользнула лютая неприязнь. — Господь ведь с нами.

— Я... — меня вывернуло прямо ему под ноги. — Я кое-что узнал...

Станцию изрядно тряхнуло.

Милена вскрикнула. И понятно, почему: в Вавилоне никогда не было землетрясений, а значит, происходило нечто странное.

В мое же сердце точно вонзили шило. Патрик! Что-то не так с моим сыном, он в опасности!

Крысозавр задрал голову к потолку и завыл.



* * *

Опираясь на мальчишку — личного помощника, Петрович спешил покинуть обезлюдевший с недавних пор район. С палачом он поговорил, презент вручил, а что потом пальба началась, так это хорошо, подступы к Парадизу наверняка хорошо охраняются. Хуже если б совсем без пальбы — это означало бы, что палач с Краем и мотоциклистами сгинули, даже не доехав до места...

Из-за слепоты Петрович не мог увидеть, как небо над Парадизом потемнело, точно над ним собирались грозовые тучи. Зато он почувствовал подземный толчок и услышал противный вой сирены, такой сильный, что завибрировали зубы и кости, а в висках заломило.

Мальца, за плечо которого он держался, затрясло всего, от пяток до темечка. Его дрожь передалась Петровичу. И уже вместе они, схватившись за уши, упали сначала на колени, а потом и вовсе повалились на асфальт.

Сколько их так корежило, неизвестно, Петровичу показалось, что вечность. А когда сирена резко замолчала, он решил уже, что это барабанные перепонки не выдержали, или еще что вроде, и к слепоте его добавилась глухота — такая наступила тишина, звенящая прямо, еще более невыносимая, чем мощный звук, ей предшествовавший.

И потому он обрадовался голосу мальца, который сказал:

— Хорошо тебе, Петрович, без глаз. А я все моргаю и моргаю, и режет, будто мне в оба песком сыпнули... Ой! Что это?!



— А что там, милок? — Петровича обеспокоило удивление мальчишки и страх, скользнувший в его взглазе.

— Над стадионом... там...

— Что там?! — невнятное бормотание помощника начало раздражать. Петрович уверенно, как делал уже много раз, поймал мальца за ухо и дернул так, будто хотел оторвать его.

Мальчишка вскрикнул и торопливо принялся переводить увиденное в слова. Получалось, что от крыши стадиона к грозовым тучам в небе устремились серебристые лучи и точно высосали из туч все молнии, а потом лучи как бы расширились и изогнулись, схлопнувшись над стадионом полусферой. Патран так и сказал — «полусферой». Петрович погладил его по стриженой голове. Умный парнишка, молодец.

— По внутренней поверхности полусферы струятся голубые и оранжевые молнии, — закончил описание мальчик. — Так что это, Петрович?

— Силовой купол, — высказав это предположение, Петрович принюхался. В воздухе отчетливо пахло озоном. — Отгородились, сволочи, от всего мира...

Он достал из кармана мобильник.

* * *

Вой сирены проникал под землю, наполнял гулом бетон переходов, по которым мы, срывая дыхание, бежали вслед за крысозавром и Хельгой. Ее не бле-



щущие здоровьем сородичи отстали еще пять поворотов назад и уже вряд ли нас догонят. Весь их боевой дух, раззадоренный пламенными речами Заура, свелся на нет, как только подземелье тряхнуло и свет в лампах замерцал, грозясь и вовсе погаснуть. Я ни в чем их не винил, я всего лишь старался не свалиться с ног и не врезаться на очередном повороте в стену.

Погруженный в себя, я лишь краем глаза следил за окружающей обстановкой. На стенах — сплетения кабелей, стоваттный свет из-под пыльных плафонов слепил мне глаза, под каблуками ботинок хлюпали лужи, а пахло в коридорах плесенью и пылью одновременно... Мыслями я был далек от всего этого. Ведь мое запястье приятно грели часы «Breguet». Для непосвященных они — кусок золота со стрелками, лишь дважды в сутки показывающими правильное время, а для меня...

Что *это* для Максима Краевого?

И рад ли я тому, что *это* открылось мне? Рад?!

От станции метро, на которой мы укрылись от гарпий и «блинов», до подземных коммуникаций стадиона рукой подать, заверила нас Хельга.

Оскользнувшись на луже, я упал на колено. Рыбачка, бежавший чуть сзади, помог мне подняться. При этом он едва не уронил свой любимый дробовик в затхлую рыжую воду.

Я поднажал, но колено болело, поэтому мой спринт превратился в рваные прыжки с подволакиванием ноги. Как же не вовремя, а?! Ведь теперь я знал, что предвещало землетрясение и почему воет сирена. Надо спешить. Иначе будет поздно!..



За очередным поворотом меня поджидал палач. Похоже, он специально отстал, чтобы притаиться в засаде. Только я выскоцил на него, он вцепился мне в горло, повалил на пол. Упав, я основательно приложился затылком, едва не вырубившись.

— Там, на Крещатике, ты небось чувствовал себя царем и богом, да, Край?!

Изловчившись, я ударил его кулаком в висок. Пальцы Заура разжались, и я смог прохрипеть в его искаженное от ярости лицо:

— Дружище, ну ты достал уже этой херней!

Второй удар я нанес в челюсть, сбросил его с себя и навалился сверху.

— Ну не был я в Киеве! Никогда не был! — Я ткнул «стечкиным» палачу в грудь, а потом убрал пистолет. Хорошенько двинув по ребрам разок-другой, поднялся. Разлеживаться времени нет.

— Так ты точно не бывал в Киеве? — Заур догнал меня. Видать, то, что я его не пристрелил, посеяло сомнения.

— Да. Точно. Никогда. Сколько еще раз тебе повторить, чтобы ты отстал?!

— А Бабуин откуда тебя знал?

Впереди был длинный коридор, в конце которого нас поджидали Рыбачка, Милена, крысозавр и Хельга. Последняя, тревожно перетаптываясь на месте, высматривала своего любимчика-законника.

— Этот урод затесался в мой отряд в Чернобыле, — выдохнул я на ходу. — Его гнилая сущность быстро проявилаась — он крысятничал у своих, поэтому я его прогнал. С тех пор, я слышал, Бабуину не очень-то везло. Не с теми людьми он вступал в



сомнительные сделки, мародерствовал и грабил по всей Украине. Наверное, тогда и случилась та перестрелка на Крещатике, о которой ты мне все уши прожужжал.

Быстро двигаться я не мог, и палач воспользовался этим для задушевной беседы:

— И во всех своих неудачах Бабуин обвинял тебя?

— Доходили такие слухи.

Заур задумался вслух:

— «Все из-за Края... Это Край во всем виноват», — так сказал Бабуин перед смертью в подвале. И это вполне могло значить следующее: «После встречи с Краем моя жизнь пошла наперекосяк». Неужели я понял его слова превратно?.. С чего я вообще решил, что ты, Краевой, имеешь отношение... Ослепила жажда мести... Я так долго искал, что готов был кинуться на первого встречного...

— Неисповедимы пути Господни, да, дружище? — я не удержался от подначки в его стиле.

И вот тут палача понесло. Прорвало плотину. Слова лились из него бурным потоком, Заур проглатывал окончания фраз, повторялся, бормотал что-то невнятно... Так бывает, если много лет хранишь в себе тайну, причиняющую боль каждый миг. Тайну, о которой не можешь забыть ни днем, ни ночью, ни в радости, ни в быту.

Он едва не погиб во время Всеобщей Войны Банд. Был бой на Крещатике, и его семья оказалась не в том месте не в то время. Их машину, почти уже выскочившую из зоны разборок, расстреляли из автоматов. Отец и мать погибли на месте. Авто, потеряв управление, врезалось в столб светофора. Руку и но-



гу Заура, тогда еще совсем мальчишки, зажало между сидениями. Машина загорелась, и рядом плакала его крохотная сестра, пристегнутая к специальному детскому креслу. А он не мог до нее дотянуться, не мог освободить ее. Они должны были сгореть заживо... Дальше Заур говорил что-то совсем уж неразборчиво, упомянул аптечку и то, что его отец был хирургом и потому всегда возил с собой инструменты... Короче говоря, в той бойне Заур сильно пострадал, но все же сумел выбраться из машины вместе с сестрой. Оба обгорели. Волосы на голове Заура больше не росли, но, в общем, он выздоровел. Родственники собрали деньги на протезы — на этом их забота о сироте закончилась. А вот сестра... Она до сих пор в больнице.

Долгие дни, месяцы и годы жизнь Заура состояла из боли. Болело все его тело, кости, нервы... И особенно — душа, требовавшая мести. Совладать с болью, научиться жить дальше Зауру помог его лечащий врач, друг отца. Это он, Учитель, привил полумертвому мальчишке-калеке любовь к Господу и рассказал все, что сам знал, о медитациях и заговорах. А еще он оплачивал медицинские счета.

Но вот уже месяц, как Учитель умер. И теперь больница требует денег у Заура. Он и представить не мог, сколько стоит содержание сестры! Да он, плач, столько и за полгода не заработает со всеми премиями и надбавками!.. А они, эти коновалы, грозят отключить его сестренку от аппарата искусственной вентиляции легких, а ведь она только недавно впала в кому, еще есть надежда!..



— Дружище, а ты не думал, что лучше бы отпустить ее на небеса, в которые ты веришь?

Вот, значит, чем шантажировал его Ронин.

— Она должна жить! — Лысый очкарик схватил меня за руку. — Она умная! Она читать умеет, я учил ее! Она!.. Я все сделаю ради нее!

А я — ради сына. И мне некогда вникать в чужие проблемы.

— Все сказал? — Я высвободился. — Или еще поплакаться хочешь?

Да, это жестоко. Но мне нужен собранный боец, а не пустившее нюни чмо. Пусть ненавидит меня, пусть злится, но, чтобы совладать с Парадизом, нам всем надо прекратить себя жалеть.

Подействовало. Прихрамывая, — я только сейчас это заметил — палач обогнал меня.

— Эй, чего стоим? — поинтересовался я, приковывая к честной компании.

Все дружно расступились.

И я увидел, что впереди нас ждал тупик.

— Тут была дверь! Обычная стальная дверь! — Хельга могла и не оправдываться, мы и так видели, что никакой двери — ни железной, ни пластмассовой, ни деревянной — больше нет. Коридор упирался в серую с белесыми разводами стену. Его будто замуровали, причем в спешке, неаккуратно: тут и там на стенах, потолке и полу виднелись серые пятна.

Боль в колене потихоньку отпускала. Я подошел ближе, прикоснулся. Такое ощущение, что я тронул гладкую, чуть шершавую кожу большого животного. Причем кожа эта была прохладной и чуть влажной.



Присмотревшись, я заметил на ней множество пор и крохотных, едва различных волосков.

Пора опять спросить себя: «Что за чертовщина, а?»

— Отойдите! — Когда мои спутники подчинились, я жахнул по стене из автомата.

Была вероятность, что пули отрикошетят и кого-нибудь зацепят, но этого не случилось. Там, куда я попал, засверкали крохотные молнии, а спустя секунду-другую они погасли. На гладкой поверхности не осталось ни царапины. Пули то ли сгорели при подлете к стене, то ли прошли сквозь нее.

За спиной у меня Заур принял монотонно бормотать что-то себе под нос.

— Дружище, — не оборачиваясь, сказал я, — эта стена не только нас не пропускает, но и молитвы. Так что бог нам тут не поможет. Он нас просто не услышит.

Глава 10

ТВОЙ КРЕСТ

Опутанный бионоидом-тросом слуга больше не пытался высвободиться. Молча и — главное! — преданно он глядел на Асахару. Защитник Накопителя так сильно сжал сапиенса, что тот не мог ни пошевелиться, ни выдавить из себя хоть звук.

Приложив сапфир часов к тугу сплетенным мышечным волокнам, Асахара потребовал отпустить слугу. Мгновенно распутавшись, трос погрузился в



слизь, волна которой побежала к Накопителю, прочертив траекторию движения защитника.

— Спасибо... — хрипел слуга, семеня вслед за хозяином к бионайду-лифту. — Вы меня!.. Вы!..

— Заткнись. — Асахаре недолго осталось терпеть общение с этим мерзким никчемным существом. — И слушай, что надо сделать...

Он велел слуге, сопровождавшему его, и четверым таким же отщепенцам вывести послушников из подземелья и ликвидировать. Юные сапиенсы больше не нужны, нечего загрязнять их телами прекрасные родовые норы путников. Даже если вновь возникнет необходимость в белке для подкормки инкубаторов, лучше набрать новых, свежих подростков. Те, что содержатся в Парадизе, предельно истощены.

Кивая головой, как заведенный, слуга вместе со своими подельниками отворил загоны. Все пятеро были вооружены пистолетами, карманы оттопыривались — наружу выглядывали маслянистые коробки запасных магазинов. Понадобится много патронов, чтобы исполнить приказ.

Проконтролировав все лично, Асахара обошел опустевшие загоны.

Последние помещения он осматривал бегло, с чувством уже выполненного долга.

Встав посреди смрадного зала, Асахара принял срывать с себя одежду сапиенсов, сбросил и обувь, от часов тоже без сожаления — с радостью! — избавился. Больше не нужны. При этом он наслаждался выбросом эндорфинов. Определенно его нынешний организм не так уж плох, раз способен до-



ставлять такое удовольствие своему обладателю!.. И все же святой отец без сожаления избавится от него. Теперь-то можно, пусть ненадолго, до следующей — последней! — разведки, вновь стать самим собой. В Лоне он восстановит не только свое истинное тело, но и сотрет ненавистную психоматрицу обитателя этого мира.

Дальнейшее его пребывание тут вовсе необязательно.

Вторжение будет продолжаться согласно алгоритму, отработанному много-много раз.

* * *

Еще очередь.

И еще.

Пули сгорали, не долетев до стены, преграждавшей нам путь.

Повесив автомат на плечо, я стукнул по стене кулаком. С таким же эффектом я мог бы отбивать кости о бетонную плиту. Мои пальцы вновь коснулись странной поверхности, и теперь на ощупь она была похожа одновременно на металл, дерево и пластик, если такое вообще возможно. Ничего общего с кожей, волоски исчезли. Стена что, изменилась из-за физического воздействия?! И если пули горят, почему меня не обжигает?!

А там, за ней, быть может, Патрик. И ему срочно нужна помощь...

— Ах ты!.. — Я иступленно, не соображая, что делаю, ударил в стену кулаком. И еще раз. И опять.



Я сломал бы себе кости, честное слово, если бы палач не выплюнул мне в затылок презрительное:

— Край, остынь!

Легко сказать. И все же он прав. Не суетиться надо, а подумать, как решить проблему... Напоследок я ударили в стену левой, и к моему огромному удивлению, кулак будто провалился в преграду, а сам я, потеряв равновесие, ухнул следом и, приземлившись на выставленные перед собой руки, привычно — рефлекторно! — кувыркнулся. АК пребольно впился мне в ребра, дробовик — в спину, а позади что-то хлюпнуло. Я вскочил, озинаясь и водя стволом «калаша» по сторонам.

Никого бетона, нет ламп и черных кабелей — такое впечатление, что старый подземный ход напрочь срыли, оставив после него овальную в сечении нору, обильно смазанную липкой гадостью, обросшей на потолке светящимся мхом. Перед глазами тотчас замелькали образы: громадная тварь, похожая на личинку майского жука, жрет почву, оставляя после себя такой вот ход. Заодно она скрепляет стены и свод выделениями своих наружных покровов и разносит споры грибов и прочую рассаду... Циферблат часов светился, это они — «Bregguett» — снабжали меня информацией о том, с кем и где мне и моим спутникам предстоит иметь дело. Телепатия ли это, магия или еще что, я не вникал. Мне и так было чем заняться. Я не успевал сортировать полученную информацию, не то что обдумать или хотя бы изучить ее — так много всего на меня навалилось.

Но как я здесь очутился?



В голове вновь замелькали образы, но мне сейчас было не до них. Ведь серая с белесыми разводами стена отделяла меня от товарищей по оружию.

— Любимая! Эй, палач?! Хельга!

Тишина в ответ.

— Рыбачка?!

Я метнулся к стене.

Ударил в нее плечом, ощущив непоколебимую твердь.

Стоп. Не стоит повторять свою же ошибку. Не надо стрелять и расшибать кулаки. Надо подумать. Как я сюда попал, а? Ударил с левой, на которой у меня...

Часы!

Я поднес светящийся циферблат к стене — и туочно разъело кислотой. Образовалась дыра, в которую уже можно было просунуть голову.

— Край, ты там?! — услышал я Милену.

— Добро пожаловать, любимая! — Я поднес часы еще ближе к стене, расширив таким образом отверстие настолько, что в него можно было пройти чуть наклонившись. — Давайте-ка сюда!

Без лишних разговоров все пробрались в липкий от слизи коридор.

Все — кроме крысозавра.

— Эй, а ты чего? Давай к нам!

Крысозавр жалобно хрюкнул. Я понял, что дальше ему дороги нет, что он просто физически не может сделать шаг в нору, открывшуюся нам. Крысозавру нельзя в Парадиз, территория которого начиналась за странной стеной, которая то есть, то нет ее. Он из конкурирующей организации. Во вре-



мя нашей «беседы» тет-а-тет использовался тот же механизм передачи информации, что и в часах — я так и не смог понять, откуда прибыли крысозавры, каковы их цели, что из себя представляет их мир. Выяснил только следующее: их родина погружена во мрак. Они, эти хвостатые твари, сумели дать отпор обитателям Парадиза, которые зовут себя путниками. С тех пор между крысозаврами и путниками заключен договор — это самое подходящее слово, хотя я чувствовал, что подразумевалось нечто более серьезное, чуть ли не на генетическом уровне... Не знаю, не могу подобрать ничего похожего на земные реалии. Да и сами крысозавры называют себя иначе, и вовсе не словами, а совокупностью жестов и запахов, которые я, конечно же, не воспроизведу в силу отличной от них физиологии.

— Спасибо за все, — сказал я крысозавру. — Прощай.

Я опустил руку — и стена с хлюпом восстановилась. На ней не осталось даже намека на дыру или рубец. Надо бы попробовать еще раз ее открыть, но на эксперименты нет времени.

Меня ждет сын.

— Хорошо, что крыса не пошла с нами. — Милена зябко дернула плечами. — У меня от нее мурашки.

— Да откуда они вообще взялись, эти демоны? — почесывая лысину, палач устроил Хельге допрос. — И те, которые наверху, крылатые и плоские?

— Они появились тут недавно, когда святой отец Асахара выкупил стадион. — Девице явно не хоте-



лось об этом говорить, и она медлила с ответом, будто тщательно подбирала слова.

— Выкупил? — не поверил Рыбачка. Очередную порцию алкоголя он занюхал рукавом своей растерзанной кожанки.

— Ну, или еще каким обманом завладел.

Разговор меня не особо интересовал. Я прислушивался к собственным ощущениям, пытаясь разобраться в огромном массиве информации, загруженном в мой мозг часами, — и у меня ничего не получалось! Мысли путались, образы наслаждались, перед глазами все плыло. Еще не хватало тут потерять сознание. Я даже жалел уже, что подчинился крысозавру и надел часы.

— Почему обманным? Может, много денег предложил, вот предыдущие хозяева и не отказались, — присоединилась к беседе Милена.

Все были настолько ошарашены последними событиями и многочисленными странностями, которые не укладывались в привычную картину мира, что остро нуждались в чем-то обыденном, хотя бы в таком разговоре о спросе и предложении.

— Может, и так, — Хельга легко согласилась с моей бывшей. — Может, боссы стадиона и не были против. Да только потом окрестные дома обезлюдили, а всякого, кто по поверхности пытался к стадиону подобраться...

— Охватывал панический страх, — закончил за нее Рыбачка. — Знаем, проезжали.

— Но мы-то, «черви», внизу, нас оно не касалось... — Чуть помолчав, Хельга добавила: — Мы раньше со стадионом торговали, там ведь рынок был.



То, что на стадионе располагался большой рынок, для меня не было новостью. И то, что рынок закрылся, я тоже знал. Меня это, помнится, не удивило. Уж слишком часто там убивали и грабили покупателей, чтобы местечко пользовалось популярностью у граждан Вавилона. Торговля на этом рынке и в лучшие времена была не ахти, а уж после пары-тройки громких разборок между мелкими кланами, желавшими взять контроль над торговой точкой...

— М-да, кто ж знал, что тут обосновались путники, — пробормотал я.

— Кто? — услышал меня палач.

— Путники. Те, кто...

Меня перебил Рыбачка:

— Пришельцы с Альфы Центавра, которым все мы нужны, чтобы сожрать нас с хреном и горчицей!

Определенно ему хватит пить, подумал я, но сказал следующее:

— Вообще-то мы не нужны им. То есть конкретно мы, здесь присутствующие.

— Что? — Похоже, эта тема заинтересовала Хельгу. — Как это?

— А вот так. Никто нас не собирается завоевывать и есть. Путники и мы — в разных пищевых цепочках. — Прислушавшись к своим ощущениям, я уточнил: — Разве что разведчики-метаморфы могут...

— Но ведь киднепинг! — Милена поправила разгрузку, которая столь прелестно сочеталась с ее летним платьем.

— Подростков, любимая, никто не крал, они сами сюда пришли. А тут их использовали как... Как



батарейки. Точнее — как аккумуляторы. Они ведь могут зарядиться, а потом отдать энергию, а потом опять зарядиться.

— А почему вообще подростки? — не поверила она. — Не проще ли было захватить электростанцию? Они ведь, инопланетяне эти, наверняка очень могущественные, раз смогли к нам добраться.

— Они не инопланетяне. — Я осторожно ступал по слизи, так и норовившей выскользнуть у меня из-под ботинок.

Рыбачка приложился к фляге.

— А кто ж они тогда? Земляне?

Я кивнул:

— Они называют себя... По-нашему, приблизительно очень, но... путники, как я уже сказал. А их разведчики — метаморфы, способны изменять свои тела. Но они действительно земляне. Живут на этой планете, а не из космоса прилетели. Но вообще они... — Я прислушался к себе, попытался четче сформулировать то, что понимал в образах, на чуждом человеку языке, с помощью ощущений, полученных рецепторами, которых попросту нет в моем теле. — Они из параллельного мира, из иной реальности, но все-таки с Земли. У их цивилизации есть одна цель — Всеобщее Единение. Им нужна энергия для того, чтобы путешествовать между мирами — совершать Прыжки. Вот для чего им наши дети — как источники энергии.

Я поправил ремень автомата на плече. Нора по едва заметной дуге изгибалась влево.

...А еще путники верят, что однажды закончат свой Путь, вернувшись в исходную точку, и тогда



все реальности схлопнутся в мир Праородителей, это и будет Всеобщим Единением. Исчезнут люди и прочие существа, населяющие великое множество миров, пройденных путниками. По их подсчетам следующий Прыжок будет последним, кольцо сомкнется, и всем будет счастье... Правда, у крысозавров на сей счет иное мнение: единение параллельных миров станет настоящей катастрофой для нашей планеты.

Единение ее попросту уничтожит.

Об этом, правда, я умолчал. Не хотел расстраивать товарищей по оружию. Да и не очень-то я доверял крысозавру, который явно не был со мной до конца откровенен.

— Ты сказал, путникам нужны наши дети? — Милену этот аспект особо заинтересовал, поэтому она повторила вопрос: — И все-таки, почему эти твои метаморфы или путники, или как их там... Почему они получают энергию так экзотично? Захватили бы себе атомную электростанцию и...

— Во-первых, они не мои, а во-вторых... — я захмурился, пытаясь нащупать ответ и облечь его в доступную мне и остальным форму: — Неандертальцы, сидя у костра, и представить себе не могли, что греться можно не только от углей, но расщепляя атом или, к примеру, используя напор пронизывающего до костей ветра. Вот и мы...

Насчет электростанций я понял одно. Вся энергия, которую они вырабатывают, ничтожна в сравнении с потребностями путников. И потому им не нужны углеводороды, их не интересуют термальные источники и приливы. В нашем мире они запитыва-



ются с помощью сложного химического соединения — той самой «манны небесной», взаимодействующей с какими-то неизвестными человеческой науке веществами, вырабатываемыми организмами подростков, вступивших в период полового созревания. «Манну» можно получить лишь в специальных условиях. И эти условия созданы в Парадизе, куда активно завлекают молодежь Вавилона. Пока что такой анклав один, именно на территорию стадиона попал авангард путников — разведчики — после некого перемещения, которое они называют Прыжком.

— Откуда ты все это знаешь?! — вмешался плач, пару минут уже не подавший ни звука, как и его страшненькая обожательница. — Грешник, что забред ты вообще несешь?!

— Помнишь эти часы? — Я показал ему «Bregguett» у себя на запястье. — Это все из-за них.

Заур покачал головой. Похоже, он решил, что я совсем съехал с катушек. Что ж, на его месте я вряд ли подумал бы иначе.

— Прибыв к нам или еще куда, разведчики меняются не только физически, но и мысли... душа... короче, они во всем должны походить на местных. А чтобы при этом пользоваться всеми своими приспособами и не забыть, кто они есть на самом деле, разведчикам нужны специальные накопители информации. Для каждого нового мира эти приборы... Хотя, они не совсем приборы, они... живые, что ли. Короче говоря, каждый раз эти штуковины выглядят иначе, их маскируют под нечто обычное для конкретного мира. — Я говорил сбивчиво,



быть может, непонятно и без привычных своих шуточек. — У нас разведчики взяли за основу наручные часы, но из-за слабого понимания местных реалий сделали их копиями ну очень дорогих швейцарских часов. Такие настоящие тысяч тридцать евро стоят. Смотри, они ведь не идут, стрелки не двигаются.

Я постучал пальцем по отполированному сапфиру.

Заур посмотрел. Хмыкнул. Я не убедил его. Но потом лицо его исказилось, он провел ладонью по черепу и пробормотал что-то о мальчике-беспризорнике из Киева, у которого такой дорогой вещи не могло быть по определению, и о том, что мальчик тот сбежал от работоговца при загадочных обстоятельствах.

— Внутри, под стеклом, — продолжил я, когда он замолчал, — вовсе не шестерни с пружинками. Именно по этим часам можно вычислить разведчиков-метаморфов, как бы они ни были похожи на людей. Эти бутафорские часы сделаны с учетом нашей биологии, и потому, надев их, я получил доступ к инфе разведчиков.

Заур задумался. Глаза его под линзами очков блеснули.

— Я должен во все это вникнуть лично. Во имя Закона дай мне часы демонов! — потребовал он.

— Да без проблем. — Я честно попытался снять с себя куранты, мне было немного не по себе из-за их воздействия. Вот только ничего у меня не получилось. Корпус точно прирос к запястью, и ремешок никак не расстегивался. Я дернул разок, другой...



Палач молча перехватил мою руку. Одной попытки избавить меня от «Bregguett» ему оказалось достаточно.

Покачав головой, он отпустил меня:

— Это твоя ноша, Край. Твой крест.

— Слушай, а может, их ножом поддеть, или еще чем? — мысль насчет креста мне не понравилась: повторять подвиг того, кто прославился с помощью распятия, я не собирался.

— Ты лучше, Край, демонов поддень чем-нибудь. Пули их берут? Что об этом твои часы говорят?

Похоже, подобные мысли занимали всех. С меня не сводили глаз, ожидая ответа. После всего увиденного мои спутники готовы были поверить хоть в умный хронометр, хоть в черта лысого. И я их понимал.

Пора выложить на стол свой единственный козырь:

— Есть у меня одно устройство большой разрушительной силы. Так мне крысозавр сказал. Он дал.

— И давно ты с крысами разговаривать начал? — Рыбачка выразительно покрутил пальцем у виска, намекая, что кое-кому нездоровится.

Беседа начала меня утомлять:

— Гордей, дружище, я много в чем виноват перед тобой, но уж точно не в том, что крысозавр захотел поговорить со мной, а не с тобой.

— Еще не хватало, чтобы я с какой-то крысой...

— Да эта крыса умнее тебя в сотню раз, старый ты алкоголик. Вот у тебя есть варианты, как разобраться с кодлой, что засела в подземелье? А у нее есть. Крыса мне дала устройство огромной



разрушительной силы. — На самом деле я лукавил: я понятия не имел, каков принцип действия оружия, данного мне крысозавром, и, если честно, собирался обойтись без него. Ну, разве что в крайнем случае...

— И где это устройство? — вмешался в перепалку палач.

— Вот, — я протянул Зауру открытую ладонь, на которой лежала белая таблетка, диаметром примерно в сантиметр.

— Да уж... — палач выразительно посмотрел на Рыбачку и смеялся чуть в сторону, насколько позволял коридор. — Воевать с демонами с помощью аспирина — это очень разумно. Тебя, Край, в детстве часто по голове били?

Сунув «таблетку» в карман, я парировал:

— Меня вообще-то...

Вообще-то меня уже никто не слушал.

Все дружно принялись втягивать носами воздух и морщиться. Я тоже почуял смрад — смесь из запахов пота и естественных выделений человеческого организма. А уже через десяток метров коридор расширился, по правую его сторону темнели провалы то ли ответвлений, то ли отдельных боксов. Вот из них-то и тянуло нехорошим.

Рыбачка жестами — не стоит выдавать свое присутствие звуками — показал: надо бы проверить, что там. Возражений не последовало, и мы, ожидая неприятностей, — местечко к тому располагало — вошли с оружием в руках в ближайшее помещение, погруженное в полумрак. Извилистая полоса мха на потолке едва светилась, слева и справа темнели про-



валы коридоров. Я споткнулся о чьи-то сандалии, отпихнул их ногой. На полу на поверхности слизи лежала одежда, вроде бы разорванная. Милена присела у этих тряпок и не побрезговала поворошить их. В руке у нее что-то блеснуло.

Ее трофея меня заинтересовал, но из дальнего совсем уж темного угла послышался шорох. Я направил туда автомат.

Остальные мгновенно заняли круговую оборону, ожидая нападения не только со стороны источника шума, но и по всем направлениям. Мало ли, может, враг нас просто отвлек, а сам нынче зайдет с тыла или с флангов? Не было времени делать запрос чесам насчет тактики разведчиков и вникать в их боевые приемы. Получи я исчерпывающую инфу, в ней еще разобраться надо. К тому же, моя голова запросто могла лопнуть, если в нее слишком много вкачать.

Тишина.

Шаг к углу. Еще шаг.

В темноте что-то шевельнулось.

Палец на спуск и...

— Не стреляйте! — услышал я шепот. — Пожалуйста, не стреляйте!

Милена, подошедшая сзади, — молодец, прикрываясь мной — подсветила мобильником, чтобы я мог увидеть спутанные русые волосы и громадные зеленые глаза умолявшей не убивать ее девушки. Возраст бедолаги я затруднялся определить из-за уж очень сильной худобы — руки и ноги у зеленоглазой были точно палочки, одежда на ней висела. Похоже, девчонка села на диету уже здесь, в Парадизе, по-



этому и не обзавелась гардеробом, соответствующим новой комплекции.

— Не стреляйте...

— Не буду, — пообещал я ей и грозно добавил: — Если ты расскажешь, где остальные послушники. Вас ведь здесь держали? В этих помещениях?

— Я... Я расскажу... — зеленоглазая чуть выползла из темного угла. — Святой отец Асахара приказал убить всех...

— ЧТО?! — вскрикнула Милена, чем испугала девчонку, которая тут же юркнула обратно.

— Не стреляйте! Я испугалась, я тут осталась одна, я не хочу умирать!

Послышался плач.

Я шагнул в угол, склонился над тельцем.

— Куда всех увели?! — выкрикнул я в худое лицо.

Девочка моргнула, губы сомкнулись в попытке сдержать рыдания, из глаз катились слезы. Черт! Повысив голос, я окончательно довел ребенка до истерики. А ведь каждая секунда сейчас на счету и может стоить жизни моему сыну, и сотням других детей тоже угрожает смертельная опасность!

Без паники, Край. Возьми себя в руки. Старательно улыбаясь, я заговорил вроде бы спокойно:

— Все слышали, что их убьют, — и не оказали сопротивления?

Улыбка подействовала.

— Да, — кивнула девочка, и я испугался, что ее тонюсенькая шейка при этом сломается. — Мы — любовь. Мы — послушание. Мы едим «манну небесную» и становимся добрыми-добрыми!..

Терпеть не могу наркоманов.



А на девчонку, похоже, дурман подействовал не так сильно, как на прочих сектантов. Может, из-за особого — измененного злоупотреблениями — обмена веществ или из-за сильнейшего истощения. Вот она и сохранила самую малость способности адекватно воспринимать реальность.

— Край, не о том спрашиваешь! — вмешалась Милена. — Девочка, скажи, а ты знаешь Патрика? Такого светловолосого парня, он красивый, плечи широкие, голубые глаза, он...

Милена осеклась, потому что глаза у девочки стали стеклянными, как у куклы.

Я глубоко вдохнул, выдохнул. Мы просто теряем время. Но куда дальше идти? Где искать? Часы услужливо нарисовали у меня в зрачках трехмерную карту типичной архитектуры путников — целый лабиринт из подземных коридоров и залов! О чем я и поведал вслух.

— Да уж, из одного этого загона для послушников три выхода. Край, надо разделиться. — Палач огладил свой лысый череп. — Так у нас будет хоть какой-то шанс найти детей.

Верно. Я сам хотел это предложить.

— Милена — ты идешь влево. Хельга, ты...

Мы поспешили к тому выходу из помещения, через который проникли сюда.

— Я знаю Патрика, он хороший, — заговорила вдруг девочка.

Я замер.

Весь мир вокруг перестал для меня существовать. Была лишь она, маленькая и худая. На нее ведь вся надежда.



— Слуги всех увели... — продолжила зеленоглазая и замолчала.

Я не дышал, опасаясь вспугнуть ее вновь.

— Увели наверх, на газон. Говорили, там лучше, и нельзя загрязнять родовые норы. Вот туда! — девчонка махнула тоненькой ручкой, указывая на коридор слева.

Я готов был уже сорваться с места, но ее голосок меня остановил:

— А Патрика еще раньше забрал сам святой отец Асахара, он увел его вниз, к Накопителю. Он и раньше туда уводил моих друзей, и никто не возвращался. Это — дорога на небо! — она указала на коридор справа.

Меня не мучила проблема выбора. Теперь я знал, какой норой двигаться дальше. Я должен спасти сына, это главное. А уж там, если смогу... Но все же нельзя позволить вот так запросто убить ни в чем не повинных детей.

— Рыбачка, ты... Надо разобраться с этими служами. Уверен, ты сумеешь. И выведи детей из Парадиза. Хрен его знает, как эта штуковина сработает, — я хлопнул себя по карману, где, как все знали, у меня лежала «таблетка». — Может, полгорода враз снесет.

Морда вся красная от ожогов, кожанка превратилась в лохмотья, к губам прилипла фляга с перцовкой — ну чем Рыбачка не красавчик? Хоть небо упади на землю, хоть потоп и вторжение путников, он будет пить, не закусывая.

Вот и сейчас, прежде чем мне ответить, Гордей слегка подкрепился «смелой водой»:



— Я тебе кто — воспитатель детсада? Или ты меня педагогом назвал? — он трижды сплюнул через плечо. — Не дай бог таким стать!

— Гордей, больше некому. Остальные со мной пойдут. Это осиное гнездо нужно уничтожить. Иначе все напрасно, Гордей. — Я решил напомнить, почему он здесь оказался: — Иначе твои парни погибли напрасно. Задание Ронина еще не выполнено.

— Слушай, грешник, а чего это ты... — подал голос палач.

Его не устраивало то, что Макс Край за всех все решил и корчит из себя командира. Ну кто-то ведь должен был возглавить нас? И поэтому договорить ему я не дал:

— Заур, ты и Хельга нужны мне здесь, внизу. — Насчет Милены у меня сомнений не было, она точно пойдет со мной до конца. — Мы не знаем, что там дальше, так что каждый ствол на счету. А Рыбачка на верху и сам справится. Верно, Гордей? Справишься?

Последний вопрос я задал уже из коридора, по которому, как сказала девчонка, Асахара увел Патрика.

Подчинится ли моим приказам троица или нет?

Как бы то ни было, я больше не мог терять ни секунды.

* * *

Малышка настолько ослабела, что едва могла идти. А нужно было бежать со всех ног.

— Давай-ка, родная, обними меня за шею нежно, как папу, — велел Рыбачка, а сам подхватил ее тон-



кие бедреные косточки под заметно выступающими коленками. Такую дуреху не то что на байк позади себя сажать, на руках носить страшно — еще на вредишь как, прижмешь слишком сильно.

— Прямо, а здесь налево... — направляла она. — Меня Маша зовут... а потом наверх, а потом...

Вместе они выбрались из подземелья. Поперек трибун, оборудованных синими стульями, поднималась лестница, ограниченная поручнем. Ветерок едва заметно колыхал обрывки сетки на воротах.

— Вот они, вот мои друзья, мои братья и сестры! — заголосила малышка прямо Рыбачке в ухо.

— Тише, Машенька, не надо сигнализировать. — Он ссадил ее с себя.

На газоне чуть ли не по стойке «смирно» стояли подростки. Много подростков. И парень в бандане, явно постарше остальных, тут собравшихся, надрывал глотку, отдавая приказы. Как раз сейчас он велел всем встать на колени, и дети подчинились беспрекословно, никто даже не послал старшего куда подальше. У Рыбачки появилось плохое предчувствие.

— Подожди меня здесь, — не услышав в ответ возражений, он повесил дробовик на плечо и снял АПС с предохранителя. Рыбачка задумал доброе дело, а добрые дела не делаются с помощью залпов по площадям, гарантирующим не только попадание в цель, но жертвы среди мирного населения. Тут требуется ажурная работа, чуть ли не снайперская, так что АК тоже не годится.

После того как детки опустились на колени, стоять остались только парень в бандане и четверо его



подручных, поначалу не замеченных Рыбачкой в толпе. Все пятеро были вооружены. Отрывистая команда — и подручные встали у своих жертв за спинами, так чтобы те их не видели.

— Эй, вы чего?! — Рыбачка сам не услышал своего крика, он утонул в грохоте выстрелов, слившихся в один громкий бабах. Четыре тела с продырявленными затылками повалились на траву.

Кляня себя за нерасторопность, байкер навел пистолет на ближайшего убийцу малолеток. Обожженный кислотой гарпий палец выжал спуск. Пуля попала ублюдку на ладонь ниже темечка — точно туда, куда он только что выстрелил худощавому мальцу, которого дома, небось, заждались.

Вместо сердца у Рыбачки теперь ком ярости, а сам он — не главарь уничтоженной мотобанды, но заслуженная кара. Наверное, нечто подобное чувствуют палачи, убивая особо опасных преступников. Самому, что ли, податься в слуги Закона, подумал Рыбачка, вынеся мозг еще одной сволочи. Вот была бы хохма, да? Еще выстрел — и еще один труп свалился на газон. Едва заметный подброс ствола и малая отдача позволяли байкеру долбить из АПС весьма прицельно.

Наконец-то в ответ по нему открыли огонь, а то как-то слишком просто, точно в тире — целься да стреляй, мишени сдачи не дают.

Пули свистели рядом, одна чуть обожгла краешек уха, но Рыбачка слишком уж завелся, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Рука со «стечкиным» перед грудью — выстрел — пуля ударила мертвавцу в горло.



Последний остался, в примечательной черной бандане с белыми черепами. Тот, который возомнил себя вершителем судеб.

А парень-то не дурак — сообразив, что враг ему не по зубам, бросился наутек, гаденыш.

— Тормози! Куда собрался?! — Отведя защелку, Рыбачка заменил пустой магазин на полный. Флажковый предохранитель в режим «АВТ.» — байкер полоснул очередью и выругался. Перемахнув через ограждение, ублюдок скрылся в проходе, ведущем к служебным помещениям стадиона, а уж там-то он запросто затеряется.

А если спустится в подземелье, то и вовсе его не найти.

Рыбачка вновь смачно выругался.

* * *

Коридор, по которому мы бежали, закончился перегородкой — полупрозрачной, как стекло, по которому струятся капли дождя. За ней был отрезок туннеля метров около десяти, тоже упиравшийся в такую же перегородку, что осталась позади.

Я хотел было разблокировать «мокрое стекло» часами, как сделал это со стеной и предыдущей перегородкой, но — повезло — меня отвлекли.

— Смотрите! — Хельга указала на потолок прямо над нами.

И как только углядела из-под надбровных дуг, что по мху и грибам, растущим на слизи, идут световые волны? То синие огоньки загораются, то красные.



Я зажмурился, связываясь с часами. Отчего-то — интуиции я доверяю — показалось важным понять, что эти вспышки означают.

Череп, кости — это одна картинка, вспыхнувшая у меня перед глазами. Человеческий труп — вторая. Я похолодел. Опасность! Смертельная опасность — вот что означает иллюминация на потолке!

— Край, чего застыл? Так фонарики понравились, да? Открывай уже давай! — Милена легонько подтолкнула меня к перегородке.

От запястья до макушки меня словно пронзили длинной раскаленной добела иглой. Я охнул. И вот тут часы показали мне занятный видеоролик, в котором человечек, двигающийся рывками, — так, наверное, в представлении путников мы выглядели — бежал по коридору по ту сторону перегородки. Движения его все замедлялись, и вот он уже едва шел, кожа его покрывалась волдырями, будто на него вылили пару ведер кипятка, из ушей кровило, волосы клочьями осыпались с головы. Желая устоять на ногах, он оперся о стену, рука соскользнула, бедолага упал на колени, а потом завалился лицом вперед. Всё.

Свидетелем подобной смерти мне уже доводилось становиться — такое с человеческим организмом творит мощное радиационное излучение. Я сверился с часами и понял, что не ошибся.

То есть отрезок коридора, ограниченный с двух сторон «мокрым стеклом», это что-то вроде шлюза между частью подземелья, пригодной для обитания людей, и родовыми норами, уже подготовленными... для чего?



Часы тут же выдали мне поток образов, от которого я отмахнулся — некогда вникать.

— Дальше нам не пройти, — задумчиво пробормотал я.

— Почему это? Грехи не пускают? — палач сунул руку в карман плаща. Он использовал каждую передышку, чтобы потрогать свой Знак, как я заметил, или чтобы погладить «кудрявшую» башку. — А там что? Рай для чистых помыслами?

— Вроде того, дружище. Там радиация. Очень жесткое излучение.

— Тогда нам нужны защитные костюмы, — моей бывшей супруге уже доводилось примерять подобные наряды. — Причем нужна не какая-нибудь «химза» с дырявым противогазом, но целый скафандр. Каждому.

— Не проблема. — Я подмигнул ей. — Вопрос, любимая, только в том, где их взять, скафандры эти?

Вообще-то вопрос предназначался скорее часам, чем Милене, но мерзкий кусок золота, украшенный сапфиром и кожей, как раз не спешил порадовать меня ответом — ни единого образа, ни мало-мальской картинки с подсказкой. Наверное, подразумевалось, что разведчик в любом обличье догадается, где добыть спецодежду. Увы, я не метаморф, а всего лишь убитый горем отец, готовый на все ради сына.

Забавно, но Милена всерьез приняла мое бормотание на свой счет:

— Так-с, Максим, посмотрим, что тут у нас, подумаем, где могут быть скафандры...

— Любимая, ты блондинка, тебе цвет волос не позволяет заниматься мыслительной деятельностью.



Хельга хихикнула. Милена по очереди наградила нас презрительными взглядами — и отломала от стены ничем не примечательный гриб, один из тысяч тут растущих.

— Любимая, я понимаю, время завтрака, но эти сыроешки... — я оборвал свою речь на полуслове, когда нечто, очень похожее на скафандр, сначала контуром прступило под слизью, а потом со звонким чпоком прорвало ее.

— Но как ты...

— Уж точно не догадалась, Максим. Мне же прическа не позволяет! — Она отломала со стены еще три гриба, а взамен получила столько же скафандров.

Одна и та же мысль пришла в головы мне, Зауру и Хельге. Мы шагнули к стене и отломали по грибу, но слизь не удосужилась выдать нам защитные комплекты. Мы переглянулись — мол, что за дискриминация?..

— Разбирайте модные прикиды, — Милену явно позабавила наша попытка.

Скафандр, доставшийся мне, — такой же, как прочие, — несомненно, был создан для человека: размеры, форма, прозрачный щиток напротив лица, чтобы можно было видеть, куда идешь. Как бы все об этом говорило — не сомневайся, сапиенс, бери, пользуйся. Но стоило к скафандру притронуться... Я не брезгливый, но руку отдернул. На ощупь скафандр... Оно... Оно было живое, что ли? Точно кожа и хитин одновременно, что-то среднее. А еще — на пластик похоже. Теплый, слегка пульсирующий пластик. Черт, да в этом подземелье все такое! Я потратил пару минут точно, чтобы окончательно



убедиться — на скафандре не было ни единого стыка, никаких тебе змеек, пуговиц и липучек. Ни одной завязки. Совсем нет швов, заклепок и склеек. Такое впечатление, что его сделали из одного цельного куска, включая прозрачное забрало, которое тоже не открывалось.

— Любимая, а как это надевать? — ласково поинтересовался я, потому как внятных комментариев по сему поводу от часов так и не добился. Картинку они выдавали одну и ту же: человек уже в скафандре. А как в него вырядиться — ничего, пусто.

Она фыркнула:

— Ты же у нас умный, вот и покажи пример!

— Милена! Ты понимаешь, что тянешь время?! — Нервы ни к черту. Я ударил скафандр кулаком, чтобы хоть на чем-то и как-то выместить злость. И кулак — способ уже проверенный, отработанный — провалился внутрь, во что-то вязкое и холодное.

Я выдернул руку и снял с себя оружие, резонно решив, что лучше его оставить снаружи — из-под скафандра стрелять не годится. Набрав в легкие побольше воздуха и закрыв глаза, я навалился на чудо технологий путников, обнял и сдавил его, точно борец своего противника перед броском. Кожаный пластик-хитин поддался, расступился под моим напором. Я забарахтался в студне, пытаясь развернуться внутри скафандра так, чтобы лицо мое оказалось напротив прозрачного забрала. Открывать глаза и пробовать дышать отчаянно не хотелось. То есть наоборот, но уж очень сильны были опасения... Я выдохнул и вдохнул, почувствовав, как в рот мне



хлынуло то самое вязкое, что наполняло скафандр и уже было не прохладным, но вполне комнатной температуры. Попытка выплюнуть лишнее не увенчалась успехом, наоборот — я наглотался сметанистого желе — цвет его определился, стоило только открыть глаза.

Чем бы ни было это желе, надеюсь, от радиации оно — посветлевшее, а потом и вовсе ставшее прозрачным — меня защитит. В нем — или благодаря ему — я мог дышать. Я поднял руку, посмотрел на нее — забавно, конечно же вместе с одеждой выглядела так, будто скафандра нет вообще, хотя я четко ощущал себя в чем-то упругом и неоднородном.

— Край, ну сколько можно тебя ждать?! — Милена скрестила руки на груди. Ее скафандр удивительно хорошо передавал звуки, а мой — улавливал.

Оказалось, честная компания уже готова двигаться дальше, один только я подтормаживаю.

Вновь вооружившись, я поднес руку с часами к перегородке, которая тотчас будто растаяла, лужицей стекла на пол, а потом, пропустив нас, восстановилась.

— А что будет, если этот... скахв... ска... — Хельга то ли так заигрывала с палачом, строя из себя дурочку (в таком случае у нее актерский талант), то ли таковой была на самом деле. — Что если порвется?

— Ничего не будет, — успокоил ее Заур. — Тому грешнику, с кем это случится, не надо будет ни о чем беспокоиться. Поэтому предлагаю заранее подумать о душе, о вечности. Нарушала ли ты седьмую заповедь?..



Дальше я не слушал, я внимательно разглядывал то, мимо чего никак нельзя было пройти.

Это существо занимало половину зала, в который мы попали, и было размером с небольшой садовый домик. На коже — внешних покровах? — этого существа-машины выступали бородавки примерно с кулак, шевелившиеся невпопад, будто каждая была самостоятельным организмом или узлом. И саму кожу, и наросты покрывал толстый слой влажно блестящей слизи, куда ж без нее. Со смещением вправо тварь разделял на две неравные части вертикальный, чуть изгибающийся книзу разрез, окаймленный толстенными бурыми губами, тут и там пронизанными шлангами вен.

— Что это за?.. — Такая форма запроса оказалась вполне понятной часам. Перед глазами нарисовался образ человеческой фигурки, смело входящей в разверстую пасть «домика», помимо вместительной полости состоящую из мускулистого языка и множества мелких зубов. Затем пасть захлопнулась — фигурка осталась внутри, — и вместе они опустились по желобу еще глубже, чем мы нынче располагались. Интуиция подсказывала, что туда-то нам и надо, да и худая девчонка лопотала про спуск... Картинка в глазах поблекла. Создатели часов решили, что этого достаточно, чтобы убедить меня сунуться прямо в рот к чудищу, вообразившему себя лифтом.

И эти сволочи правы.

Я шагнул к толстенным губам. А вот мои товарищи по несчастью не спешили ринуться следом — выжидали, что дальше будет, слопает меня лифт или



подавится. На месте палача я бы побеспокоился о моей безопасности, потому как у Ронина в заложницах его сестра и потому меня надо всячески оберегать. Хельга, души не чающая в Зауре, тоже должна пыль сдувать с Максимки Краевого. А уж Милена...

— Что за черт? — Я приложил часы к губам лифта, но ничего не произошло, пасть не раскрылась.

Как же так, ведь липовые куранты затем и нужны, чтобы сообщать мне информацию и открывать все двери подземелья?! А ведь это уже второй сбой — сначала подделка под «Bregguett» не рассказала о скафандрах, теперь с губошлепом совладать не может!.. Я выругался так грязно и витиевато, что Милена поморщилась, Хельга восхищенно захлопала в ладоши, окончательно уверив меня в своей умственной отсталости, а палач глубокомысленно сообщил, что в аду для меня приготовлен персональный котел, смола уже кипит.

Привалившись спиной к губам, которые оказались неожиданно податливыми, я принялся молотить по «домику» пяткой:

— Эй, есть кто?! Открывай!

Никакой реакции. Лифт не желал иметь со мной дел. Может, надо отломить от него грибок, и тогда?.. Жаль, ничего, кроме бородавок, на нем не росло.

— Максим, мы найдем другой путь. Наверняка ведь можно... — Милена подошла ко мне и успокаивающе положила на плечо ладонь.

Словно испугавшись, что мы сейчас уйдем, пасть неожиданно открылась, и я, взмахнув руками, провалился в нее. Только мелькнули здоровенные ост-



рые клыки, произрастающие по всему периметру рта, — и я уже валяюсь на чем-то упругом, подрагивающем и слизким.

Перевернувшись на бок, я выяснил, что разлегся на самом большом языке, который когда-либо видел! Надеюсь, рецепторам, расположенным на его поверхности, бывший ветеран, бывший зэк и так далее показался невкусным.

— Давайте быстрее, чего стоите?! — Я вскочил.

Осторожно переступив через нижний ряд зубов, в пасть шагнул Заур. Хельга последовала за ним, хотя на лице ее четко пропечаталось выражение крайнего отвращения к происходящему. Последней в лифт вошла Милена. С громким чвяканьем мясистые губы сомкнулись, и громадная хищная тварь, по сути сожравшая нас, ринулась куда-то вниз, а мой желудок метнулся к затылку, но застремляя в горле, грозя выплеснуть свое содержимое через рот.

Остановка. Моя емкость для попкорна, чипсов и хот-догов вернулась к месту постоянной прописки. Пасть биомеханического лифта раскрылась.

Первой наружу выбралась Милена и с автоматом у плеча — молодец, я испытал нечто вроде гордости за бывшую жену! — отбежала в сторону, чтобы не загораживать собой сектор огня, надумай мы пострелять из лифта. Затем к выходу шагнула Хельга...

И пасть, лязгнув зубами, захлопнулась прямо у нее перед носом!

А могла бы и оттяпать девчонке ногу, если бы не палач, отреагировавший молниеносно, — он схватил Хельгу за плечо и дернул обратно.



— Эй, ты чего?! — Я отбил чечетку на языке. — А ну откройся!

Лучше бы я этого не делал. Потому как мои танцевальные па вызвали обильные выделения из языка аккурат в тех местах, где я потоптался. То, как эти выделения пузырились, соприкасаясь с пятками наших скафандров, не понравилось ни мне, ни палачу с Хельгой. И хоть часы молчали, у меня создалось впечатление, что лифт выделяет нечто сродни желудочному соку, чтобы живьем растворить свою добычу, то есть нас, и тем самым плотно откусить. Если это так, то я разочарую подлое транспортное средство — только лишь скаф разгерметизируется, вместо моей трепещущей свежины ему достанется бифштекс, основательно прожаренный радиацией.

— Любимая, как ты там?! Помоги нам выбраться!

Если бывшая супруга что-то и ответила, ее слова заглушил грохот выстрелов.

Не сговариваясь, Заур и я принялись молотить прикладами и ногами по зубам лифта. Хельга хотела выстрелить разок-другой, авось пасть откроется, но мы не позволили, а то еще срикошетит — тут замкнутое пространство, кого-то точно зацепит.

Меж тем желудочный сок прибывал. И чем агрессивнее мы себя вели, тем активнее он выделялся. Мы уже были залиты им по щиколотки, мутная дрянь вокруг нас пузырилась. А снаружи все стреляли. Два стрелка боролись за право стать единственным в своем роде в подземелье путников. Милена — это номер раз. А кто второй?

Долбя прикладом АК в один и то же зуб лифта, — он, вроде, чуть надломился — я прислушивался к то-



му, что происходило вне стен, занятых пищеварением. «Калаш» Милены затих — ага, кончились патроны. Но вот рявкнул дробовик — значит, порядок, еще воюет блондинка. Рявкнул — и молчок. Мы хорошо постреляли из помповых стволов по «блинам», так что понятно, почему моя благоверная достала свой последний аргумент — АПС.

А вот у ее противника не было проблем с патронами. Он вел плотный огонь, совсем не экономя боеприпасы.

Я ударил в зуб еще раз. И вновь. Ну же! Ломаясь, сволочь! О том, что таких зубов тут сотни, и не факт, что пасть раскроется, если даже выбить их все, я старался не думать.

Выстрелы снаружи стихли. Хотелось верить, что причина вовсе не в том, что пистолет Милены выплюнул последнюю пулю, а просто она завалила того, кто посмел в нее целиться.

— Максим! — услышал я голос своей бывшей.

— Чего, любимая?! — Я старался говорить бодро, будто мой скафандр не разъедает желудочный сок лифта. — Соскучилась уже?

— Край, ну хоть сейчас не доставай меня!

Я не видел ее, но мог представить, как она выглядит после боя: волосы растрепались, по раскрасневшемуся лицу катятся капли пота... Такой она обычно бывала после особого постельного фитнеса с моим участием. Господи, я скоро тут сдохну, а мысли...

— Спаси нашего сына, Край.

А вот эта просьба мне не понравилась. Такое впечатление, что Милена со мной прощается. Она что, помирать собралась? Так вроде моя очередь, не ее.



— А ты тут зачем, любимая? — Я с чувством саданул прикладом по треклятому зубу.

— Просто спаси. А обо мне не думай, как обычно не думал.

— Да я всегда...

— Сделай, как я сказала! И не спорь со мной, неудачник!

После этого выкрика Милена замолчала.

Глава 11 ЛОНО

Лено пело Асахаре древнюю песню без слов, без мелодии, вообще без чего-либо.

Песня Праородителей убаюкивала его, заставляла открыться, позволить каждому тайному уголку нынешнего сознания вывернуться наизнанку, вытрусить весь мысленный и образный мусор, что скопился там. Песня вычищала из мозга лишние воспоминания. Остатками своей растворяющейся в Лоне сущности Асахара понимал, что снаружи происходит что-то не то, что в Парадиз проник враг, но его это уже ничуть не волновало, потому что Вторжение началось, и ни один сапиенс не сможет остановить процесс.

Что такое Лено?

О, это самое уютное, самое прекрасное место во всех мирах, какие только есть. Уж он-то знает, ему есть с чем сравнить.

Последней его мыслью было: «Сапиенса Асахары больше нет, зато есть...»



* * *

— Святые моторы, это еще что за?.. — Задрав голову, Рыбачка выругался.

Пока он стрелял, сосредоточен был на убийцах детей, а сейчас мог себе позволить взглянуть на небо. И увиденное ничуть не обрадовало. Стадион куполом накрывало сверкающее, переливающееся всеми цветами радуги нечто — будто плеснул кто воды, и все до единой капли застыли в воздухе, но не замерзли, а просто зависли, и потом по всей этой водной конструкции пустили электричество, вот и искрит. Вверх смотреть можно было лишь прищурившись, да и то почти сразу начинало резать глаза.

Вот и правильно, надо делом заниматься, а не плятиться в небо, открыв рот!

— Машенька, ты сюда. Вот тут, бери его за руку, — Рыбачка запыхался, выстраивая человеческое стадо в колонну по двое. Одурманенные подростки были легко управляемы — они шли, куда велел им байкер, и делали то, что он приказывал. Безгранична власть над юными организмами не возбуждала его никоим образом. Наоборот — пугала до отвращения к себе и тем, на кого он покрикивал. — Да-вайте! Вперед! Топайте!

Рыбачка раз за разом прикладывался к фляге. Самый худший день его жизни не то что не заканчивался — только солнце взошло, утро еще! Мотобанда «Ангелы Зоны» полным составом отправилась на небеса — закоптить райские кущи выхлопом, набить херувимам морды, а то и чего покруче, уж Рыбачка знал, на что способны его парни. Их больше нет, а он тут...



«А вдруг кто-то выжил?!» — думалось. В такие моменты, пересекая двойную сплошную его и так паршивого настроения, особо сильно накатывала тоска.

...На общем соборе банды было решено подрядиться на работу, предложенную Ронином. Тем более деньги главарь «азиатов» посулил немалые, и разобраться с кучкой религиозных фанатиков — божьих одуванчиков —казалось куда как просто... Так что насилию никого Рыбачка за руль байка не сажал, каждый «ангел» сам заправил свой бак и зарядил свой ствол. Все честно. Но от осознания этого на душе веселее не становилось.

И перцовка из фляги лишь нагнетала печаль.

Рыбачка смотрел на послушно марширующую колонну подростков, и в груди у него закипала злоба. Он понятия не имел, кто так надругался над детьми, никогда не видел вражину, но заочно искренне его ненавидел. Кем надо быть, — не человеком точно! — чтобы превратить этих мальчиков и девочек в ручных зомби?!

— Я выведу вас всех... — прошептал Рыбачка. — За парней своих. Выведу, чего бы мне это ни стоило. И никто — ни одна тварь! — мне не помешает.

Он привычно поднес флягу ко рту, но в последний момент передумал пить.

Резкое движение рукой — и емкость из нержавейки отправилась в полет.

— Все за мной!

Рыбачка очень сомневался, что «блины» с гарпиями разбежались кто куда, только он вместе с Краем и компанией спрятался под землей. Так что про-



сто выгнать толпу наружу — все равно что тут всех расстрелять. Лучше бы вообще не давать плоским и крылатым тварям возможности подзакусить молодым мяском, точнее — бледными суповыми наборами из кожи и мослов. Но оставаться в Парадизе тоже нельзя — и сбежавший парень в бандане где-то бродит, может напасть, и Край предупредил, что скоро шарахнет так, что мало не покажется.

А значит, надо рискнуть.

За турникетами сверкающий купол упирался прямо в асфальт.

— Стойте здесь! — рявкнул Рыбачка, и колонна остановилась. — Машенька, ты за главную!

Зеленоглазая мышь кивнула.

Рыбачка подошел к радужной стене и, чуть отвернувшись, ткнул в нее дробовиком.

Ничего.

Его не ударило током, не поразил гром небесный, не облило кислотой.

— За мной давайте, и не бойтесь!

Колонна сдвинулась с места. Выдохнув, Рыбачка закрыл глаза и шагнул навстречу сверкающей преграде.

Через пару секунд, пройдя несколько метров, он оглянулся. Купол остался позади, возвышаясь над стадионом всей своей неощутимой вроде бы мощью. Рыбачка остановился. Вдох-выдох, вдох-выдох. Тревожно стучало в груди сердце. Авангард колонны — худая истощенная девочка с огромными зелеными глазами и ее напарник, совсем пацан — должны были уже выбраться из-под купола, должны!

Но не выбрались.

Он еще немного подождет, и тогда...



Никого.

Не надо было оставлять их одних! Но как он еще мог проверить воздействие купола? Отправить добровольца, с радостью готового подчиниться любому его приказу? А если бы доброволец погиб? Нет уж, хватит смертей! Лучше Рыбачка сам...

Он двинул обратно к куполу... и столкнулся лицом к лицу с Машенькой, которая не догадалась закрыть глаза и теперь на ходу моргала, вытирая слезы. Рыбачка посторонился, пропуская детишек, а сам обернулся — не подкрадывается ли кто с тыла? Дробовик снят с предохранителя. Никого. И отлично... Подростки, держась за руки, неспешно выбирались из Парадиза.

— Не расходиться! Детки, за мной давайте! А кто-нибудь может стрелять?!

Тишина в ответ. Была надежда сформировать маленький боевой отряд, выдав парочке смышленых парнишек АК и пистолет, но... Стрелять-то наверняка все умели, все-таки выросли в Вавилоне, где стволов больше, чем людей, вот только одурманенные мозги не способны были понять вопрос.

Ядовитые кислотные испарения, вызванные гарпиями, развеяло ветерком, приятно обдувающим лицо Рыбачки. Солнце взошло уже высоко. Денек предстоит светлый, жаркий.

И тишина. Ни чириканья воробьев, ни шелеста крыльев пролетающего мимо голубя. Собаки не лают, машины не ездят, не сигналят цистерны, развозящие поутру молоко и питьевую воду из скважин. Слышно лишь шарканье колонны, дружно переставляющей ноги в указанном направлении.



Рыбачка вертел головой и щурился, напряженно изучая окружающую обстановку. Куда подевались гарпии? Где «блинны»?..

Хотел — ну так на, получи! Прямо перед колонной на асфальте проступили шипы.

— Глуши мотор! Стой, говорю! — крикнул Рыбачка, но было уже поздно.

Зеленоглазая девочка Машенька, блаженно улыбаясь, наступила на «блин». Ее стопу насквозь пронзил шип, брызнуло алым, окропляя состоящую из мышц поверхность плоского чудовища. Улыбка на лице скомкалась, из глаз брызнули слезы, рот открылся, чтобы исторгнуть крик боли и отчаяния, но ни один звук не сорвался с губ, потому как «блин» уже облепил собой тельце, сжал, ломая его, сминая в кровавый колобок.

Увидев это, очнулся от транса паренек, что только что держал жертву «блина» за руку. Еще немногого, и он сам превратился бы в гигантский полуфабрикат — котлету или вроде того. Глаза его расширились. С криком он побежал обратно к стадиону.

— Тормози! — крикнул ему Рыбачка.

Но пацан то ли не услышал, то ли был слишком напуган, чтобы хоть как-то отреагировать на запрет.

Ну и хрен с ним, авось не пропадет на стадионе, спрячется где-нибудь на трибуне.

— Всем стоять! — рявкнул байкер.

По всей улице впереди над асфальтом проступали шипы, очерчивались контуры невидимых до этого момента «блинов».

Самое время развернуть колонну на сто восемьдесят и, бодро маршируя, скрыться под защитой стен



Парадиза. Через «блинное» поле мальчикам и девочка не пройти, даже вооружи их с ног до головы и обучи швырять перед собой болты, а потом выдвигаться по разведанному коридору.

Рыбачка обернулся к куполу как раз в тот миг, когда пацан, выжав газ по максимуму, добежал-таки до радостно мерцающей стены и, не снижая скорости, ударился в нее.

Яркая вспышка резанула по глазам, оставив после себя белые блики в зрачках.

— Выходи — не бойся, заходи — не плачь... — прошептал Рыбачка, пожалев, что выкинул флягу. — Система ниппель, чтоб ее!

Теперь о том, что бегунок вообще жил-был когда-то, напоминала лишь кучка обугленных, еще дымящихся костей. Вот, значит, как Парадиз встречал незваных гостей.

Назад дороги нет — купол надежно защищал тайны, под ним скрытые. Вперед не пройти — вся улица усеяна «блинами». Оставалось лишь топтаться на месте и ждать. Вариант? Вполне!

Вот только на крыше ближайшего дома что-то зашевелилось и взмыло к небу.

Это не дожидалась, пока подруги расправят крылья, в воздух поднялась первая гарпия.

* * *

Милена замолчала, что мне очень не понравилось. Я сильнее замолотил прикладом, надеясь, что кариес подъел зубы лифта изнутри, пародонтоза на них нет!



Желудочного сока налило уже по колени.

— Отойди, — палач отодвинул меня, в очередной раз удивив силой, которой негде было поместиться в его хоть и высоком, но худом теле. — С божьей помощью я...

Могучим ударом он сумел вогнать кулак в промежуток между клыками лифта.

— ...быть может, сумею...

Носок его ноги, подняв волну желудочного сока, вклинился в мясистые губы лифта внизу.

— Что ты делаешь, дружище? Что задумал?

— ...приоткрыть эту штуку. И быстро тогда, на долго меня не хватит. Протезы, я...

На висках у Заура вздулись вены. Глаза выпучились так, что едва не сбросили очки с переносицы, а то так бы и затерялись где-нибудь в глубинах скафандра.

— Эй, дружище, ты бы поосторожней, а то еще...

Палач одарил меня уничижающим взглядом и прокрипел:

— Край! Знаешь, как — действуй! А нет — не мешай!

Он прилагал неимоверные усилия, чтобы хоть на чуть-чуть приоткрыть пасть. И ему это удалось — через щель толщиной как раз с руку мужчины наружи хлынул желудочный сок.

— Отлично, дружище, отлично! Поднажми еще!

И палач, конечно, поднаждал, но щель наоборот стала меньше, а потом еще меньше...

Все напрасно, силенок не хватает.

— Ладно, дружище, не рви пупок. — Я хлопнул его по плечу — мол, спасибо, я оценил твои старания.



Хекнув, Заур дернулся всем телом, еще раз налег — и образовавшейся вновь щели хватило не только, чтобы выплеснулся почти весь желудочный сок, но и чтобы выбраться наружу.

— Хельга, лезь! — выдавил из себя палач, и щель стала чуть уже. Слова отнимали у него силы.

— Нет, я останусь с тобой!

— Лезь, блудница! — И вновь потеряны сантиметра два-три.

— Дам надо пропускать вперед, но... Разрешите. — Я отодвинул Хельгу и, поднырнув под локтем палача, с пистолетом в руке протиснулся меж здоровенных острых зубов.

Да, при этом я вполне осознавал, что конечности Заура в любой момент могут отказать, и меня перережет пастью пополам. Или руку зацепит. Или ногу...

Уже не зацепит. Я выбрался из ловушки за миг до того, как лифт дернулся в конвульсиях и челюсти его скжались.

Ногу палач успел убрать, а вот руку...

Руку ему перерубило.

Я так и ахнул, ожидая увидеть фонтан крови. Но внутри конечности Заура циркулировала иная рабочая жидкость. Конечность-то была искусственной. Кусок протеза вместе с частью скафа и рукавом плаща, оплетенный голубыми молниями, упал в слизь на полу. Там его замкнуло, запахло паленым пластиком. Надеюсь, протез у Заура был не настолько совершенный, чтобы ощущать боль.

— Привет, Край! — Мое внимание привлек подонок, что стоял ко мне вполоборота, приставив пи-



столет к затылку Милены. Бандану с черепами, кроссовки и штаны на пару размеров больше, чем надо, как и тело под ними, защищал скафандр, но я сразу узнал того самого торговца наркотой, что посмел заявиться в мой клуб.

Вот, значит, с кем Милена беседовала на интернациональном языке пороха и пуль!

Мерзкая ухмылочка исказила и так неприятное лицо дилера — когда он обернулся ко мне, прозрачное забрало ничего от меня не скрыло.

— Я же говорил, что мы еще встретимся! Ты чего так долго там возился? — Не отводя пистолета, он указал глазами на лифт. — Я тебя ждал. Твоя жена...

Закончить он не успел — я выстрелил ему в голову. Пуля, пробив скаф, угодила в лоб. Облаченное в защиту тело рухнуло на Милену, которая прокомментировала это выражениями, которые обязательно понравились бы Хельге.

— Я тоже слов на ветер не бросаю. — Глядя на поверженного дилера, я протянул бывшей супруге руку и помог подняться. — А я ведь предупреждал: наша следующая встреча станет для тебя, малыш, последней, я...

Меня прервала звонкая пощечина.

— Край! Ты что себе позволяешь?! Он ведь мог убить меня! Палец бы дернулся, и... и...

— Но ведь не убил, любимая. Так что расслабься и получай удовольствие.

Увернувшись от следующего удара, я метнулся обратно к лифту:

— Эй, влюбленная парочка, вы там живы?



Тишина в ответ.

— Оставляю вас наедине. Некогда вытаскивать, сына спасти надо. — Жалкая попытка оправдаться, не правда ли?.. — Но я обязательно вернусь, чтобы застать вас, когда кое-кто будет в объятьях своей девушки совсем без плаща и очков.

— Потому что их растворит желудочный сок.

Надо же, у палача есть чувство юмора! Кто бы мог подумать... Или оно у него только что прорезалось — из-за того, что руку оторвало, и скаф больше не герметичен?..

— Прости, дружище. И ты, Хельга, прости.

Макс Край много подлянок сделал в своей жизни, но... Палач и эта страшненькая девушка ему во все не друзья, но... Сплошные «но». Нужно спасти Патрика — вот мое оправдание всему. Ради сына, если надо, я буду предавать, стрелять в спину и...

АПС я сунул в кобуру, надетую поверх скафандра, снял с плеча автомат и резво затрусили вслед за Миленой, которая не теряла времени на пустопорожние беседы со смертниками.

В просторном зале, где мы оказались, было множество высоких кривых колонн, обвешанных сотами вроде осиных, но в разы больше. В этих сотах, налепленных абы как, в припадке полнейшего неприятия к порядку, что-то происходило. Пробегая мимо, я то и дело замечал в них какое-то движение.

Это показалось мне важным. Тем более что псевдочасы не желали снабдить меня соответствующей информацией, чему я уже не удивился. Они — и я с ними — будто достигли порога дозволенного, за которым — пусто и совершенно секретно. Милена скры-



лась из виду, а я медлил... Не опуская автомат, подошел поближе к колонне и увидел за полупрозрачной перегородкой соты, вроде той, что отделяла шлюз от норы, самое мерзкое существо, которое только можно представить. А я-то, поверьте, кого только не повидал, и с фантазией у меня полный порядок.

За перегородкой лежало нечто вроде курицы-гриль. Подумаешь, да? Вот только курица эта была буро-зеленого цвета, и внутри у нее что-то шевелилось, натягивая кожу, а потом она, эта чудно зажаренная пташка, вдруг дернула бройлерным окорочком, снабженным внушительными когтями, заставив меня от неожиданности отпрыгнуть на пару метров.

Инкубатор и зародыш, понял я без подсказки часов. В соте — будущий путник.

И такие зародыши прибывают в наш мир без перерыва, чтобы здесь уже вырасти в полноценных представителей своего народа и обрести свое сознание... Пазлы из ранее загруженных в мозг образов выстроились в строго определенном порядке, позволив увидеть картину происходящего целиком. Мозг работал с перегрузом — из носа у меня потекла кровь.

Вот так и Главный Накопитель работает по максимуму круглые сутки, снабжая энергией для Прыжков. Скоро места в подземных норах не хватит, местные «кроты» попросту не будут успевать их рыть, а значит наполненные соты — они автономны — отправят на поверхность и загрузят в гибриды тех же «азиатов» Ронина, который почему-то не мог открыто выступить против Парадиза. Грузовики доставят



соты в аэропорт, а уж оттуда на самолетах по всему миру...

Пока мозг был занят, мое тело само приняло решение и привело приговор в исполнение — как бы со стороны я почувствовал дрожь в руках и услышал грохот выстрелов. Это мой палец жал на спуск «калаша», выпускавшего очередь за очередью по сотам, но не причинявшего им никакого вреда.

Черт, да по ним хоть из пушки пали, а я тут с жалкой пукалкой!..

Эти инкубаторы, эти соты, их надо уничтожить. Нельзя все оставить, как есть.

Я вдруг четко уяснил, что если ничего не предпринять сейчас, то завтра моему сыну негде будет жить — его среду обитания уничтожат мерзкие пришлые твари!..

Но как?! Как предотвратить Вторжение?!

...одна вещица, которую крысозавр выплюнул мне на ладонь перед тем, как наша «беседа» подошла к концу...

«Таблетка».

Подчиняясь интуиции, я погрузил руку в скафандр на груди — иначе не скажешь, именно погрузил. Материал точно слился, сохраняя герметичность внутреннего пространства. Пальцы мои нашарили в кармане подарок крысозавра. Только я вытащил этот кругляш наружу, как он мгновенно нагрелся, обжигая мне кожу даже через прослойку скафа. Я дернулся и уронил «таблетку».

Она упала в слизь у меня под ногами.

Рефлекторно я закрыл глаза, ожидая взрыва, который порвёт меня на куски.



Но ничего такого не случилось. То есть вообще. «Таблетка» просто лежала на поверхности слизи.

Черт! Как я мог довериться гипертроированной крысе?! О чём я вообще думал, когда решил, что одна маленькая «таблетка» способна помешать Вторжению и остановить инкубаторы?! Так жестоко меня еще не кидали...

Кляня себя почем зря, я не сразу уловил, что слизь под ногами превратилась в стекло, а скаф, в который я нарядился, отваливается от меня кусками.

Но ведь радиация...

Соты лопались, выбрасывая наружу буро-зеленые склеротичные трупики.

Что я натворил?! Неужели получилось?!

Неожиданно для меня ожили часы на запястье, с которого только что отпал кусок скафандра. Из нахлынувшего потока образов я понял, что «таблетка» — и близко не аспирин, как утверждали некоторые лысые, но активатор полной зачистки. Она используется, когда нужно срочно убрать все — даже малейшие следы присутствия путников на планете, что иногда бывало нужно, если они нарывались на слишком сильную цивилизацию, способную дать отпор. В таком случае разведчикам вменялась тщательно убрать за собой и убраться самим, чтобы потом, не вспугнув заранее местных, вернуться уже с серьезной поддержкой.

«Bregguett» передали мне последнюю картинку — образ громадных «кротов», которые навсегда замерли в только что прокопанных ими норах — и всё, часы превратились просто в кусок золота с сапфировым стеклом и ремешком из крокодиловой ко-



жи. Этот кусок больше ни на что не был способен, даже время показывать.

— Я себе настоящие куплю. — Расстегнув ремешок — на запястье остался округлый след от корпуса — я без сожаления выбросил бесполезную уже вещицу.

И услышал крик:

— Макс, я нашла Патрика! Макс, мне нужна твоя помощь! Быстрее, Макс!!!

Я бросился на голос жены.

* * *

Первую гарпию Рыбачка сшиб, дав ей подлететь поближе, но не позволив выпустить по колонне смертоносную струю кислоты. Тело ее порвало в лохмотья зарядом дроби. Перепончатые крылья, сплошь издырявленные, судорожно махнув разок-другой, сорвались в пике и рухнули на «блин», ничуть ими не побрезговавший, — сверкнули шипы, послышался хруст.

Подчинившись приказу байкера, детки опустились пятymi точками на асфальт и обхватили головы руками. Больше для обеспечения их безопасности он ничего не мог сделать. Выстрел — и еще одна гарпия пала смертью храбрых. Еще выстрел. И еще...

Гарпий было слишком много, они заходили на колонну со спины Рыбачки, с флангов. Он крутился на месте как волчок, с ужасом ожидая того момента, когда закончатся патроны.

И этот момент настал.



— Летите ко мне! Давайте! — Рыбачка взмахнул над головой дробовиком. Если что, использует огнестрельное оружие как дубину. Да если надо, он зубами тварей грызть будет!

Но пальцы его, обхватившие оружие, предательски разжались — сказывалось безмерное напряжение.

И случилось неимоверное.

Дождь — или правильней назвать эти «осадки» градом? — из десятков, если не сотен, крылатых тварей обрушился на улицу у стадиона. Одна такая безжизненная тушка едва не зашибла Рыбачку, оторопевшего от самого прекрасного зрелища в его жизни.

Он видел, как проступают на асфальте очертания «блинов», — на самом деле их было куда больше, чем казалось поначалу — как они, обозначив свое присутствие, склокиваются, превращаются в бесформенные комья, сочащиеся зеленоватой жидкостью. Жидкостью, к большому удивлению байкера, не ядовитой: оборачиваясь, он случайно вступил в нее, и от сапог не повалил смрадный дым — кислота, выделяемая мертвыми тварями, потеряла свою убойную силу.

Но это еще не все.

Рыбачку ждал еще один сюрприз: стадион больше не прятался под куполом.

Сердце радостно забухало в груди. Обожженное лицо байкера исказилось в подобии улыбки.

— Край, мы еще встретимся, — едва слышно прошептал Рыбачка. — С тебя должок, я ничего не забыл. Ты только выживи, Край.



Он повернулся к детям:
— Подымаемся и — организованно! — за мной.
Вас всех дома заждались.

* * *

Я сидел посреди стекла, в которое превратилась слизь, в окружении обломков Главного Накопителя.

Передо мной лежал мертвый Патрик.

Мне хотелось рвать на себе волосы, биться головой о стены и рыдать, рыдать, рыдать... Но меня точно заклинило. Ни стона, ни слезинки. Я просто сидел, чувствуя, как с меня пластами отваливается скафандр. Я уже должен был умереть от радиации, но даже этого не происходило — злодейка-судьба издевалась надо мной, не желая подарить радость забвения. «Таблетка» — активатор полной зачистки — нейтрализовала смертоносное излучение.

За спиной послышались торопливые шаги.

Кто там? Друг или враг? Плевать. На все плевать. Я не обернулся.

— Край, что с Патриком?! Как Патрик?! — Милена упала перед нашим мальчиком на колени.

...Сначала мы по очереди делали ему непрямой массаж сердца и искусственное дыхание, потом моя благоверная принялась метаться по подземелью в поисках лекарств, докторов, хоть какой-то помощи... Шанс найти врача-реаниматора тут был примерно такой же, как, намазавшись кремом, не обгореть в центре Солнца. Но она делала все, что могла. Она хоть что-то делала...



Я вдруг отчетливо понял, что если скажу хоть слово, пущу хоть одну слезнику, то сойду с ума от горя. И пусть! На глазах блеснула влага, я открыл рот и...

— Помоги его поднять! — Милена взяла нашего сына за подмышки и дернула на себя.

Вот только ее силенок было маловато, чтобы оторвать Патрика от пола, ведь наш мальчик занимался спортом, был таким славным крепышом. Был...

— Край, очнись! Максим, ну, помоги же мне! Еще есть шанс!

О чем она говорит? Смысл истеричных выкриков бывшей жены до меня не доходил. Ее голос звучал глухо и едва слышно, словно откуда-то издалека. К тому же эхо предыдущих слов заглушало последующие.

Она потрясла у меня перед носом часами, застегнутыми у нее на запястье. «Breguet», конечно, что ж еще. Она что, думала меня ими удивить? Вот сейчас — сейчас! — она хвастается какими-то часами?!

Я едва не ударил ее. Сдержался. Все бессмысленно. Только что такие же куранты выбросил — переведя взгляд на ее безделушку, я невесело хмыкнул.

Милена поняла меня правильно:

— Эти не такие, как у тебя. Эти особые. Твои для слуг или еще кого, не поняла образ, а эти для разведчиков. Я их в загоне нашла, где девчонка, помнишь?.. В карман сунула, а потом... Если б не они, мы бы дальше застряли, лифт бы нас не повез. Они работают до сих пор. И благодаря им я узнала, что...

Я закрыл глаза.

Хотелось закрыть еще и уши, но руки не поднимались.



— Патрик, он был в Главном Накопителе, а значит, был в их системе, а значит, его сознание автоматически скопировалось в базу данных ближайшего Лона. В Лоне есть инфа не только о каждом путнике, но и вообще о каждом существе, которое оказывалось в поле их интересов. Чтобы возродить Патрика, нужен только образец ДНК, Лено само создаст тело и вольет — это не точное слово, но что-то типа того — короче, вольет в него сознание. — Милена вновь попыталась поднять Патрика и даже сумела протащить его с полметра. — Ты понял меня, Максим? Кивни, если понял!

Я кивнул.

И буркнул, только чтобы она оставила меня в покое:

— Если нужен образец, зачем все тело тащишь?

— Край, скотина, ты что, нашему мальчику палец собрался отрезать — как образец?! Или ухо?!

Ее нелогичное обвинение привело меня в чувство. В груди робко трепыхнулась надежда. Может, не все еще потеряно? И все можно исправить?!

— Как была ты дура, так и... — Я поднял сына и на руках понес туда, куда вела меня Милена. Она бежала впереди и подсвечивала дорогу своим мобильником, потому что мхи и грибы на стенах и потолке уже завяли. — Я ж «таблетку» запустил. Все оборудование путников полегло, ты ж сама видишь.

— Лено выращено из плоти Прародителя, оно... Как объяснить... Ему твои «таблетки» до лампочки! Оно прямое попадание ядерной бомбы выдержит.

— Инкубаторы тоже...



— Что тоже, Край?! Что — тоже?!

Я оставил ее вопрос без ответа. Потому что мы нашли Лоно. Я сразу понял, что это *оно* — потому что у него сохранилась собственная энергосистема и подсветка. И ничего, что с виду оно — обычное белое яйцо метров пять высотой без щелей и зазоров. В простоте сила, верно?

Вот только Лоно оказалось занято.

И его хозяин не обрадовался нашему приходу.

* * *

Метаморфоза в себя самого или в иное существо из базы данных Лона — процесс быстрый, не требующий усилий и даже забавный, радостный. А вот устранение чужого — чуждого! — сознания не только занимает время, но и вызывает неприятные ощущения. Поэтому разведчик не спешил с преобразованием тела — нет, не растягивал удовольствие, но хоть немного компенсировал вынужденные неудобства.

Древняя песня Лона оборвалась. Сквозь скорлупу разведчик увидел светловолосую самку-сапиенса. Если восстановить сектор стертый психоматрицы, отвечающий за половой инстинкт, наверняка выяснится, что самка эта привлекательна для самцов данного мира — уж больнозывающе, даже агрессивно она себя вела: издавала громкие звуки, стучала по скорлупе.

Прямо из Лона разведчик ударил ее ментально с силой, минимум вдвое превосходящей возможности его предыдущего организма. Если бы он успел завер-



шить метаморфозу и удалить наложенную психоматрицу, воздействие получилось бы столько сокрушительным, что...

Ух! Он едва не отдал свой образ Лону, такой сильный получил удар в ответ — почти как от того мальчишки, что стал основным топливным элементом Главного Накопителя.

Найти столь энергетически наполненного сапиенса было неимоверной удачей, а тут — второй такой же мощный экземпляр?!

Определенно этим стоит заняться лично.

Он прошел сквозь скорлупу наружу. Окружающая среда почему-то совершенно не подходила для нормальной жизнедеятельности его не до конца трансформировавшегося организма. Происходило что-то не то. Пакет данных о своих наблюдениях он сохранил в базе Лона.

— Это ты, сволочь, выкрад моего сына?! — Чувствительные слуховые мембранны разведчикаibriровали под напором воздуха, вырывающегося из ротового отверстия самки. Фасетки его настоящих глаз четко фиксировали мельчайшие капельки слюны, которыми самка, дыша, загрязняла атмосферу. — Это ты убил Патрика!

Блок памяти подсказал: Патрик — именно так звали мальчишку, который... Значит, эта самка принесла его в своем помете? Энергетическая мутация, наследственная?

Его не до конца трансформированные челюсти щелкнули, остатки языка во рту попытались сформировать звуки нужной тональности, но без голосовых связок, да еще во враждебной атмосфере, это



оказалось непосильной задачей. Да и стоит ли вступать с самкой-сапиенсом в переговоры? Пусть даже столь сильной энергетически? Она — всего лишь обладательница генетической аномалии, передающейся из поколения в поколение...

Однако анализ — Лоно успело отрастить разведчику соответствующие рецепторы, срабатывающие на значительном расстоянии от объекта, — не подтвердил родства самки и мальчика.

А значит...

Чтобы разобраться, разведчик решил взять образец. Для этого надо всего лишь убить самку.

Он метнулся к ней, схватил лапами за горло.

Проще простого.

* * *

Желудочный сок уже почти разъел нижнюю часть скафандров Заура и Хельги, когда по языку лифта прошла судорога, сбившая обреченную на смерть парочку с ног.

— Прощай! — крикнул Заур. — Ты мне нра...

Пасть распахнулась.

Обоих буквально выплюнуло из нее.

* * *

То, что выбралось из Лона и кинулось на Милену, было ужасной карикатурой на ангела с церковной картинки. У этой бледно-зелено-твари ростом



за два метра из спины торчалиrudиментарные крылья без перьев и пуха — эдакие культияпки, как у ощипанной курицы. Уж их-то я хорошенъко рассмотрел, ибо зашел метаморфу с тыла.

Он, похоже, не принял меня всерьез или не заметил, потому что Милена на «отлично» отвлекала его. Ведь ее задачей было выманить разведчика из Лона, освободив место для Патрика, а моей...

Я, как обычно, был не только мозгом, но и руками операции.

Вытянутая морда — что-то среднее между клювом птицы и челюстями человека — еще сильнее удлинилась, когда я принял всаживать промеж крыльев-культияпок пуль за пулей.

Тварь разжала когти.

Милена, за горло приподнятая над полом, упала, откатилась в сторону. Сменив опустевший магазин, я разнес монстру его треклятую голову. Жаль, половых признаков я не заметил, а то хорошенъко наподдал бы по ним.

Еще раз сменить магазин...

— Хватит, Край! Хватит! Он уже мертв! Помоги мне!

Вместе мы подтащили тело Патрика к Лону. Оно засветилось ярче, стало прозрачным. Мальчика чуть ли не вырвало у нас из рук, втянув внутрь гигантского яйца...

Что было дальше? Как работало Лоно?

Без малейшего понятия.

Быть может, адская машинка путников заново перекраивала моего сыночка или каким-то образом оживляла его бездыханное тело, а то и вообще ни-



чего не происходило, потому что Милена неверно истолковала образы, часами загруженные в ее мозг, — мозг блондинки!..

Считайте это малодушием, но я отвернулся.

Я смотрел на лицо своей бывшей, не отрывающей взгляда от Лона. Не моргая, до рези в глазах, уставился на бледное ее лицо с заметными уже морщинками у глаз, лицо, измученное многими испытаниями, закаленное в горниле бурной молодости, и даже в возрасте уже вполне солидном не знающее покоя. Губы Милены беззвучно шевелились, я же кусал свои до крови. Она то хмурилась, — сердце мое сжималось от боли — то улыбалась — тогда мне хотелось обернуться, чтобы увидеть все самому. Но в следующий миг моя бывшая зябко дергала плечами, и я обмирал, хватая воздух открытым ртом и мечтая, чтобы жизнь моя тут же закончилась.

Я готов был молиться всем богам нашего мира и прочих миров, какие только есть, просить о помощи Праородителя, путников и крысозавров, лишь бы спасти моего мальчика, лишь бы вытащить его из тьмы небытия.

На глазах Милены блеснули слезы. Она уткнулась лицом в ладони. Все тело моей бывшей содрогнулось в беззвучных рыданиях.

Вот и все. Сказочка о душеспасительном Лоне оказалась слишком жестокой.

Я до боли сжал рукоятку «стечкина». Меня все-го тряслось, но я все же сумел подвести ствол к виску. Палец на спуск и...

— Батя, ты чего? — послышалось сзади. — Привет, мам.



ЭПИЛОГ

Когда Заур и Хельга нашли семейство Краевых, те, рыдая, обнимались.

Милена вкратце поведала о том, что произошло. Рассказ о своей смерти мальчик воспринял удивительно спокойно. Это насторожило палача.

— Край, ты обрел заново сына, но... Ты хоть понимаешь, что это уже не Патрик? Твой сын погиб, его больше нет, он у Господа на небесах! — он озвучил свои сомнения, предполагая, что грешник взорвется, схватится за оружие. Но то, как Край отреагировал на это заявление, оказалось для Заура полной неожиданностью.

Макс просто подмигнул палачу и сказал:

— Что ты вообще знаешь о моем сыне? Ты знаешь, что ему нравится хрустеть попкорном на утренних сеансах в кино? И чтобы рядом сидели папа и мама, и я пил пиво, а Милена ела сладкую вату. И чтобы...

Ничего этого палач, конечно же, не знал.

И все же он вновь попытался вразумить грешника:

— Машины исчадий ада могу производить лишь адские создания, но не людей, как ты этого не понимаешь?!

— Мы готовы рискнуть. Верно, любимая? — Край говорил вроде как в шутку, с хитрой ухмылкой.

Милена кивнула ему.

Ни он, ни она не видели, как на руке Патрика, обнимавшей отца, вдруг проступили присоски, как у осьминога.



От удивления палач крякнул. Он хотел уже осенить крестным знамением демона, скрывающегося в теле подростка, и освободить его от грядущих грехов пулей, но... А как бы сам Заур — человек, мужчина, а не палач — действовал, если б с его сестрой случилось несчастье и появился бы шанс ее воскресить?..

Решиться ему помог умоляющий взгляд Хельги, так и просивший не вмешиваться. «Блудница», — ласково подумал он о девушке.

— Главное, сынок, что ты снова с нами, а остальное — ерунда! — Радостное сюсюканье Края никак не соответствовало образу грозного бандита.

— В конце концов, у каждого есть свои недостатки. — Хельга обхватила шею Заура и прижалась к нему всем своим жарким телом и особенно — широкими женственными бедрами. — И мы будем любить наших детей со всеми их странностями, правда?

Палача кинуло в жар. Он пробормотал что-то невразумительное, но не отстранился, а наоборот — обнял девушку.

— Прощай, Край. Лучше бы тебе не попадаться мне на глаза.

— Тоже буду рад повидаться вновь. Чем займешься, дружище? Будешь пьяных задерживать, по карманам у них шарить?

— Обязательно. — Заур нервно провел ладонью уцелевшей руки по черепу. Он впервые обнимался с девушкой. — Но сначала разберусь с Ронином. Не могу же я вернуться домой с пустыми руками? Начальство любит результаты, ему только подавай уз-



коненных грешников. А потом надо бы отследить, куда отправляли «манну». Кажется, с путниками еще не покончено. Мне недавно попался в Киеве пацан-беспризорник, так вот он, должно быть, чудовище покруче тех, что мы здесь...

— Не утруждай себя, дружище. Я просто из вежливости спросил.

Прощальных объятий и скучих мужских слез от Края ждать не стоило. И слава богу.

— Но ведь они среди нас! — трепыхнулся напоследок Заур. — Наверняка и в правительстве!

— И что с того? — Грешника это нисколько не заботило. — Мало ли какие упыри нами правили долгие годы? Замени одного врага рода людского на другого — ничего не изменится. Главное, что оборудование путников уничтожено. А так — пусть живут, я не против. У нас тут, в Вавилоне, кто только не селится. Чем эти, из параллельного мира, хуже?

Хельга дернула Заура за руку, намекая, что пора уходить.

«Блудница», — вновь ласково подумал он.

* * *

Милена, Патрик и я торопились оказаться как можно дальше от Парадиза. Прямо-таки счастливая семья на пробежке трусцой, только затычек плееров в ушах не хватает.

— Батя, не отставай!

— Максим, поднажми!



Легко сказать! Ведь это у меня, а не у родственников дорогих разболелось ушибленное колено.

За нашими спинами бывший стадион, бывший рынок и оплот вторженцев доживал свои последние секунды. С протяжным визгом лопались трубы — «лапы паука». Гулко ухнув, осыпался на трибуны купол. Мы спешили удалиться от опасной зоны, ведь неизвестно, как далеко и глубоко под городом прорыли свои норы-ходы бионоиды. Точно одно: фундамент под стадионом они основательно подпортили, а «таблетка» уничтожила не только все живое оборудование путников, но и разрушила слизь, укреплявшую норы, из-за чего земляные своды и стены не выдержали, разрушились...

— Стойте! Мне ж не четырнадцать лет, как некоторым. — Я позволил себе притормозить лишь у проделанного в «колючке» прохода. Отсюда начался скорбный путь мотобанды «Ангелы Зоны» к Парадизу. — Отдышаться дайте!

— В гробу отдохнешь, Край, — отрезала Милена.

А ведь только-только ласково звала меня по имени. Непостоянство — отличительная черта всех красавиц.

— Да ладно, — смилиостивился надо мной Патрик, — порядок, тут нас не зацепит.

— Вот спасибо, дружище, уважил! — я хлопнул его по плечу.

Быстрым шагом мы миновали коридор в «колючке». Пустые окна соседских домов смотрели на нас с осторожным восхищением.

— Сын, скажи, а как так получилось... Ну, наркота — и ты?



— Отстань от ребенка, Край! — Милена, как всегда, встала на защиту нашего малыша, будто я хочу ему только зла.

— Батя, да хрен его знает? — Патрик на ходу пожал широкими плечами и скривил виноватое лицо. Знает ведь, что я не люблю, когда он выражается, но ему кажется, что это круто, что так он выглядит старше. Поморщившись, я решил не окорачивать его. Момент такой... суровый. Самому хотелось выругаться. — Я в клубе за парня одного заступился, а потом охрана. Я ходу — и парень вместе со мной. Потом мы решили в «Маке» по коле выпить, а потом хлоп — и я на трибуне, газон внизу, крендель этот в балахоне...

Все ясно. Хоть и сомнительное, но облегчение. Дилер, за которого сын заступился, подсыпал наркоту в газированный напиток, так что Патрик употребил драгс неосознанно.

— А записка, что ты маме оставил? «Не жди меня»? И рисунок — ангел?

— Ну да, чтобы не ждала к ужину, я же в клуб пошел. А рисунок... Это я маму так изобразил. Ты же знаешь, я рисовать не очень-то умею...

Нащупав в кармане пустой полиэтиленовый пакетик, найденный под ноутом Патрика, я решил не разvивать тему. Все мы были молоды, все экспериментировали.

Я обнял сына:

— Дружище, все хорошо, что хорошо кончается.

Вот только не поспешил ли я поставить точку в этой истории?

Из подворотни справа послышался отрывистый звук, будто кто-то ударил кулаком по клаксону ма-



шины. Милена тотчас вскинула автомат. Патрик попытался загородить маму собой. А я лишь скрестил руки на груди.

Из-под арки вырулил блестящий черный джип со знаком радиационной опасности на капоте, под которым скрывался мощный турбодизель. Отличная аэродинамика с элегантной решеткой радиатора, комфортабельный кожаный салон, полный электро-пакет с подогревом сидений, датчиком дождя и так далее. А главное — ни царапины на нем!

Джип остановился, не доехав к нам с десяток метров. Предусмотрительно. Иначе Милена открыла бы огонь.

Стекло со стороны водителя опустилось.

— Босс, вас подвезти, или вы пешком?

Если кто не понял, я поясню, откуда знаю про фарш и салон. Этот джип — мой обожаемый Танк! Качок-охранник таки забрал его из ремонта. Оперативно, надо признать, мою тачку отрихтовали. Ну да Макса Края в Вавилоне, как известно, любят, стараются ему угодить!..

И все бы хорошо, но было одно «но», из-за которого Милена не спешила опускать автомат.

Я озвучил ее — и свои тоже — сомнения:

— Как ты узнал, что я здесь буду?

Водила высунул наружу голову и шевельнул квадратной челюстью:

— Да мальчионка один от Петровича прибежал, рассказал.

Я кивнул — мол, порядок, разрешаю себя подбросить, куда скажу — и потопал к машине. Моя бывшая и Патрик устроились сзади, а я умостил свой



тыл на сидушку справа от качка. В салоне работал крохотный телевизор, и реклама, которую нынче показывали, настраивала на мирный лад. Я пристегнулся, — не люблю рисковать понапрасну — и Танк покатил по ухабам обычной городской дороги.

Вскоре мы проехали мимо Рыбачки, возглавляющего колонну подростков. Гордей — ну точно воспитатель детского сада!

Высунувшись в окно, я помахал ему рукой:

— Дружище, ты настоящий педагог!

В ответ он показал мне оттопыренный средний палец.

Реклама закончилась. На экране нарисовался Президент — и у меня внутри похолодело, ведь на руке у него поблескивали весьма примечательные часы. Надо ли говорить, какой марки?

— Край, ты обратил внимание... — Милена тронула меня за плечо.

— Да, любимая, обратил. — Я сделал звук громче.

Одутловатое лицо гаранта всегда отличалось скучной мимикой, а тут и вовсе казалось, что на нем живыми были только губы.

— Так куда едем, босс? В клуб или... — Водила осекся, нарывавшись на мой взгляд, и отвернулся, уставившись на яму и трещины, заменяющие собой проспект впереди.

После долгого вступления Президент только-только разразился пламенной речью, которую мне хотелось послушать, ни на что не отвлекаясь.

«В связи с обязательствами нашей страны мировому сообществу и эскалацией вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке, — звучал из крохот-



ных динамиков благородный мужской басок, — призывной возраст снижен до четырнадцати лет. Частично будут призываться не только юноши, но и девушки. Это вынужденная мера, временная...»

— Дружище, а тебе ведь как раз исполнилось недавно?.. — я обернулся к сыну.

Патрик кивнул:

— Пап, я не хочу на войну.

Конечно, далеко не все отправляются служить за границу. Чьи-то родители с рождения чад собирают на огромную взятку военкому и врачам. Они готовы на все, чтобы их любимого ребенка признали настолько больным, что он не то что для армии не годится, но чуть ли не в гробу уже, в белых тапках.

Увы, не все папы-мамы могут устроить своим детям счастливую молодость дома.

У меня вот с баблосом совсем печально. Мой клуб не пользуется популярностью у молодежи, которой не отдохнуть под музыку хочется, а пудрить носы всякой дрянью. О Милене и говорить нечего, у нее отродясь сбережений не водилось — все, что я давал, она тотчас спускала на шмотки и прочую ерунду.

А значит...

Взглянув еще раз на часы Президента, я пообещал Патрику:

— Я обязательно разберусь с этим, сынок. Обязательно!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. ПОЛЕТ ВАЛЬКИРИЙ	5
Глава 2. МЕЖДУ АФРИКОЙ И АЗИЕЙ	25
Глава 3. ВСТРЕЧА ВЫПУСКНИКОВ	65
Глава 4. ҚАМИКАДЗЕ	93
Глава 5. ПОДАРОК ГОСПОДА	117
Глава 6. МАТРИЦА	143
Глава 7. ДВОЕ НА «САМОУБИЙЦЕ»	173
Глава 8. МЕТРОМОНСТРЫ	207
Глава 9. СТЕНА	234
Глава 10. ТВОЙ КРЕСТ	253
Глава 11. ЛОНО	285
ЭПИЛОГ	309

Литературно-художественное издание

16+

STALKER

Александр Шакилов

ГЕРОИ ЗОНЫ. ЗЕМЛЯ ВЕТЕРАНОВ

Фантастический роман



Редакционно-издательская группа «Жанры»

Зав. группой *М.С. Сергеева*

Руководитель проекта *В.А. Бакулин*

Технический редактор *Т.П. Тимошина*

Корректор *И.Н. Мокина*

Компьютерная верстка *Е.М. Илюшиной*

ООО «Издательство АСТ»

127006, г. Москва, ул. Садовая-Триумфальная, д. 16, стр. 3, пом 1, ком. 3

Наши электронные адреса:

www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

По вопросам оптовой покупки книг

Издательской группы «АСТ»

обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, 21 (7-й этаж)

Тел.: 615-01-01, 232-17-16

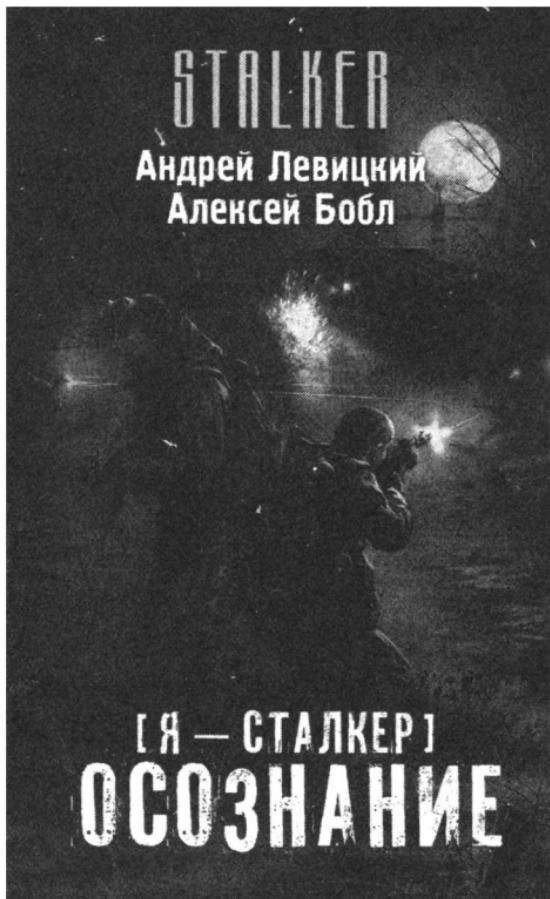
Издано при участии ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009
Ул Кульман, д 1, корп. 3, эт. 4, к. 42, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.

E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».

ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.

Пр. Независимости, 79, 220013, г. Минск, Республика Беларусь



Что-то странное происходит в Зоне Отчуждения. Новая сила подчиняет мутантов, на ее стороне выступают сектанты Черного братства, даже обычные сталкеры постепенно покоряются ей.

Егор Атилов, спец по электронике, торгующий в Зоне особыми устройствами, не знал, свидетелем каких невероятных событий станет. Встреча с заказчиком обернулась чередой непредсказуемых приключений: знакомством с двумя легендарными в Зоне личностями, бегством и погоней, столкновением с чудовищным противником... Победить нового врага могут лишь все группировки сталкеров, объединившись и выступив одним фронтом.

Но даже в этом случае успех не гарантирован...

ОКСТРОГИ

АЛЕКСАНДР



ШАКИЛОВ



**ЭПОХА ЗОМБИ
АТАКА ЗОМБИ
ВОЙНА ЗОМБИ**

Цивилизации больше нет.

Города окружены огромными
стенами.

А вокруг раскинулись
ЧУЖИЕ ЗЕМЛИ.

**Кто новый хозяин
планеты?**

STALKER

Закона больше нет, зато у всех и каждого есть оружие.

Это Вавилон, рай для тех, кому нужна свобода.

Но однажды в раю появились демоны...

Президент страны, торговец наркотиками и мальчишка-беспризорник — что у них общего? К войне с кем готовятся сильные мира сего? И почему пропадают подростки?

Никто не знает.

Одно точно — Макс Край снова в деле.

Значит, есть надежда найти ответы?..

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-077939-0



9 785170 779390

